

Сергей
КОЗЛОВ

дежурный
АНГЕЛ

Сергей
Козлов

дежурный
АНГЕЛ

Рассказы

THE
JOURNAL

OF THE
ROYAL ANTHROPOLOGICAL INSTITUTE

OF GREAT BRITAIN AND IRELAND

Сергей
Козлов

дежурный
АНГЕЛ

Рассказы

Сибирская Благовонница

Москва

2011

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2 Рос = Рус)6-4
К 59

Козлов, С.С.

К 59   Дежурный Ангел: рассказы./ Сергей Сергеевич Козлов. – М.: Сибирская Благовонница, 2011. – 446, [2] с.

ISBN 978-5-91362-454-3

В книге сибирского писателя Сергея Козлова «Дежурный Ангел» – истории о былинных богатырях Древней Руси, о людях сегодняшней России, то слабых и ошибающихся, то умеющих проявить себя в борьбе с несправедливостью и злом. В небольших рассказах нашла отражение наша современная жизнь с ее печалью и радостями, встречами и расставаниями, отчаянием, надеждой и верой в милосердие Божие.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2 Рос = Рус)6-4

© Козлов С.С., текст, 2008
© Оформление. «Издательство Сибирская Благовонница» (ООО), 2008

ISBN 978-5-91362-454-3

СКИНЬКЕДЫ

Маленькая повесть в память о погибшем племяннике

* * *

Душноватыми, липкими от недавно отступившей жары сумерками вкрадчиво входил в город июльский вечер. Солнце ещё полыхало оранжевым заревом на западе, будто катился в сторону горизонта огненный вал, и день, вроде бы не совсем кончился, но все малыши давно уже посмотрели программу «Спокойной ночи». Те же, кто был постарше, собирались в это время в беседке в центре детской площадки, доставали сигареты, кока-колу, кое-кто потягивал пиво, некоторые просто сидели, поддерживая пустую болтовню многозначительным молчанием. Дюжина ребят от 14 до 20-ти ежедневно обреталась здесь для того, чтобы придумать продолжение вечерних походов, либо, отдав время бесцельным разговорам, разойтись по домам после полуночи. Днём в беседке собирались реже. Туда приходили вследствие приступов безде-

ля в надежде встретить хоть кого-нибудь и разжиться деньгами или сигаретами, прокатать округу принесённой на плечах новомодной музыкой, побренчать на гитарах; приходили, если уже некуда было или, наоборот, никуда не хотелось идти. Таким образом, в большей степени это было место сбора ни для чего, а потому... Зато здесь всегда могло начаться что-то, хотя не всегда хорошо кончиться. В этом, кстати, легко усмотреть вселенскую закономерность. Уж если История порой начинается от места, к примеру: от египетских пирамид, от гималайских вершин, от Акрополя, – то нет ничего удивительного, что житейским историям тоже надо плясать от какого-то места. И молодые люди приходили сюда, в первую очередь, потому, что здесь более всего ощущалась сопричастность к масштабным событиям, даже если они таковыми не были или их не было вообще. Ощущение причастности заменяло то, что взрослые называли самореализацией. Но уж если эта самореализация начиналась, то история могла получиться пусть не с большой буквы, но с восклицательным знаком!

В июле дворовая дружина заметно редела. Многих вывозили к теплым морям родители,

некоторых почти силой отправляли в местные, а потому «беспонтовые» лагеря, третьи находили летом временную работу. Те, кто собирался в беседке летом, принадлежали либо к категории социально неблагополучных, либо, наоборот, к везунчикам, каковых родители оставили дома со старшими сёстрами, братьями, а то и в полной самостоятельности. Таким счастливым этим летом был Валик – Валентин Запрудин, крепкий белокурый паренёк, который весной окончил десятый класс, а летом бескомпромиссно заявил родителям, что не поедет с ними жариться на пляже, потому как в шестнадцать лет ему уже стыдно повсюду таскаться за ними хвостиком. После недолгого, но бурного совещания отец решил проверить зрелость сына посредством полива дачного участка и содержания дома в образцовом порядке, а вздыхающая мама на пяти листах расписала не только последовательность действий на каждый день, но и несложные рецепты приготовления некоторых блюд. Понятно, что в листы Валик ни разу не заглядывал... Денег, разумеется, ему тоже оставили, подробно рассчитав траты, а также спрятали на книжных полках записку, которую Валик без труда нашёл через полчаса после того, как родите-

ли отбыли в аэропорт. Достаточно было пробежаться по томам любимого отцом Пикуля и увидеть в «Фаворите» гладенькие купюры.

Сегодня был второй вечер его самостоятельной жизни. Первый удался на славу, но помнил он его смутно. В первую ночь Валик решил стать мужчиной, для чего пригласил в гости свою соседку и одноклассницу Ольгу Большакову. С ней у него складывался вялотекущий роман: провожалки, танцульки, совместные походы в кино с несмелыми поцелуями. Товарищи с более богатым опытом посмеивались над Запрудиным, критикуя его нерешительность и делая непристойные подсказки. Но роман Валентина и Ольги хоть и был размеренно-скучноватым, но зато искренним. Что-то необъяснимое тянуло их друг к другу и не позволяло совершать резких движений. Роман был романом, а не пошлыми страстишками, о которых сально баяли в беседе старшие товарищи, смакуя порой отвратительные подробности. Планируя перевести затяжную скучную часть романа в бурную фазу, Валентин распотрошил отцовский бар и, накачивая себя для смелости, нагрузился до рвотного рефлекса. Полночи Ольга таскала из-под него тазы, а он последними остатками

сознания проклинал алкоголь и собственную глупость. Утром в пустой квартире он сгорал от стыда и сухости во рту.

Уже ближе к полудню, опустошая единым духом литровую бутылку «Аква-минерале», Валик одновременно приводил в порядок мысленный сумбур, царивший в его голове. Первая и правильная мысль была следующей: так жить нельзя. Но жить правильно – скучно. Приняв нужное количество влаги внутрь, Валик перешел к наружному применению и минут двадцать отмокал под душем. Здоровый организм, ещё ночью отторгнувший алкогольную отраву, требовал себе нормальной пищи. Бутерброды с колбасой и чай с лимоном окончательно восстановили баланс сил, и теперь мозг способен был воспринимать дальнейшее развитие событий во всей их непредсказуемой последовательности. В нём блуждала необъяснимая и всепоглощающая сила каких-либо действий, порождающих либо развлечения, либо приключения. Она и вытолкнула его во двор, в самый, так сказать, штаб – в беседку. Там на этот момент обретался только один завсегда-тай и местный Чапаев – студент второго курса университета Алексей Морошкин. Лицо его на момент прибытия Валентина выражало му-

ки рождения мысли, способной перевернуть мир. Лоб под коротким ежиком волос пересекали отнюдь не юношеские морщины.

Морошкин слыл во дворе искусным придумщиком по части массовых развлечений, приколов, маленьких подлостей, сведущим в самых разных областях знаний, так как был начитан, а также знал кучу историй, которые любили слушать в этой беседке по вечерам. Ребята всех возрастов относились к нему с уважением, иногда не в обиду называя его «Энциклопедия». Жили они вдвоём с матерью в однокомнатной квартире весьма скромно, поэтому каждое лето, когда его мама Валентина Петровна устраивалась на какую-нибудь халтуру, Алексей либо слонялся по двору, либо тоже находил случайные заработки: от курьера в какой-нибудь фирме до поденщика-грузчика на рынке. На вырученные деньги он, к удивлению многих, покупал чаще всего книги. Родился он в конце мутных восьмидесятых годов, когда никто рожать и рождаться не хотел из-за всяческой нестабильности, поэтому сверстников у него было мало, зато Алексей легко находил общий язык как со старшими, так и с младшими.

– Здорово, – протянул Валик руку.

– Возможно, – как-то странно ответил Морошкин.

– Чё мозг морщишь? Вчерашний день забыл? – осведомился Запрудин.

Морошкин на это не спеша достал сигарету, прикурил и, только сделав несколько затяжек, изрёк:

– Представляешь, этот мир отвратительно несправедлив!

– Только что об этом узнал?

– Нет, в очередной раз убедился.

– Что стряслось-то?

– Моя Ольга вчера вечером кинула меня! Села в тачку к мальчику-мажору и укатила с ним куда-то на фазенду его папы!

– А моя Ольга вчера всю ночь тазы из-под меня таскала... стыдно, блин...

– Стыдно, но справедливо, – признал Морошкин, – а вот в моем случае... У меня даже слов нет. И вот я тут решил... Решил очень важное...

– Банк ограбить? Так ты в прошлом году собирался.

– Нет, как учит нас незабвенный Остаб-Ибрагим-Бендер-бей, с кодексом надо дружить. Я решил создать общество народных мстителей.

– Общество народных мстителей? – Валик недоверчиво ухмыльнулся.

– Именно, мой юный друг. И предлагаю тебе вступить в него первым.

– И кому будем мстить?

– Всем! Всему этому человеческому обществу! Всей этой долбаной демократии, всем этим партиям, всем обокравшим страну миллионерам, всем этим хапающим чиновникам, всем этим растусованным поп-звёздам, всем, кто учит нас, что так жить правильно, хотя мы знаем, что так жить нельзя.

– Ты в комсомол не вступил? – вспомнил Запрудин знакомое слово.

– Этим тоже будем мстить. Они тоже мажоры! Молодая гвардия по заказу! Всем! Всем, кроме униженных, оскорбленных, обездоленных, честных работяг, настоящих ученых, талантливых поэтов, художников, музыкантов... Остальных – к стене позора! – в глазах Морошкина при этом горел недобрый огонёк революционного порыва, на ёжике волос выступили капли пота, а трафарет Че на футболке недоверчиво съежился.

– И что ты собираешься делать? – Валик почувствовал интригу, ему захотелось сходить за пивом и напоить им всех пацанов во

дворе, лишь бы они прониклись в этот момент воззванием Морошкина.

– Смех продлевает жизнь, это аксиома. Но смех и убивает. Я буду мочить их смехом. Поднимать их на смех и бросать с его головокружительной высоты. Никакой суд, даже их купленный, никогда не признает это убийством. Будем прикалываться, Валик. Вступай в общество народных мстителей, и кавээновские шутки покажутся тебе детскими забавами, а «Комеди-клуб» – пошлой развлекухой для богатых раздолбаев и богемных пижонов. Ну? У меня уже есть первый ход!

– Не посадят? – на всякий случай спросил Запрудин.

– Даже не арестуют. У папаши этого мажора супермаркет в центре города.

– Хочешь украсть оттуда сникерс или пачку презервативов? – ухмыльнулся Валик.

– Фу, как мелко, – сморщился Морошкин. – Я хочу поднять его на смех. На смех со всей его холёной солидностью. Повеселимся, брат! Смех лечит! Мне не нравится дедушка Ленин, но мне противен и напрочь лишённый справедливости капитализм, жертвой которого я сегодня стал. Нет, вру, я уже родился таким. Я родился в СССР, в отличие от всех вас,

детей ущербной демократии и беспредела. Я родился в империи, какие бы прилагательные не прикладывали к этому понятию. Я в лоне матери чувствовал её мощь, у меня реликтовая память на величие, а тут мне предлагают пусть и самый большой огрызок, населенный вымирающими моральными уродами! Так что я объявляю этому бесчеловечному строю войну! Начну с супермаркета «Престиж»...

– И как ты это сделаешь?

– Отправлюсь туда с официальным визитом. Правда, для этого мне потребуются декорации. А, вон Вадик уже кое-что тащит...

Вадик Перепелкин, что учился курсом младше Морошкина, выбежал из соседнего подъезда, прижимая к груди старую потрепанную овечью шубу. Даже издали было видно, что она в нескольких местах проедена молю и состоит на треть из пыли.

– Ты замёрз, что ли? – спросил Валентин.

– Это ты замёрз, мой юный друг, в своей стагнации. Эта шуба – главная часть образа. Лучше подумай, что у твоих родителей есть старого и ненужного из одежды, вызывающее отвращение.

– Кого одеваем?

– Интеллигентного бомжа.

– У меня есть отцовский берет, – вспомнил Валик, – он в нём на дачу раньше ездил, в нём дырки, как от пуль, а ещё он коричневый, как спелая кашка. Короче, полный отстой.

– Годится.

– Есть ещё ботинки. Отец в них белил гараж. Видок убойный.

– Тащи! Сейчас ещё Бганба принесёт старые трико, роговые очки, а у меня есть пачка «Беломора» и разные носки с дырками.

Через пятнадцать минут Морошкин прямо в беседке вырядился во всё доставленное товарищами старье, и, когда в заключение нацепил на кончик носа очки бабушки Бганба, крупнотелый абхаз зашелся таким заразительным смехом, что вся компания схватилась за животы. Успокоиться удалось им не сразу. Не смеялся только Морошкин, он гримасничал, принимал важные позы, входил в роль. Из-под шубы тревожно выглядывал Че Гевара. Видимо, завидовал боевому берету Алексея. Трико Бганба на ногах Алексея выглядело, как спружиненное галифе. Главное, что удалось в образе, – стараниями Ольги Большаковой и её косметички невозможно было определить ни пол, ни возраст получившегося бомжеватого существа. Последним штрихом стало удостове-

ние члена общества защиты прав потребителей, которое Морошкин купил по случаю на рынке. Но внутри оно было заполнено весьма грамотно.

– Эх, если бы самому не было противно, я бы предпочел пахнуть мочой и кошачьими какашками, – мечтательно произнес Алексей, – ну хотя бы дешёвым одеколоном меня облейте.

* * *

Через полчаса они были у центрального входа в супермаркет. Внешнее кольцо охраны преодолели легко. Бганба якобы помог трясущемуся нервному существу осилить ступени, сочувствуя его жалкому виду, буквально под руку провёл мимо раскрывших рты качков, которые стали что-то торопливо говорить в свои рации. Остальная группа ребят вошла в магазин так, будто никакого отношения к происходящему не имела.

– Война дворцам, – криво ухмыльнулся Морошкин, оказавшись в центре торгового зала и обретя заветную тележку покупателя.

Он нагло двинулся вдоль прилавков, заставляя шарахаться в стороны благовидных представителей среднего класса и лощёных бога-

чей. Отвращение на их лицах вызывало у него внутреннее торжество. За ним неотступно следовала группа охранников аж из трех человек, которые поминутно советовались с кем-то по рациям. Алексей поочередно хватал с прилавка что-либо особенно дорогое, подолгу крутил в руках, принимался к упаковкам и с недовольным видом ставил обратно.

– Чаво в Рассею понавезли! Генетически модифицированные продукты! Отрава, блин!

Охранники, точно озадаченные бульдозеры, всё же окружили Морошкина, и один из них потребовал:

– Слышь... это... – он не знал, как обратиться к существу, – покинь магазин.

– На каком основании? – оскалился Морошкин. – Я платежеспособный гражданин России. – И в подтверждение своего финансового достоинства он достал из кармана ворох купюр – результат предварительной складчины дворового сообщества.

– И вот сюда ещё глянь, соколик, – протянул Алексей удостоверение.

Охранник безглаголиво взял в руки документ, раскрыл его и поменялся в лице, читая вслух:

– Калабухов Вольдемар Ольгердович, заместитель председателя общества защиты прав

потребителей. Чё за ксива такая? – спросил он себя и напарников и снова обратился к спасительной рации.

Воспользовавшись их замешательством, Морошкин ринулся к мясному прилавку, где скопилась, хоть и небольшая, очередь порядочных граждан. С приближением Морошкина она скоропостижно растаяла. Две удивленных продавщицы воззрились на странного покупателя, стараясь не зажимать носы от запаха лосьона «Троян», образующего вокруг Алексея пятиметровую ауру недосягаемости.

– Двадцать пять грамм «докторской», – любезно обратился к продавщицам Морошкин.

– Как? – переспросила та, что взяла в руки нож.

– Двадцать пять грамм «Докторской» и восемнадцать «Венской», – добавил Морошкин, непринуждённо и располагающе улыбаясь.

– Так и резать, восемнадцать?

– А чего, мы цифер не знаем? Начальное-то образование, небось, есть?

Одна из продавщиц стала нехотя выполнять заказ, а вторая ехидно осведомилась:

– А фаршику вам не нажевать?

– Ты, милая, не ёрничай, – успокоил её Алексей, – ты мне пока полкило российского

сыра пластиками нарежь. Смотри не ошибись, полкило... И пластики чтоб тонкие были. У меня друзья интеллигентные, придирчивые в гости придут.

– Поди, тройной одеколон из хрустальных рюмок пить, – процедила сквозь зубы первая.

– Мне что, «Книгу отзывов и предложений» попросить, написать, как мне тут хамят? Я, между прочим, деньги платить собираюсь, – нахмурился от вопиющей несправедливости Морошкин.

– Ничего, если «Докторской» двадцать шесть грамм? – спросила, глядя на электронные весы, продавщица.

– Ладно уж, милая, хоть и вгоняешь ты меня в лишние растраты. Смотри с «Венской» не ошибись.

Чуть в стороне дворовая компания едва сдерживала смех. Когда Морошкин с тележкой откатил от мясного отдела, продавщицы были выведены из строя до конца рабочего дня. Морошкин под строгим надзором сопровождающих его охранников небрежно метнул в корзину несколько пачек чипсов. По сценарию в его кармане запел мобильный телефон. Звонил ему из соседнего отдела Запрудин. Когда Алексей картинно

раскинул над ухом престижную «Нокию», охранники окончательно утратили чувство реальности.

– Да, Леопольд Львович, – как можно громче якобы ответил Морошкин, – в супермаркете «Престиж». Да. Могу вас заверить, что отношение здесь к социально-незащищенным гражданам, прямо скажем, предвзятое. Меня повсюду сопровождают надзиратели. Конечно, это унижает человеческое достоинство.

После этих слов охранники отступили на пяток шагов, продолжая консультации по рациям.

Морошкин же, рассчитываясь с кассиром, будто только что вспомнил нечто, ударил себя по лбу и озадаченно возопил:

– «Хенесси» забыл! Леопольд Львович расстроится. Мальчики! – обратился он к окончательно впавшим в ступор охранникам. – Принесите, пожалуйста, бутылочку «Хенесси», а то я уже рассчитываюсь.

– «Хенесси»? – переспросил старший смены.

– Да, и, пожалуйста, настоящий.

– У нас в магазине всё настоящее.

Через пару минут охранник вернулся с коробкой, в которую был упакован дорогой

коньяк. Морошкин придирчиво открыл коробку и намеренно чуть не выронил бутылку, отчего дыхание перехватило не только у кассира, но и у всей честной компании. Внимательно изучив лейблы и этикетки, Алексей тоном знатока заключил:

– Польский, точно польский. Подделка варшавская.

– Не может быть! – возмутилась кассирша.

– Вы мне, девушка, не рассказывайте, я сам на подпольном заводе в Польше из одной бочки и «Наполеон», и «Курвуазье» лил. А в бочке был дешевый бренди. И эта бутылка откуда же!

– Ну не покупайте, если вам не нравится! – охранник потянул руку к заветной коробке.

– Нет уж, господа, теперь пригласите мне какого-нибудь старшего менеджера, мы с ним об экспертизе поговорим.

Охранник после этих слов побагровел, стало ясно, что в любой момент он может просто снести, растоптать Морошкина, просто размазать его по дорогому мраморному полу. И давно бы уже сделал это, если б не боялся замараться.

– Слышь, – процедил он сквозь зубы, – может, ты всё-таки уйдёшь от греха подальше?

Вали по-тихому, а? Очень тебя прошу. У нас тут, блин, не рюмочная, а нервы у моих ребят не железные.

– Ага, угрозы, значит, – спокойно констатировал Алексей, – и нервишки шалят. Не похоже на цепных псов капитализма, неужели церберов плохо дрессируют? Сидеть, лежать, апорт, голос, фас – вот тебе доллар!

После таких слов бульдозеры плотной группой двинулись на Морошкина. Но тот (в момент высшего напряжения) неожиданно вытащил из-за пазухи полиэтиленовый пакет, наполненный недвусмысленной коричневой жижей.

– Стоять! – крикнул он. – Или я вынужден буду применить биологическое оружие.

Охранники притормозили.

– Что за фигня? – кривя лицо, спросил один из них.

– Фекалии из инфекционного отделения второй городской больницы, – подробно и с нескрываемым удовольствием пояснил Морошкин. – И если какая-нибудь тварь посмеет нарушить моё конституционное право на неприкосновенность личности, всё это добро щедрыми брызгами разлетится по данному помещению.

– Ты что, специально в больницу ходил дерьма набрать? – усомнился старший смены.

– Зачем специально, я там работаю... В морге, – с видом победителя уточнил Алексей. – Так что, мальчики, если не хотите замараться, стойте спокойно, я расплачусь и тихо уйду.

– Тьфу, – старший смены разочарованно принял безысходность патовой ситуации, – но если я тебя ещё раз в нашем магазине увижу, я тебя всё, что у тебя в карманах, съесть заставляю...

Едва отойдя от супермаркета, дворовая команда предалась неудержимому хохоту. Ребята, согнувшись пополам, показывали на Морошкина пальцами, сыпали колкостями, повторяли сцены, только что виденные в магазине. Не смеялся только Морошкин, он, судя по всему, обдумывал дальнейший план действий.

В это время к группе подошла скромно одетая женщина, из тех, что часто стоят у дверей лощёных маркетов с протянутой рукой, не дотянув до очередной пенсии..

– Грех, ребята, смеяться над нищими, – сказала она.

Все враз замолчали. А у Морошкина подпрыгнули брови:

– Да вы что, мать, мы же наоборот, мы над буржуями... – он достал из кармана мелочь и несколько купюр. – Вот, возьмите.

У огромного Бганбы даже губы затряслись. Он тоже порылся в карманах и щедро извлёк оттуда сотенную.

– Возьмите, пожалуйста. Это от души, вам нужнее. Мы не смеялись над бедными. Меня мой отец на месте бы прибил, если бы я стал таким человеком, – от волнения у него появился кавказский акцент, которого отродясь не было.

Женщина так и осталась стоять с деньгами в руках, похоже, не поняв, что тут только что происходило. Только прошептала им вслед:

– Храни вас Бог, деточки...

Уже в беседке, когда эффект проведённого мероприятия пошёл на спад, Морошкин, открыв бутылку пива, констатировал:

– Это, ребята, детский лепет. Надо что-нибудь посерьёзнее. Всем – домашнее задание: придумать акт мести капитализму. Любым его проявлениям, всей этой извращенной демократии.

– Ты, Лёха, что, революцию решил сделать? – спросил Геннадий Бганба.

– Революции делают ущербные люди, – ответил Морошкин, – а я просто... как бы это

назвать? Назовём это по-умному: моделирование общественного поведения в условиях экстремальных ситуаций в условиях российского либерализма.

– Ну прямо курсовая работа, – усмехнулся Перепёлкин.

– Пацаны, а мне это по приколу! – признался в восторге Валик.

– Только не называй нас пацанами, – прищурился Морошкин, – не люблю я этого слова.

– Чё в нём такого?

– Оно происходит от еврейского слова «поц», что означает писюн, так что ты сейчас нас всех писюнами назвал. Кто как, а я писюном себя не считаю.

– Да я не знал, – потупился Валик.

– Есть же другие слова: парни, ребята, друзья, в конце концов...

– Ну, это ты у нас Энциклопедия...

– Кстати, в словаре Даля вообще нет такого слова, – добавил Алексей.

– А как обращаться к девушкам? – спросила Ольга, которая чувствовала себя в мужской компании неудобно.

– Вас, Оля, мы будем называть «сударыня», устроит?

– Вполне. А можно я свою подругу на следующее... – она стала вспоминать слово, – на следующее моделирование приглашу? Светлану. Вы её знаете, она тоже поприкалываться любит. – И пристально посмотрела на Алексея.

– Можно, – разрешил Морошкин, который был автоматически признан лидером.

– А как мы будем называться? – озадачился Валик. – Есть там антиглобалисты, есть анархисты, нацболы есть, есть скинхеды... А мы?

– Это формализм, – поморщился Алексей, – любое осмысленное название влечёт за собой обязательную программу, уставы, символы и прочую требуху. А мы, как Баба Яга, против, и всё. При этом никакого нигилизма, чисто человеческое неприятие. Пусть будут там «Наши», нацболы, скинхеды, а мы будем, к примеру, «скинькеды»! И всё! И никаких объяснений. «Неуловимые мстители» уже были, в нескольких сериях. Скинь ке-ды, не парься, расслабься – зашнуровать тебя всегда успеют.

– «Скинькеды», – задумчиво повторил Вадим, – а мне иногда хочется сбросить обувь и пойти по улицам босиком... Летом, конечно. Да и полезно, говорят.

– Кеды – удобная, дешёвая спортивная обувь, – согласилась Ольга.

– Слушай, Лёх, – вспомнил вдруг Бганба, – а в пакете у тебя натуральное?..

– Какао с водой, ну и ещё некоторые ингредиенты, для пущей наглядности, – усмехнулся Морошкин, – меня бы самого стошнило. Зато как сработало? А? Я даже пожалел, что не взял с собой натуральный продукт. Точно бы плюхнул им под ноги. Представляю себе заголовки местных газет: в супермаркете «Престиж» совершен террористический акт... Надолго бы мы им покупателей отбили. – Морошкин встал и мечтательно потянулся: – Ну ладно, ребята, пойду переоденусь, мне ещё сегодня контейнеры со спортивным инвентарём разгружать. Встретимся завтра вечером. Каждому принести с собой идею, а ты, Оля, можешь вместо идеи привести свою подругу.

В это время во двор въехал лаковый «Лексус». Он замер как раз у подъезда Морошкина. Из него появилась возлюбленная Алексея Ольга Вохмина с огромным букетом орхидей. Из другой дверцы вальяжно вышел молодой человек, одетый в белые джинсы, белую футболку и золотую цепь в палец толщиной. Он предупредительно проскользнул к двери,

чтобы открыть её для девушки. На пороге они обменялись лёгким поцелуем, отчего Морошкина скривило.

– Молилась ли ты на ночь, Дездемона? – саркастически прокомментировал он. – А ещё вчера ты клялась мне в вечной любви...

– Ну так, – поддакнул Вадим, – у него вон какое точило...

– Оля, а если у меня не будет «Лексуса», ты тоже от меня уйдёшь? – иронично спросил у Большаковой Валентин.

– Дурак ты, Запрудин, – обиделась Ольга и направилась к своему подъезду.

– Знаете, ребята, – горько признался Алексей, – если честно, мне почти до слёз обидно. Мы с ней с десяти лет дружили, с тех пор как она в наш дом переехала. А этот меня своим «Лексусом» за один вечер переехал...

В беседке повисло сочувственное молчание.

* * *

Всю ночь Валик ворочался с боку на бок. Во-первых, не удалось помириться по телефону с Ольгой и позвать её к себе. Дёрнул же леший с этой дурацкой фразой про «Лексус»! Во-вторых, ему очень хотелось придумать какую-нибудь акцию не хуже морошкинской.

В-третьих, он пожалел, что не пригласил Морошкина к себе переночевать, вместе подумать над «моделированием общественного поведения», а заодно дёрнуть с горя пивка по поводу подлой измены Ольги Вохминой. Валентин ворочался, часто вставал и бежал на кухню попить воды, пока не догадался притащить пластиковую бутылку из холодильника к постели, переключал кнопки на дистанционнике телевизора, где по двенадцати из пятнадцати каналов стреляли, а на остальных трёх шла как бы допустимая эротика. Причём на одном из трёх ведущие упорно продвигали права сексуальных меньшинств. Именно прыганье по каналам навело его на нужную идею.

Ещё только улавливая её, он подошёл к отцовскому сейфу с оружием. И хотя ключи от него (как полагал отец) были надёжно спрятаны, Валик прекрасно знал где. Кроме двух охотничьих ружей в сейфе хранился газовый пистолет «Double Eagle». Там же всегда лежала коробка холостых патронов (иногда они с отцом баловались на даче, устраивая весёлую пальбу). И патроны, и пистолет были на месте. После обследования оружия Валик лёг спать со счастливой улыбкой. Завтра он принесёт идею покруче морошкинской.

День прошел с ленивым запахом лапши быстрого приготовления и медленным течением времени. Пару раз Валик выходил во двор, но кроме июльского зноя там никого не было. Во второй половине дня позвонил Ольге, она как раз должна была вернуться с тренировки по гимнастике. Не лень же человеку летом с утра гнуться и тянуться! Но зато какая фигура!

– Оль, ну не обижайся, – начал Валентин, когда она взяла телефонную трубку, – ну глупость я вчера сморозил.

– Валь, а вот скажи честно, ты меня любишь? – вдруг огорошила его Ольга. – Мы столько времени вместе, ты мне что угодно говорил, только не это. Я всё после первого поцелуя ждала, после второго... Может, Валентин, ты меня за маркитантку какую держишь?

– Маркитантку?

– Ну, помнишь, нам историк рассказывал. Следуют за войском торговли, продают необходимое, а я ещё потом вычитала, что они и телом приторговывают или являются походными жёнами командиров.

– Оль, да ты что! – уже сам обиделся Валик. – Подожди, только не говори больше таких глупостей. Маркитантку... Сейчас, – он

набрал в легкие побольше воздуха, словно собирался нырнуть, и выдохнул: – Оля, я тебя люблю, ты самая лучшая на свете...

Послушав её ответное молчание, продолжил:

– Знаешь, я не раз читал, как объясняют-ся в любви. Просто «любовь» это такое огромное слово. Огромное, понимаешь? Мне иногда становится противно от того, как мы все общаемся друг с другом. Как придурки из эм-тви... И произнести посреди всего этого хлама слово «любовь» – это как розу на навоз бросить. Я просто хотел по-настоящему...

– А сейчас ты по-настоящему сказал? – наконец заговорила Оля.

– Да. Конечно. А теперь могу я у тебя спросить?

– Валентин, я тоже тебя люблю, – опередила Ольга, – просто девушкам не принято признаваться первыми, а от тебя не дождёшься. А позавчера ночью ты меня для чего позвал?

От следующего вопроса в лоб у Запрудина похолодело в груди, неправильный ответ мог перечеркнуть всё вышесказанное. От растерянности он начал кусать губы, Ольга же терпеливо ждала, не оставляя ему шанса

на уход в сторону. Помогать ему девушка не собиралась.

– Оля, – выдавил Валентин, – я хотел затащить тебя в постель; не знаю, что бы из этого получилось. Но только ты поверь, что я не для того... А... в общем... – дальше он не знал, что говорить.

– Спасибо, что не соврал, – облегченно вздохнула на другом конце провода Оля, – только давай с тобой договоримся сразу, я лично хочу окончить школу и поступить в институт. И если тебе не терпится, если ты такой современный парень, а я тебе кажусь старомодной, то меня так родители воспитали, а ты можешь себе поискать что-нибудь посовременнее. Уверена, проблем не будет, только свистни.

– Да ты что, Оля, – чуть не замахал руками Запрудин, будто она могла увидеть. Потом вдруг собрался и весьма твёрдо сказал: – Знаешь, я к тебе испытываю такую сильную нежность... Я бы и так не перешагнул через тебя. Может, я тоже старомодный? Но что нам теперь, может, и не целоваться?

– Этого я не сказала, – уже с весёлой хитринкой заговорила девушка. – Валь, пусть всё будет в своё время.

– Скажи, я пьяный сильно противный был?

– Жалкий и смешной, но до противного не так далеко.

– Ты придёшь ко мне?

– Конечно, я же хочу тебя поцеловать, хоть у тебя нет и, возможно, не будет «Лексуса».

Когда Валентин положил трубку, ему захотелось порхать подобно бабочке, и он даже устыдился такого немужского, на первый взгляд, поведения. С улыбкой вспомнил, как дразнили их с Ольгой в младших классах только за то, что они ходили за руку в школу. Дразнили в основном мальчишки. И с гордостью подумал о том, как завидуют теперь, когда Оле могут позавидовать звёзды подиумов. Завидуют всё те же бывшие мальчишки...

А ведь пришлось даже пару раз подраться за свою даму сердца со старшеклассниками. В восьмом классе он дрался с десятиклассником Нефёдовым, и хотя был изрядно побит, Нефёдов ничего не выиграл. «Быковатый какой-то», – сказала тогда про него Оля, и тот вынужден был искать себе в возлюбленные другую кандидатуру. А в этом году прицепился мальчик-мажор – одиннадцатиклассник Гулиев. Этого Запрудин вытащил на школьный двор сам и парой ударов отбил желание

приставать к чужим девушкам. Но потом Валика прилично «оттоптали» многочисленные родственники и земляки Гулиева, русской же поддержки Валентину, как водится в России, не сыскалось. В любом случае, Оля оставалась с ним, а его синяки и ссадины были предметом её гордости.

– Ты бы пошёл из-за меня на дуэль, как в девятнадцатом веке? – спросила она после гулиевского разгрома.

– Конечно, – не раздумывая, ответил он.

И теперь, сжимая в руке отцовский пистолет, Валентин представлял себе такой поединок. И признался себе: «А на шпагах я не умею».

* * *

Вечером в беседе вслед за Валентином, Ольгой и Светланой сначала появился озадаченный Гена Бганба (у которого не было идеи, зато были проблемы: мать сказала прибраться к приезду многочисленных родственников), затем Вадик Перепёлкин (тоже без особых соображений), потом подтянулся из соседнего двора Денис Иванов (просто так) и самым последним явился Морошкин. Оглядев компанию весьма скеп-

тическим взглядом, он устало сел на перила и закурил.

– Есть же люди, которые всю жизнь работают грузчиками, – Алексей выдохнул облако дыма, – теперь я понимаю, почему пролетариат так пассивен, даже есть не хочется, – признался он и тут же сыграл словами: – А идеи есть?

Валик выдержал паузу, подождал, пока все пожмут плечами, виновато прокашляются, и лишь потом победно огласил:

– Есть!

– Излагай, – равнодушно предложил Морошкин.

– У меня дома лежит газовый пистолет с холостыми патронами! – выпалил Валик. – Не у меня, конечно, у отца, но сейчас я могу им попользоваться.

– Ты опять про банк? – обозначил морщины на лбу Алексей.

– Нет, я про моделирование ситуаций.

– И? Моделируй, – Морошкин явно сомневался, что ещё больше подзадоривало Запрудина.

– Моделируем перестрелку. Или покушение. Кто-то стреляет, кто-то падает, типа, взаправду. И смотрим на народ вокруг.

Пострелять лучше всего у бара «Голубая лагуна», там охранники без оружия...

У Морошкина в глазах загорелся нехороший огонёк. Он поймал мысль Валентина сходу.

– Валик, гениально, – оценил он, – у меня есть стартовый револьвер. Значит, можно имитировать мощную перестрелку. Почему в «Голубой лагуне»? Там же эти, мальчики, которые девочки, – он предупредительно кивнул на нормальных и порядочных девушек.

Света при этом презрительно сморщилась, Ольга никак не реагировала.

– Во-первых, – начал пояснять Запрудин, – там вряд ли окажут серьезное сопротивление; во-вторых, я как-то мимо шёл, и ко мне там два размалёванных пи... – он глянул на девушек, Ольга была не из тех, при ком можно выражаться, – два размалёванных пристали: «Мальчик, не хотите ли раскрепоститься, ой, какой хорошенький...» Меня чуть не вырвало.

– Валик, ты гомофоб! – определил Морошкин.

– Ты чё обзываешься? – обиделся Запрудин, который не знал значения этого слова.

– Не кипятись, Валик, он сказал, что ты нормальный парень, – разъяснил Бганба, который знал, кто такие гомофобы, благодаря

своим многочисленным горячим родственникам. Толерантность среди них была явно не в почете, да и слова такого они не знали и знать не хотели.

– Вы тут какую тему затеваете? – наконец обозначился Денис Иванов.

Морошкин мельком глянул на его ноги и с радостью обнаружил, что он обут в такие же дешёвые, как и он сам, кеды.

– А ты скинь кеды, проще будет понять, – улыбнулся он, а все хохотнули.

– Чё? Босиком ходить? – не понял Иванов.

– Да не, это так, присказка, а в сказке можешь поучаствовать. У тебя есть дома маленькая видеокамера?

– У предков есть, – сразу сознался Денис.

– Отлично, будешь хроникёром. Оператором. Надо снимать нашу борьбу за счастье униженных и оскорблённых.

– А нам что делать? – напомнила Света. – Нас в «Голубую лагуну» точно не пустят. По половым признакам. Если только постричься и в парней нарядиться...

– Не надо, – замахал рукой Алексей, – а кто у нас будет народным мстителем? Кто принесёт на алтарь мести разбитое женское сердце? – с пафосом спросил он. – Как я понимаю,

вы не испытываете тёплых партнерских чувств к сексуальным меньшинствам?

– Тьфу, – передёрнуло Свету.

Ольга сдержанно, но весьма однозначно покачала головой.

– Отлично, значит, Бганбу застрелите вы!

Абхаз тут же подорвался с места:

– Э! А меня за что?

– Как за что? За измену.

– Э, какую измену?

– Ну не родине, конечно. Не переживай, я за тебя отомщу после твоей смерти. Завалю всех, последнюю пулю себе в висок... Драма, достойная Шекспира. – Тут Морошкина стало разрывать хохотом, сквозь него он просил Иванова: – Дэн, ты только успевай снимать, как гомосеки будут по окопам расползаться... Ой, блин, я эту картину представляю... Бганба, ты меня любишь, мой кавказский медвежонок?!

Тут уже смеялись все, кроме Бганбы.

– Если отец узнает, что я ходил в этот бар, он мне стопроцентное обрезание сделает дедушкиным кинжалом, – хмуро сказал он самому себе под нос.

Когда все успокоились, Морошкин начал излагать план:

– Хотя в этом баре, по известным соображениям свободы личности, нет камер слежения, нам надо измениться до неузнаваемости. Даже холостая пальба пахнет реальной статьёй. Вдруг кто-нибудь из девочек с усами родит во время боя? А вы – настоящие девочки, – обратился он к Ольге и Светлане, – готовы пожертвовать своей косметикой?

– Даже своих мам, – ответила за обеих Света.

– Отлично! Гена, тебе понадобятся шикарные кавказские усы и хотя бы тёмные очки. Вадим, машину у отца возьмёшь на пару часов?

– Попробую...

– Валик, ты делаешь несколько дымовушек. Напоминать как – надо?

– Нет, с детского сада умею.

– Света, а тебе придётся стать панком... Да так, чтоб тебя реальную никто в этом панке распознать не мог.

– А я? – спросила Ольга.

– Оля, ты будешь за нас переживать. Постоишь на атаке. Больше никому. Общий детальный план будет такой...

* * *

К десяти вечера всё было готово. Морошкин превратился в знойную парня-девицу, Бганба – в горячего кавказского ухажёра, Светка – в разукрашенного во все цвета панка в рваных джинсах и застиранной футболке, Иванову тоже пришлось придать своему лицу женственности, Валик нацепил непроницаемые отцовские очки-капли. Из всей команды камуфляж не нанесли только Вадик, который въехал во двор на отцовской «Волге», и Ольга, что несколько часов преображала своих друзей. Проведя строевой смотр своей команды, Морошкин остался доволен.

– Ну и уроды же мы, ребята, – подытожил он. – Осталось только всем купить кеды. Во время следующей операции так и сделаем. Это будет наша визитная карточка. Хотя и есть опасность, что органы правопорядка просекут этот финт, но чем больше риск, тем больше кайфа. – Он повернулся к Бганбе и женским тенором спросил: – Ты готов любить меня, противный?

– Тише, – попросил Бганба, обливаясь потом в дорогом костюме, – если кто-то из моих родственников услышит, нас зарежут ещё до того, как вы достанете пистолеты.

– Убедил, – согласился Алексей.

В баре, несмотря на мощную вентиляцию, было накурено, курили псевдодевички не по-женски. За столиками велись тихие приватные беседы, две пары слились в самозабвенном танце, а за стойкой грустил бармен, по всей видимости, настоящего мужского рода. Стены бара представляли собой работу заборного художника на тему «как я вижу берег лазурного острова». Из стилизованных под корабельные бочек то тут, то там поднимались между столиками тщедушные пальмы, а одна из стен была жалкой имитацией водопада. В динамиках меланхолично страдал Элтон Джон.

Морошкин потащил Гену к стойке и капризно потребовал у бармена:

– Милый, наполни нам бокалы «Маргаритой», и не надо этих пошлых соломок, мы предпочитаем хлебать до одури, правда, милый? – повернулся он к возлюбленному Бганбе.

– Да, – натянуто согласился Гена и после паузы добавил, – дорогая.

Бармен с вялым безразличием, но профессиональной скоростью выполнил их просьбу и снова стал смотреть сквозь танцующих.

– Вата в бюстгальтере щекочет мне соски, – злым шепотом признался Алексей.

– Если папа узнает, где я был... – горевал Бганба, – ни одна девушка не выйдет за меня замуж.

– Ну ты-то у нас хоть активист, а я? – подбодрил его Морошкин. – А вот и Дениссима Иванова со всевидящим оком.

В бар спустился Денис. Этот, как ни старался, не мог скрыть растерянности, и хотя обувь у него была не на каблуках, а на платформе, двигался он смешным шагом греческого гвардейца.

– Здравствуй... Алёна, – поприветствовал он Морошкина, – здравствуй, Гиви, – это относилось к Гене, – мне то же самое, – кивнул он бармену, а шепотом сказал Морошкину: – Мне пукнуть хочется от волнения.

– Не стоит, вдруг этот аромат здесь является внешним раздражителем? Терпи... Даша, – последнее слово он акцентировал.

За ближним столиком между тем шла печальная беседа. Две «подруги» жаловались поочерёдно.

– Он такой бесчувственный, такой жлоб! Представляешь, так с людьми только на зоне обращаются. Вульгарно и грубо. Никакой утончённости. Наверное, я не выдержу и брошу его...

– Давно бы так, терпеть ненавижу жлобов.

– Но у него такая спортивная фигура, такие татушки обалденные...

– А у тебя такие синяки, что даже тональным кремом не замажешь...

В этот драматический момент беседы на входе появилась Светка, являя собой пик женской ярости.

– Вот ты где, подлец! – выкрикнула она сквозь сигаретный туман в сторону Гены. – На кого ты меня променял! Ушлёпок кавказский! Лучше бы ты мне с горным бараном изменил! – после этих слов она вытащила из спортивной сумки внушительный пистолет Запрудина и открыла огонь.

Бганба как-то подчеркнуто радостно подался навстречу виртуальным пулям. По сияющей белизне сорочки под пиджаком разлилась алым пятном кровь, что томилась до сих пор в полиэтиленовом пакете под мышкой. Донором был кусок баранины, значенный его отцом в морозилке для изготовления шашлыков.

– Прощай, дарагая, – уж слишком по-кавказски и чересчур театрально попрощался он с Ларисой Морошкиной.

Вообще-то с такими ранениями и чирикнуть не успевают.

Иванову пришлось спрыгнуть с табуретки, чтобы отснять момент падения Гены на соседний столик.

– Тварь! – это фальцетом выкрикнул Моршкин, доставая из дамской сумочки револьвер, и сделал три подчеркнуто неточных залпа в сторону Светки.

– Какая драма, – заворожено произнесла «дамочка», что недавно жаловалась на грубость своего дружка.

– Ну всё, – ответила Светка всем подряд, водя стволом из стороны в сторону, – конец голубому вагону, старуха Шапокляк пришла! – и начала палить во все стороны.

При таком триллерном развороте мелодрамы народ посыпался под столы, теряя парики и с таким трудом обретённую женственность. Танцующие залегли первыми, причём между ними началась странная борьба, похожая на то, кому под чьим телом укрываться.

– Щас я вам ещё дырок наделаю! – кричала вошедшая в роль Светка.

Следующую пулю по сценарию получил Иванов Денис-Даша. Упав, он постарался направить камеру в сторону бушующей Светки.

– Ну, теперь наконец-то закроют, – как-то радостно сказал бармен, что спокойно сидел

на корточках за своей стойкой, машинально протирая бокал.

Влетевшие на грохот пальбы охранники предпочли ретироваться, потому как Морошкин пару раз выстрелил в их сторону, а Светка согнулась, обливаясь кровью, будто получила пулю в живот, при этом она продолжала трясущейся рукой целится в зал, над которым парил дружный визг. Под занавес в бар влетел Валик и одну за другой бросил несколько дымовушек и хлопушек. Ощущение реального побоища передалось даже имитаторам. Помещение быстро наполнилось едким дымом. Кто-то совсем не по-женски призвал публику:

– Дёргаем отсюда! Сейчас рванёт!

Публика подорвалась, ломая высокие каблуки, жертвуя колготками и макияжем. Первыми, что характерно, на спасительную улицу вырвались охранники.

Кто-то из прохожих тут же прокомментировал появление толпы из злачного места и клубы дыма, валившие из открытых дверей:

– Во педики обкурились!

– Ну вот, начался внеплановый гей-парад, можно вызывать ОМОН, – констатировал внутри Морошкин. – Там есть выход во двор, – наклонился он к «убитому» Гене.

Бганба благодарно чихнул и сел.

– Сваливаем, а? – спросил-предложил он.

– Ясно – не остаёмся, тут щас такая любовь развернётся. Если приедут мальчики в голубой форме, то ещё ничего, эти как родственники по цвету, а если в камуфляжной, то так раско-рячат...

– Никогда больше сюда не приду, лучше бы мы его просто взорвали, – причитал Бганба, пробиваясь через подсобки.

У выхода они столкнулись с барменом, который озадаченно посмотрел на кровавое пятно на рубаше Гены, потом на Морошкина, на лице которого не осталось ни следа тихого «женского счастья», ни приступа безумной ревности.

– Бегите, парни, – сочувственно сказал бармен, открывая перед ними дверь, – я не выдам.

– Спасибо, рад встретить настоящего мужчину в этом... – Алексей не договорил, вытолкнутый напиравшим телом абхазца на улицу.

Через пару минут вся компания, кроме Ольги, мчалась на перепёлкинской «Волге». Сначала намеренно плутали по улицам, попутно стирая с лиц макияж, и только минут через двадцать машина нырнула во двор, а ещё че-

рез две Морошкин начал разбор полётов. В целом, оценив акцию моделирования как состоявшуюся, Морошкин остался недоволен её результатами. Последствия, по его мнению, могли быть более эмоциональными и разрушительными. Отметив также слабую актёрскую игру в некоторых эпизодах, отчего операцию нельзя назвать окончательно «гейниальной», он завершил свою тираду следующим:

– Ну, теперь будем ждать вестей в «городской болтушке». В криминальных новостях обязательно что-нибудь напечатают. Интересно, чем у них закончится поиск тел?

– Я с этими, – прорвало вдруг с акцентом Гену, – не то что в одном баре, я в одном морге с ними лежать нэ буду!

Компания на это хохотнула.

– А кассету можно у меня посмотреть, предки на дачу скоро уедут. С ночевой. – Предложил Иванов.

– А у меня есть новая идея, – задумчиво изрёк Морошкин, вызвав тем самым общее молчание-ожидание. – Всё, что мы делаем, это развлечения, не больше. Нужно что-то посерьёзнее. Заставить лечь на землю голубков – это не сложно, а вот кого покруче?.. Тут не просто кураж, тут отвага нужна. Как насчёт

того, чтобы пощекотать нервишки новым русским и новым нерусским?

– Запросто, – тут же поддержал Валик, которому меньше всего хотелось, чтобы подошедшая в этот момент Ольга посчитала его трусом, а главное – не хотелось, чтобы такое весёлое времяпровождение закончилось.

– Вот и отлично, – продолжил Алексей, будто получил общее согласие. – Подробно-сти завтра. После работы. Сейчас всё равно следует сделать паузу.

* * *

Отец Алексея Морошкина, майор Морошкин, зимой 1995 года был отправлен на странную войну. Если до тех пор семья жила небогато, а так, как принято говорить, ниже среднего уровня, то с отъездом отца Алексей впервые узнал, что на завтрак может не хватить хлеба, поэтому его надо оставить с вечера, отказав себе в лишнем куске на ужине. Кроме того, он узнал, что блюд из картофеля и лука может быть великое множество. А ещё он понял, что компьютеры есть у всех, кроме него, но мать сказала, что книги лучше компьютера. И он сам постиг это, когда научился погружаться в миры, созданные писателями.

Выдернуть его оттуда мог только окрик мамы: «Лёша, поменяй пелёнки Нине!», то бишь младшей сестре. Когда отец служил в сибирской тайге, то в военном городке у них была служебная двухкомнатная квартира, и у Алексея почти была своя комната. Но потом отца перевели в город, где предоставили только однокомнатную. Выбор был невелик: либо согласиться и отдать под козырёк, либо сократиться из армии. Отец без армии себя не мыслил, хотя, как видел Алексей, ненавидел всё, что происходило тогда в войсках. «Даже в Афгане было проще», – говорил он про эти дни, хотя там он воевал в звании рядового и даже получил медаль, которую ценил больше других наград.

Майору Морошкину посчастливилось вернуться с первой кавказской войны целым и невредимым. Хотя что под этим понимать? Отсутствие пулевых и осколочных ранений? Но как быть с простреленными навылет душами? Отец часто напивался, мог до утра сидеть с бутылкой на кухне и часто твердил пытающемуся успокоить его Алексею: «Сынок, из нас, из моих парней делали мясо, а потом его продавали, как на рынке, да нет, даже не продавали, а просто кидали на корм собакам...

Самое обидное, что потом эту войну постараются забыть и сделать вид, что почти ничего не было...» И со второй войны подполковник Морошкин вернулся целым и невредимым, если не считать ошибку снайпера, оставившего своим выстрелом глубокий шрам на щеке по касательной. Отец привёз с собой много денег. «Откуда?» – спросил Алексей. «Деньги нынче – вместо победы», – сурово пояснил подполковник Морошкин. «Нас теперь убивают не за Родину, а за деньги...»

После возвращения купили долгожданный компьютер, собирались переехать в обещанную начальством трехкомнатную квартиру, но вместо войны отец не вернулся с рынка. Теперь никто и никогда не узнает, что же там произошло, следователи очень быстро склонились к бытовой драке, во время которой юркий черноглазый продавец воткнул нож в спину российскому офицеру. И что с того, что несколько дней после этого рынок не работал, торговцы справедливо опасались мести военных. Теперь он работает как ни в чём не бывало, и, возможно, там до сих пор бойко торгует убийца подполковника Морошкина. Вместе со смертью отца закончились разговоры о квартире: нет человека, нет проблемы. Осталась

только смешная по нынешним временам пенсия да настоящая помощь боевых друзей. Но они с каждым годом появлялись всё реже.

На желание Алексея после школы поступить в военное училище мать ответила кратко: «Хочешь и меня похоронить? Мы тут с Ниночкой вдвоём совсем дойдём». И Алексей поступил в университет. Поступил легко, не оставляя ни единого шанса приёмной комиссии оставить его за кадром ради так называемых «платников». Рана постепенно затягивалась, и среди друзей Морошкина появились выходцы с Кавказа. Тот же Бганба, который, между прочим, рассказывал, как чечены отчаянно воевали вместе с абхазами и русскими казачками против грузин, и о том, что все абхазцы считают себя гражданами России, а отнюдь не американской Грузии. И всё же с одной из ненавистей в себе Морошкин не мог справиться: он не мог без едкой иронии, а иногда открытого зубоскальства смотреть на богатых. На тех, кто богатым стал в одночасье, одновременно зачислив себя в люди первого сорта. Если во времена военной демократии на первый план выдвигались лучшие воины, то теперь в эти ряды выдвигались, кроме сильных, хитрые и подлые, а все вместе они были в большинстве

случаев лишены каких бы то ни было моральных ориентиров. И очень часто откровенно глупы. Нет, они, разумеется, могли придумывать хитроумные планы отъёма денег у беднейшего большинства, с умным видом демонстрировать друг другу бизнес-планы, листать гламурные журналы, знать биржевые сводки, отличать фирменные лейблы от поддельных, но легко могли перепутать не то что Сократа с Платоном, но и Пушкина с Лермонтовым. Последней переполнившей чашу терпения каплей стала измена Ольги. Это было так больно, что Алексей впервые после смерти отца пожаловался матери. Она посмотрела на него внимательно своими заплаканными глазами, потрепала по голове, чего сто лет не делала, и сказала:

– Лёш, она ещё сто раз пожалеет об этом. А ты её пожалей, Лёш. Этот богатенький вряд ли на ней женится, помяни моё слово. Поиграется и бросит.

– Может, мне его убить? – весьма серьёзно озадачился Алексей.

– Упаси тебя Бог даже говорить такое, – испугалась мать, – у тебя же золотая голова.

– Но я её люблю, мама! А ради любви знаешь какие поступки совершают!

– В книгах читала, в кино смотрела, а в жизни видела редко. Ради любви чаще всего смиряются. Найти свою половинку – это удача от Бога, а некоторые, между прочим, даже обрета её, не могут оценить этого дара. Только потеряв...

– Ты снова о папе?..

– Да нет, ничего, сынок. Это уж у меня до могилы болеть будет.

– Всё равно, я объявляю им войну, – твёрдо решил Алексей.

– Лёша! – не на шутку взмолилась мать. – У нас уже был один мужчина на войне! У нас война в стране не кончается. Нигде! Будь они прокляты все со своей политикой, Горбачевы и Ельцины! Вся свора их! Живи тихо, Лёш, Бог тихих любит!

– И потому Илья Муромец святой, и Александр Невский, и Дмитрий Донской, и Суворов с Ушаковым, – настойчиво ответил Алексей.

– Упрямый ты, в отца, – грустно сказала мать.

* * *

Следующим вечером компания снова была в сборе. Морошкин как всегда пришёл по-

следним, зато принёс с собою газету «Городские ведомости».

– Во, – объявил он, разворачивая газетный лист, и начал читать: – «Кровавый закат в “Голубой лагуне”. Вчера в известном баре произошла массовая перестрелка, причиной которой стала банальная ревность. По свидетельству очевидцев, обе стороны применяли огнестрельное оружие, с обеих сторон были раненые и убитые. Но следствие на сегодняшний день располагает только лужами крови, над которыми работает экспертиза...» – и добавил от себя: – Вот они удивятся, когда группа крови укажет им на минотавра!

– Кого? – не понял Иванов.

– Мифы надо читать, – не стал объяснять Алексей и продолжил: – «Во время перестрелки пострадал один из охранников, он разбил себе голову об дверь, когда уклонялся от пуль. Примечательно, что самих пуль на месте перестрелки обнаружено не было». Плохо ищут, – иронично наморщил лоб Морошкин. – «Бар “Голубая лагуна” будет закрыт на неопределённое время. Но, как заявил директор бара Эдуард Качиньский, он приложит все усилия, чтобы его посетители как можно раньше могли вернуться в так полюбившееся им заведение».

В этом месте читатели роняют скупую слезу и высказывают сочувствие притесненным представителям сексуальных меньшинств.

– Следственные органы – это не так уж хорошо. Наша шутка может пойти по статье хулиганство, – заметила Света, которая училась на первом курсе юридического.

– С тяжёлыми последствиями, – брызнул на неё резким взглядом Алексей.

– Конечно, с тяжёлыми, – задумчиво подтвердил Бганба, – рубашка не отстиралась, «Ариэль» не проник в структуру волокон, выкинуть пришлось. А пиджак я унёс в химчистку...

– И сказал, что ел сырую баранину, – с досадой продолжил за него Морошкин.

– Ничего не сказал!

– Ой, Гена, мог бы хоть неделю подождать, – поддержала Алексея Света.

– Моя мама страшнее любого прокурора, – отрезал Бганба.

– Ладно, – примирительно сказал Морошкин, – кто испугался, может покинуть эту беседку сейчас. Просто уходя, пусть помнит: тут уже собрались не просто товарищи по развлечениям, а подельники. Кто уходит?

Все промолчали.

– Давай тему, Лёх, – нахохлился Валик.

– Легко! Это план спорткомплекса «Торнадо», – Морошкин достал из кармана и развернул раздобытый где-то план эвакуации, – кто там тренируется, отдыхает, развлекается – все знают?

– Все, – ответил за всех Валик.

– План у меня наполеоновский. Предусматривается сразу несколько акций. Правда, подготовка требует времени и некоторых средств. Уязвимые места комплекса – бассейн, сауна, раздевалка и вот эти комнатки, якобы массажные. По вечерам там обычный вертеп. Днём в спортивных залах качается братва, а богатые дяденьки и тетёнки заботятся о своих дорогостоящих телах, но их телохранители в это время грустят в машинах или вообще в офисах. Крепость данная считается нейтральной территорией, здесь не бывает разборок по их какому-то внутреннему соглашению. Охрана тут, тут и тут, – он указал пальцем, – скорее всего, не с пустыми карманами, плюс мастера всяких там единоборств. Пути отхода вот – пожарные лестницы и хозблок.

– Кто нас-то туда пустит? – задал справедливый вопрос Денис.

– И что мы там сможем смоделировать, прежде чем вам, мальчики, сломают рёбра? – добавила Ольга.

– С недавних пор я там работаю уборщиком. Это значит, что сам я в операции действовать не смогу, засветят на месте и там же зароят, но для вас я открою выход во двор, вот здесь, – он ткнул на один из выходов, – там мусорные баки, открою по сигналу. Позвоню по мобиле. Моделировать будем следующее. Мы всех их оставим без одежды, просто бросим её в мусорные баки. Эффект, спросите вы? Представьте себе респектабельных тёток и дядек, которые вываливают на улицу в купальниках?

– Не пройдёт, – решительно возразил Валик.

– Почему?

– У моего отца как-то в бане украли куртку, а была зима, он просто позвонил мне, и я принёс ему другую. А этим целый гардероб самосвалом привезут.

– Это точно, – вздохнул Морошкин. – Но очень жаль упускать возможность покуражится в таком заведении. Перестрелка там тоже не пройдёт, в нас уже через несколько секунд будут стрелять совсем не холодами.

В это время к беседке подошли участковый, капитан Смоляков и его помощник сержант Тухватуллин. Оба люди в районе уважаемые, особенно в молодёжной среде. А всё потому, что никогда Смоляков и Тухватуллин своих доморощенных хулиганов за ухо к родителям не таскали или в Комиссию по делам несовершеннолетних, а разбирались во всём сами, справедливо и честно. Вот и сейчас – подошли и поздоровались с каждым индивидуально, как с равными. Ребята примолкли: раз пришли участковые, значит, что-то не так. Тухватуллин, голубоглазый татарин, почти всегда улыбался, и улыбался так, что, казалось, он знает все твои последние шалости, вот-вот расскажет. Смоляков же, наоборот, был подчеркнуто серьёзен, но добродушен.

– Ну что, спасатели Малибу, – начал он, – вчера состоялся странный налёт на бар «Голубая лагуна». Слышали?

– Да вот, в газетах пишут, – настороженно ответил за всех Морошкин.

– Вот, уже пишут, а нас тут по тревоге подняли – дворы чесать, не самое приятное, скажу вам, удовольствие. Тел, понимаете ли, нету. Но, полагаю, их не было...

– Вот странно, да? – поддержал начальника Тухватуллин. – И кровь красная, а должна быть голубая...

Компания угрюмо хохотнула.

– А тел и быть не могло, – продолжил капитан, – потому как в руках у меня, – он достал из кармана и показал всем, – очень интересная гильза калибра девять миллиметров. Вроде бы ничего примечательного, но вот только разрешение на этот пистолет я сам одному человеку выписывал, а патроны эти, холостые, мы с ним вместе покупали. Вот ведь незадача... Я как раз в магазин «Калибр» тогда зашёл по своим надобностям... – Смоляков сделал паузу, высверливая взглядом побледневшего Валика. – А что, Валентин, отцовский пистолет, случайно, никто у вас не украл?

– Не знаю, он в сейфе, – потупился Валик.

– Пойдем посмотрим?

– Не стоит, Фёдор Алексеевич, – включился Морошкин, – вам чистосердечное сразу, или сначала паковать будете?

– Рассказывайте, – Смоляков, как и все ребята, сел спиной в окно беседки, свесив ноги на скамейку.

– Только так, чтоб нам было так же весело, как было весело вам, – присоединился, радостно щурясь, Тухватуллин.

– У вас зарплата какая, Фёдор Алексеевич, и у вас, Ринат Файзуллович?

– О! А чё так издалека? – удивился участковый.

– Иначе можете неправильно истолковать наши благородные действия. Мы же, зная вас, как человека честного и справедливого, не хотели бы в ваших глазах...

– Кончай прелюдию, начинай по существу.

– Ну, во всём виноват я, поэтому организованной преступностью тут и не пахнет.

– Нэ! – возмутился Бганба. – Мне туда папа не разрешает ходить, я там не был, но я тоже виноват! Потому что я их не люблю!

– Зато ты им понравился, – засмеялся Тухватуллин, – свидетели говорят, был молодой красавец с Кавказа. Правда, говорят, погиб.

– Вот что, ребята, – Смоляков окинул команду задумчивым взглядом, видимо, принимая какое-то решение, – если выложите всё, как есть, то обещаю, дальше нас с Рина-том это не пойдёт. Вы меня знаете, я слов на ветер не бросаю.

– Да ладно, Лёх, валяй, – будто разрешил Вадик Перепёлкин.

Морошкин некоторое время покусывал губы, внимательно посмотрел на каждого из товарищей.

Рассказывая, он опустил только три детали: свою ненависть к богатым и глупым, Ольгу Вохмину и её нового ухажёра, а также дворовый неологизм «скинъкеды». Алексей употребил весь свой талант, так что даже участники приключений слушали, будто это не про них. По ходу повествования было заметно, как Смоляков сдерживает улыбку, а Тухватуллин вообще не старался быть серьёзным и поминутно похохатывал. Кульминационный пакет в «Престиже» всё же заставил засмеяться и участкового. Поэтому когда дело дошло до жеманных ужимок посетителей «Голубой лагуны», Смоляков дал волю своему баритону, правда, старался перевести смех в кашель, мол, он у меня такой необычный. После того как Морошкин вопросительно замолчал, глядя на участкового, тот тоже начал издавать:

– Вы, братцы, наверное, очень удивитесь, когда узнаете, что первоначально, в семидесятые годы, «Голубая лагуна» называлась кафе «Буратино», специальное детское кафе, куда

мы с Ринатом Файзулловичем ходили от души поесть пломбира. А в девяностые это кафе два раза переходило из рук в руки, пока, наконец, не стало тем, чем стало. Но мало ли кто кому не нравится, вам посчастливилось жить в свободное время, так что радуйтесь, – как-то иронично сказал он.

– А чё они к нормальным парням пристают, мимо пройти нельзя, хоть на другую сторону дороги сваливай, – не согласился Валик.

– Водилы им сигналият, когда мимо проезжают, – поддержал Запрудина Перепёлкин.

– Выделили бы им необитаемый остров, пусть там друг друга любят, – добавил Бганба.

– Парни, вы чего разорались, будто я там такое кафе разрешил? – справедливо возмутился участковый. – Мне от этого одни проблемы. Вы думаете, только вы туда развлекаться таким образом приходите? Там и посерьёзнее ребята выражают своё негативное отношение к нетрадиционному сексу. А вы?! Думаете, пошалили, и всё шито-крыто? Стреляли-то вы холостыми, зато прокурор настоящий и дело настоящее завели. Могли бы хоть в другой район уйти, чтоб у меня лоб меньше чесался. Ну?

– Фёдор Алексеевич, а для лесбиянок тоже кафе откроют? – с вызовом спросила Ольга.

– Это не ко мне, вопрос в Государственную Думу или знатокам в «Что? Где? Когда?». А вам я вот что скажу, раз обещал, то слово свою сдержу, но вам придётся искупать свою вину. Не перед этими, – поторопился он сбить выплывавшее на лица ребят возмущение и отвращение, готовое прорваться галдежом, – перед теми, чьей боли вы не видите. Вот ты, Лёх, после смерти отца, думаешь, я не знаю, что весь мир у тебя виноват, ты думаешь, тебе хуже всех?

– Ничего я не думаю, – пробубнил Морошкин, опуская голову.

– А думать надо. Я тоже там был, где и твой отец. И Ринат вон... Я приехал, зла не хватало, а меня один умный человек одной фразой вылечил. Знаешь, что он мне сказал? Он сказал: надо чаще делать добро, чтобы не оставалось времени для зла. И ещё. Тебе плохо? Оглянись, вокруг тебя те, кому во сто крат хуже! Сначала я ничего не понял, даже хотел этого человека послать с его моралью... Да через пару дней нашёл на улице грудного младенца, которого мать бросила. Всё! Край! Дальше некуда! Голубые по сравнению с ней напакостив-

шие котят! Так что, братцы, вместо допросов, бесед с родителями, вы мне этим летом должны три-четыре рабочих часа в день. Возражения? Замечания? Предложения?

– Чего делать-то? – спросил Перепёлкин.

– Завтра в десять утра встречаемся здесь же, всё узнаете. Если кто-то не придёт, будем считать его предателем общего дела.

– Мне завтра к двенадцати на работу в «Торнадо», – сообщил Морошкин.

– Отпущу пораньше, – пообещал Смоляков, – Ринат тебя подвезёт. Ну всё, совещание окончено, у нас ещё работа есть.

Милиционеры ушли, а ребята долгое время молча смотрели им вслед. Первым очнулся Запрудин.

– А я знаю, что в «Торнадо» надо сделать! Не одежду красть, мы же с уголовным кодексом дружим, надо их самих заставить выскочить на улицу голыми!

– Как? – без энтузиазма спросил Морошкин.

– У меня же папа в эмчезс работает, – хитро улыбнулся Запрудин.

– О'кей, вопрос остается на повестке дня, но сначала надо у Смолякова отработать, сами понимаете, ему ничего не стои-

ло нас сдать. А там, если и не посадили бы, то, по крайней мере, на «условно» могли бы наскрести... Но твоих идей я, Валик, опасуюсь, вдруг опять твой батя с участковым в одном магазине отоваривается, и он снова к нам придёт.

– Так он уже знает, что ты там работаешь, – вступилась за Валентина Ольга.

– М-да, – угрюмо согласился Алексей, – это факт. Я уж думал, мы всё, отвоевались, и военная тайна нам не нужна.

– Ребята, а пошлите ко мне все ночевать! – пробило дружеским чувством Запрудина. – Родителей нет!

– Не могу, – отказался первым Бганба, – у меня скоро годовщина, как дядю убили, надо дома быть. Вся родня соберётся. Отец не поймёт, если я матери помогать не буду. Он брата сильно любил. Бабушка будет плакать. Каждый день плачет, а там вообще сердце порвёт.

– А у меня трудовой фронт с родаками на даче, – отказался Перепёлкин.

– Да не, хватит на сегодня приключений, – отмахнулся Денис Иванов.

Валик, Ольга, Света и Алексей невольно остались пара на пару и перед дилеммой: а не пойти ли ночевать к Запрудинам?

* * *

Гена Бганба родился перед самой войной. Разумеется, он не помнил, как летом 1992 года вся семья покинула дом на улице Дзержинского в Сухуми. Он не понимал, что отец и его брат воевали с грузинской национальной гвардией. Не знал, что сначала их приютили родственники в Сочи, потом в Москве, что потом они переехали в Сибирь, где мать смогла устроиться по специальности на работу в больницу. Ютились сначала в общежитии, а потом отец с дядей уехали, чтобы участвовать в битве за Сухуми. Гене было тогда всего два года, а его двоюродному брату пять. Но войной, борьбой за независимость Абхазии была пронизана вся жизнь семьи Бганба. Поэтому он знал о ней всё. И один и тот же рассказ здесь звучал каждый год: как погиб дядя Валера. Война уже кончилась, в Абхазию вошли российские миротворческие войска, а дяде выстрелили в спину прямо на улице. Скорее всего, это была чья-то месть. И она была бы понятна, если бы не подлый выстрел в спину. Ненависть к грузинам здесь была таким же обычным делом, как любовь к ближним. Просто их положено было ненавидеть. Хотя это не была

слепая ненависть. Как-то Гена спросил у отца: все ли грузины плохие?

Отец внимательно посмотрел на сына и ответил, взвешивая каждое слово:

– Нет, конечно, не все, раньше мы даже дружили семьями с грузинами, жили на одной площадке, нам делить было нечего, грузины тоже очень пострадали от войны. Почти все, больше четверти миллиона вынуждены были покинуть Абхазию, которая была для них родиной...

– Почему же мы их не пустим обратно? – резонно спросил Гена.

– Потому что вместе с ними вернётся война, теперь уже по-другому быть не может.

– Тогда зачем война?

– Война – это пища для богатых, для тех, кто хочет стать богатым и управлять другими людьми, – коротко объяснил отец.

– Но почему большая Россия молчит?

– Потому что в России тоже идёт война, и ей намного тяжелее, чем маленькой Абхазии, на ней большая ответственность. Мы же входили в Россию как отдельный народ и выходить из России не собираемся.

Именно поэтому Гена подружился с Алексеем. Оба не понимали, как могут спокойно

жить люди, тем более в роскоши, когда где-то идёт война и гибнут невинные люди. И оба они с одинаковой силой презирали Горбачёва и Ельцина.

Мать не согласилась возвращаться в Сухуми ни под каким предлогом.

– Я столько перевязала раненых с обеих сторон, что заслужила себе мир и покой, – говорила она.

Даже спустя несколько лет после того, что она видела в городе во время боёв, она пугалась разрывов петард и салютов. Едва-едва её удалось уговорить ездить в Сухуми в отпуск. Всё-таки – солнце и море бесплатно. А в этом году поехать не удалось, потому как маму оставили на лето вместо главного врача. Отец же настоял, чтоб все родственники собрались помянуть дядю Валеру на территории России. У них дома.

Отец так и разрывался на две части, мотаясь между Сухуми и Сибирью. С переменным успехом занимался коммерцией. Повзрослев, Гена понял, что отец занимается перевозкой не только товаров народного потребления и мандарин, но и ведёт какие-то дела с российскими военными. К тому времени у всех Бганба были российские паспорта, поэто-

му отец настоял, как старший в семье, чтобы двоюродный брат Владислав поступил в институт в России. Следом пошёл и Гена. Правда, получив в этом году диплом, Владислав уехал с отцом, а Геннадия оставили единственным мужчиной в доме. Это было похоже на приказ, и отказаться он не мог. Но вчера они вернулись и привезли с собой запах некончившейся войны...

* * *

В десять утра вся команда была в сборе. Смоляков пришёл один, опоздав на пять минут. В руках у него была большая спортивная сумка. Утро выдалось пасмурным. Задумчивые облака быстро погрузтели до состояния туч. Стало прохладнее, но небо уронило только несколько капель на квадратный метр, попугав дождём. Погода добавила хмурости и озабоченности лицам ребят. Участковый же, напротив, пришёл с особым вдохновением.

– Ну что, дети лейтенанта Шмидта, двинули?

– Куда?

– Щас всё увидите, тут недалеко.

Маленьким отрядом они прошли три квартала и вошли в один из дворов, состоящий из муниципальных зданий и офисов. Почти

в центре стоял старый, века ещё девятнадцатого, огороженный чугунной изгородью двухэтажный особняк. На воротах красным фоном выделялась вывеска с надписью «Дом ребёнка», мелкими буквами было обозначено его районное значение и отношение к системе образования. Никто из ребят лишних вопросов не задавал, милиционер и сам вёл скупую экскурсию. Так, у входа в особняк он указал на заделанный не так давно прямоугольный проём в дверях.

— Здесь был специальный ящик... Для младенцев... — и ответил на немой вопрос ребят: — Сюда малышом подбрасывали мамы, у коих совести чуть больше, чем у тех, которые бросают пищевые пакеты с детьми на помойки.

Такое начало нагнало ещё больше хмури, девочки вообще заметно волновались.

На первом этаже находились разнообразные административные и хозяйственные помещения, характерно пахло кухни и прачечной одновременно. В одной из комнат, в коей не было дверей, крутились центрифуги нескольких стиральных машин. Смоляков провёл ребят к массивной лестнице на второй этаж.

— За мной, — по-военному скомандовал он.

На втором этаже он провёл быструю рекогносцировку:

– Так, к грудничкам вам рано, сами недавно из памперсов выпрыгнули, а вот в старшую группу в самый раз, я заодно там своего крестника проведу. По коридору прямо, дверь налево. Ну-ну, чего мы такие смущенные. В атаку! Это вам не «Голубую лагуну» штурмом брать, тут вас самих обстреляют, – и открыл дверь.

Ребята несмело двинулись следом.

– Скинь кеды, – сказал он на пороге идущему следом Морошкину, и тот от знакомого словосочетания вздрогнул. Зато когда расшнуровал обувь, с улыбкой заметил, что вся его команда тоже снимала с ног именно кеды.

– Дешёвая обувь от китайских коммунистов, – негромко сказал он.

В достаточно большой комнате суетились возле игрушек десять малышей четырех-пяти лет. Шесть девочек и четыре мальчика. Один из них, завидев в дверном проёме Смолякова, тут же бросился к нему.

– Дядя Федя, пистолеты пинёс?!

– Принёс, Федяка, принёс! – и участковый расстегнул сумку, доставая оттуда игрушечное оружие.

– Играть в войну будем? Лома будет, Тасик будет, Ваня будет, ты будешь?

– Я – нет, не могу, извини, Федя, но я привёл тебе отличных стрелков, – и тут же выдал стоявшему рядом Морошкину пластмассовый револьвер: – Защищайтесь, сударь.

Морошкин стоял в растерянности, разглядывая игрушку, а по нему уже открыла огонь малышня.

– Дыджь...

– Дуф!

– Джух!

– Та-та-та...

И тогда, мгновенно приняв правила детской игры, он театрально согнулся пополам, падая, кинул пистолет Бганбе:

– Гена, лови, я убит.

Его падение вызвало жуткий восторг маленьких солдат, которые тут же начали палить в Гену. Тот же находчиво выставил вперёд Перепёлкина и, прикрываясь им, как живым щитом, перешёл в наступление. Солдатики с визгом рассыпались в разные стороны.

Одна из девочек с грустным вопросительным взглядом подошла к Смолякову. Потянула его за рукав кителя.

– Дядя Федя, а мне чего-нибудь плинёс?

– Ну, конечно, Дина, как ты и просила, парикмахерская для кукол, – достал из сумки набор в коробке, – и Юле принёс, вот эта... Барби-Синди, и Ане, и Марине... Всем принёс, налетайте.

– Балуете вы их, Фёдор Алексеевич, – из соседней комнаты, которая являлась спальней, появилась воспитательница.

Высокая стройная женщина, явно рано поседевшая, но ничего не предпринимающая, дабы скрыть эту седину, с немного воспалёнными, словно от частого недосыпания, глазами с незлым осуждением смотрела на участкового.

– Да я же не часто. На мою зарплату, Галина Васильевна, не очень-то и побалуешь.

– Всё равно, они потом к каждому встречному-поперечному пристают.

Оля и Светлана быстро сообразили, что им делать: куклы из сумки участкового весело отправились в импровизированную парикмахерскую Дины, где они стали работать помощницами мастера. Только две девочки не подошли к группе играющих. Одна сидела в кресле и задумчиво разглядывала шумных гостей (перестрелка приняла неожиданный характер, убитого Валика тут же сменил Денис, а убитого

Дениса уползший в коридор из последних сил Морошкин), другая на детском стулике медленно гладила по голове мягкую игрушку, большую собаку, которая, как сторож, сидела рядом.

— Ну а вы, — поманила Света, — идите к нам!

— Саша не может, — вполголоса объяснила Галина Васильевна, — она вообще не ходит, а Наташа — не видит.

Оля и Света замерли на какое-то время, сдерживая моментально навернувшиеся на глаза слёзы. Застыл с пистолетом в руке Морошкин, который только на миг представил себе, что его сестра Нина не ходит или не видит, а главное — у неё нет ни мамы, ни Алексея. Бганба сказал что-то похожее на ругательство на абхазском. И только Наташа сидела всё с тем же огромным, но ничего не видящим синим взглядом, направленным чуть в потолок. Рука её продолжала гладить игрушечного пса. Воспитательница разрядила обстановку, хлопнув в ладоши:

— Так, все собираемся, здесь тесно, вон пыли сколько подняли, вояки, перемещаемся во двор. Кто покатит со мной Сашу?! — обратилась она к малышам, но их опередила Оля.

– Можно, я?

– Только аккуратно, – предупредила Галина Васильевна, будто Оля могла сделать это хуже, чем пятилетний ребёнок.

– У моего младшего брата остался отличный пулемёт... Он ему уже не нужен, можно я принесу? – спросил у неё пришедший в себя первым Денис Иванов.

– Можно, но лучше не нужно. Мы оружие как-то не поощряем. Это у нас Фёдор Алексеевич, ему прощается, ребятишки однажды у него настоящий чуть не украли. Прямо из кобуры.

– Да ладно, Галина Васильевна... Вы им тут расскажете, они потом подумают, что я за табельным оружием не слежу. Кто ж такое мог предусмотреть, что в кобуру втихаря залезут? Это всё Федька, вояка!

– Так вы Федю сюда принесли?! – догадался вдруг Запрудин.

– Федей его здесь назвали, – опустил голову Фёдор старший. – Ладно, мне на службу надо. Я специально отпросился, типа с вами профилактическую беседу провёл. Так что, если спросят, подтвердите. А пока поиграйте с ребятами. У них в двенадцать обед, вам недолго... мучиться. Алексей,

поедешь? – спросил он Морошкина. – Сейчас «уазик» подкатит.

– Не, я с ребятами останусь. Опоздаю, перебудутся новые русские без пяти уборов в день. А выгонят, ну и фиг с ними.

– Как хочешь...

Во дворе военные действия начались с новой силой. Правда, Рома уже через минуту побежал с криком к Галине Васильевне:

– Мама, меня ланило, я писять хочу!

От его звонкого «мама» взрослые ребята снова замерли, но Галина Васильевна привычно взяла его за руку и повела в сторону корпуса. Заметив замешательство новых помощников, спокойно сказала:

– На следующие сутки заступит Валентина Сергеевна, и она тоже будет «мама».

– Мама Валя – тоже мама, – подтвердил Стасик. – А ты будешь мне блатик? – спросил он в конец растерявшегося Валентина.

– А ты мне разрешишь?

– Лазлешу. Тебя как зовут?

– Валя... Валентин...

– Как маму Валю?

– Ну, получается...

– Ты что, её сын?

– Нет. Просто нас зовут одинаково.

Ольга и Светлана между тем подключили к игре Сашу. Она просто стала старшим парикмахером. Руки её слушались плохо, но куклу она держать могла и с удовольствием наблюдала, как вокруг неё суетятся визажисты.

– Волосы красить не будем, мама Галя говорит, это пошло и ненатурально, – весьма серьезно заявила Юля, чётко, в отличие от остальных, выговаривая «р».

Это навело Ольгу на интересную мысль.

– А давайте теперь играть в школу, – предложила она, намереваясь разместить на песке школьную доску.

– Оценки будем получать? – спросила Марина.

– Будем, только «пятерки».

Галина Васильевна поглядела на происходящее с одобрением, но, обращаясь к девочкам, попросила:

– Вот если б кто нянечке помог белье на заднем дворе развесить, она ростом маленькая, тянется, неудобно ей.

– Да это запросто, – вызвалась Света.

Проходя мимо воспитательницы, Света тихо спросила:

– А что, Саше и Наташе помочь нельзя? Операции какие-нибудь?

Та в ответ взвесила её оценивающим взглядом, в котором читалось: много тут благодетелей и сострадальцев бродит, но вслух сухо и тихо ответила:

– Очень большие деньги нужны, да и то шансов, если верить докторам, почти ноль. Их специализированные детдома ждут. А вот биологическим мамам помочь ещё можно, клизма с соляной кислотой в одно место – очень поможет. Если у тебя будут дети, ты помни про это, – она кивнула на детей.

– У меня обязательно будут дети, – твёрдо сказала Света. – Куда идти?

– Туда... Там, на первом этаже... Нянечку тётя Римма зовут.

* * *

Вечером все собрались в беседке. День таки отыгрался на жаре коротким, но проливным ливнем. В воздухе плыли озон и ароматы зелени. Лужи, правда, высыхали буквально на глазах. Именно дождь натолкнул Валика на новую идею.

– План с собой? – спросил он у Алексея.

Морошкин недоверчиво достал из кармана свернутый вчетверо лист бумаги:

– Есть предложения? Мне после сегодняшнего ничего не хочется.

– Не, ну есть же такие родители! Хуже зверей! Их надо в клетках держать, – прокомментировал своё состояние Бганба.

Перепёлкин угрюмо и молча крутил в руках ключи, Ольга и Светлана вполголоса обсуждали, что можно принести девочкам в «Дом ребёнка», Денис выжидательно слушал Запрудина и Морошкина. Он и вставил нужный оборот в их разговор.

– Вот и надо зажиревшим встрясочку сделать. Их-то детки в Европах и Америках образование получают...

Морошкин после этих слов словно получил заряд вдохновения.

– Ну, чего ты там, Валик, намышковал?

– Если сюда – в раздевалки, сюда – в холл и сюда – под лестницы поставить дымовые шашки, то останется только один путь эвакуации – на улицу, по центральной лестнице.

– В купальниках или вообще неглиже, – продолжил его мысль Алексей. – Но где взять дымовые шашки? Обычными дымовушками тут никого не проведёшь.

– У меня же папа в МЧС, – напомнил Запрудин, – дело за малым, съездить на дачу, там в подвале штук шесть или восемь, не помню... Завтра мне как раз поливать,

сегодня-то дождь был. Кто-нибудь может поехать со мной и помочь?

– А тебя опять по этим шашкам не вычислят? – спросил Бганба.

– Нет, – уверенно ответил Валик. – Они уже лет... не помню сколько там лежат. Отец и сам про них забыл. А я недавно прибирался в подвале и нашёл.

– Смотри, батю не подставь, – предупредил Перепёлкин.

– Ребята, а может, вообще не стоит? Это уже уголовка. Пожарные приедут, тут уж точно на теракт тянет, – засомневалась Ольга.

– М-да... Плюс организованная преступность, – окинула взглядом команду Света. – Детям помогать сложнее, там возиться надо, а тут напакостил – и в кусты.

– Кто в кусты?! – завёлся Морошкин. – Может, нам демонстрацию несогласия с существующим строем провести? Вся власть Советам?! Чихня! Мы не убиваем, мы не насилуем, мы не сживаем со свету, как они делают это с нами, мы поднимаем на смех! И надо, чтобы не только пожарные, которые и сами туда приедут, но и телевидение организовать. Эти тоже любят у кого-нибудь в белье порыться. Думаете, они об этих детях помнят? О Фе-

де, которого участковый на помойке нашёл?! О Саше?! О Наташе?!

– Па-аслушайте, – вытянул по-абхазски звук «а» Гена, – девушки пусть с нами не ходят, не женское это дело – война. Я точно вам говорю...

– А никому идти и не надо, вообще никому! Валик мне шашки организует, я сам всё сделаю. – Алексей с вызовом окинул взглядом всю команду. – Я войну объявил и капитулировать не собираюсь. Кому не нравится, могут сдать кеды и быть паиньками!

С минуту в беседке висела неопределённая тишина. По Морошкину было видно, что он вот-вот уйдёт.

– Да ладно, Аёх, – начал спасать положение Перепёлкин, – чё завёлся-то? Мы ж не дезертиры. Просто у меня сегодня на душе так хреново, что даже слов никаких нет. Знаешь, у меня, – он подчеркнул это интонацией и повторил, – у меня такое чувство, что это я у этих детей украл что-то. Что это я сам их в «Дом ребёнка» сдал! Что это из-за меня Наташа слепая!

У Ольги при этом на глаза навернулись слёзы.

– И у меня также, – признался Бганба.

– Та же тема, – согласился Денис Иванов.

– А мне их домой забрать захотелось. Всех. Думал, только у меня так, – сказал Валик.

– Наташа меня взяла за руку и не отпускала... Долго... Я всё боялась, что она меня мамой или сестрой назовёт, – голос Ольги плыл и ломался. – Почему так? Почему такое вообще может быть?

– Знал Смоляков, куда нам экскурсию устроить, – признал Морошкин.

– А я сегодня, как дура, у нянечки, тёти Риммы, спрашиваю, когда бельё развешивали: почему Бог такое разрешает? В чём эти дети перед Ним виноваты? – заговорила Света. – А она как зыркнет на меня, маленькая такая, снизу вверх, и говорит: «А что, Бог их сюда отправил? Бог их на улицу выбросил? Восемьсот тысяч детей по России только Бог оставил, а не мамыши-безбожницы? После войны такого не было! Раз мы здесь, значит, Бог-то их и не оставил». А я такая стою, перевариваю: восемьсот тысяч! Представляете! Целый город сирот!

Дальше начали делиться впечатлениями наперебой:

– А я думал, что все дети в таких домах в одинаковой одежде, как в инкубаторе, а они в разной.

– Точно, но, заметили, от одежды почему-то пахнет пригорелой кашей?..

– А не домом...

– Откуда там взяться домашним запахам?

– Слушайте, а Галина Васильевна с ними веселится, а глаза у неё всегда грустные.

– А вот у Саши глаза такие чистые и пронзительные...

– А у Федьки – озорные...

– Точно, он конкретный заводила!

– Аня просила мороженого; интересно, им можно принести?

– На фиг, я вообще больше об этом говорить не могу, у меня сердце разорвётся!..

Точку поставил Морошкин, который всё это время молчал, глядя в заплёванный, замусоренный пол беседки.

– А мама всё думала, куда Нинины обноски отдать. Надо завтра унести.

Они ещё долго сидели, но говорить ни о чём привычном, а, по сути, неважном не могли. Куда-то отступили, стёрлись лица шоу-звёзд, актёров, компьютерные игры, мобильные телефоны, марки иностранных автомобилей, достижения спортсменов и даже книги, о которых рассказывал Алексей. Да и сам разнеженный, наполненный ожиданиями и приятным,

кажущимся нескончаемым бездельем июль вдруг поменялся. В пряных цветочных запахах появилась заметная горчинка, а Валик, который мечтал о многочисленных звёздных мирах, запрокинув голову, вдруг заметил, что в этот вечер стало их больше, но выглядели они холоднее и отстранённое. И не верилось, как раньше, что там может быть какая-то удивительная другая жизнь.

* * *

На следующий день Морошкин и Валик поехали с утра за дымовыми шашками, а заодно полить запрудинский урожай. Денис Иванов тоже не пришёл, он позвонил Вадику на мобильный и сообщил, что мать запрягла его в обязательном порядке помогать ей на рынке. Этого он стеснялся и не любил больше всего. Именно поэтому он предпочитал ходить в соседний двор, в своём ему казалось, что на него все смотрят с укором: мать торговала на рынке дешёвым бельем.

Когда отца сократили из разваливающегося НИИ, семья оказалась перед выбором в буквальном смысле: либо жить торговлей, либо пойти попрошайничать. Мать тогда ещё работала в Доме культуры, но даже её смеш-

ную зарплату задерживали. Пометавшись, помыкавшись, отец пошёл с поклоном к бывшему парторгу своего НИИ, который каким-то невероятным образом смог на незадействованных в связи с отсутствием финансирования лабораторных площадях открыть рынок. Парторг, зная Иванова как добросовестного, исполнительного работника, поднимавшего на собраниях руку, когда это было нужно, пошёл ему навстречу. Выделил место на рынке, дал канал на поставщиков белья и обложил невысокой данью сверх налогов, объясняя это тем, что и он платит вышестоящим покровителям. Читай, бандитам и номенклатуре. И самое удивительное, не сразу, но у отца стало получаться. Сначала он нанимал продавцов, но когда понял, что те его, каждый по-своему, обсчитывают, заставил мать уволиться и самой встать в торговые ряды. При распределении прибыли он первым делом платил парторгу, потом – государственные налоги, а оставшуюся часть делил на две: проживание и расширение бизнеса. Первое время отец на широкую ногу выпивал с партнёрами и соседями по рынку, но потом понял, что так деньги летят в трубу, точнее, в бутылку, а похмелье мешает нужному рабо-

чему состоянию следующего дня. Поэтому он без каких-либо напоминаний со стороны резко завязал с алкоголем, позволяя себе рюмку-другую только по календарным, а не придуманным алкоголиками праздникам. Постепенно в доме стала появляться престижная бытовая техника, сделали ремонт, купили машину, потом вторую, начали ездить отдыхать за границу... Но что-то стало происходить с родителями.

В последнее время их разговоры были так или иначе связаны с деньгами, да счет им вёлся даже в приторных мелочах. Считали так, будто сами по ночам шили эти трусы и лифчики, и если на первом этапе накопления холодильник ломился от продуктов и деликатесов, то на следующем он выглядел изнутри весьма аскетически. Родителей будто подменили, они никогда не подавали нищим, словно ещё недавно сами не могли оказаться с ними в одном ряду. Дениса коробило, когда они решали, что подарить родственникам на праздник или на день рождения, чтобы это не выглядело бедно, но и стоило недорого. Не то чтобы они отказывали в чём-то Денису, но уж слишком часто напоминали, ради кого они корячатся с коробками белья, хо-

тя корячился с ними именно Денис. Так экономили на услугах грузчиков. Вот и сегодня ему предстояло таскать эти злополучные коробки «ради своего счастливого будущего». Счастливое будущее, выходит, зависело не от способностей Дениса, а от трусов, маек, лифчиков, носков и всяких там бретелек. Родителей Денис уважать не перестал, но стесняться начал. Они сами не заметили, как в них сломалось что-то, что отделяет нормального человека от сребролюбца и крохобора. И он понимал, что вкалывают они действительно на него, и честно не мог определить, что лучше: бедствовать, как раньше, или слушать постоянную подбивку и расчёты на кухне по вечерам, как нынче.

К полудню Денис закончил свою часть работы и предполагал отпроситься у мамы, чтобы присоединиться к друзьям. Надо было только найти повод выпросить побольше карманных денег. Ему хотелось что-нибудь принести малышам. Он уже вошёл в павильон, обдумывая, чем разжалобить мать, как увидел воспитательницу Галину Васильевну. Оставаясь незамеченным, он предпочёл выйти в коридор, чтобы не смущать женщину при выборе интимного товара. В этот мо-

мент он порадовался за свою мать, которая умело предлагала нужное, кратко и чётко давая характеристику товару. В этот момент его посетила нужная мысль. Деньги отступили на второй план. Он воззрился на ту часть прилавка, которая была заполнена детским бельём.

Когда Галина Васильевна ушла, Денис начал разговор с матерью.

– Мам, ты детей любишь?

– Господи! Что за вопрос, сынок! А вы с Таней нам зачем были бы? Я что – обидела тебя чем?

– Да нет, мам, просто я вчера был в «Доме ребёнка».

– Где?

– В «Доме ребёнка», там малыши... сироты... А одна девочка ходить не может, другая, Наташа, – слепая...

– Господи...

– Мам, давай им поможем.

– Всем не поможешь, сынок.

– Давай им, – он сделал ударение на это слово, – поможем.

– Да что делать-то, сынок?!

– У нас вон сколько детского белья. Галина Васильевна, воспитательница, только что

у тебя покупала, говорила, что там у них пятьдесят человек детей, разного возраста детского. И груднички... Ты, мам, собрала бы мне, а я бы унёс.

– Надо отцу сказать, он же, знаешь, не любит, когда мы без него хозяйничаем.

– Ладно, – глаза Дениса наполнились злым разочарованием, – ты пока спрашивай, а то вдруг разоримся, а я к ним пойду. Сколько я там сегодня по вашим расценкам заработал? Да ладно, – он махнул рукой, – ничего не надо... – И пошёл было из магазина.

– Стой, Денис, сынок! – мать выскочила из-за прилавка, догнала его уже в коридоре: – Неужели ты меня бессердечной такой считаешь? Я правда без отца боюсь что-либо делать...

Денис молча достал из кармана мобильник, протянул ей. Она торопливо натыкала номер и начала с места и в карьер:

– Роман! Роман! Тут надо детям помочь. Какая разница, каким, если речь о детях идёт? Да объяснять долго! Что? Пятьдесят комплектов белья! Если жалко, из моей зарплаты вычтешь, – и дала отбой. – Пойдём, сынок, выберем что поинтереснее...

* * *

Пока Света играла с остальными девочками в их любимую игру – «в дом», Ольга занималась с Наташей, как научила её Валентина Сергеевна. Она подавала девочке разные фигурки, которые та крутила в руках, а Ольга же объясняла их значение:

– Звёздочка... Кубик... Шарик... – И снова: – Звёздочка... Кубик... Цилиндр... – Потом считали палочки: – Один, два, три... – Потом снова фигурки: – А это мой сотовый, он умеет играть музыку. Я тебе включу... Ну-ка нажми вот эту кнопочку... Эту-эту, правильно.

Только на первый взгляд данное занятие казалось простым. Для неподготовленного к чужой слепоте человека такое обучение на ощупь было выматывающим душу состраданием, да ещё требующим огромного терпения. Ольга порой кусала губы, чтобы не плакать. И хоть знала, что Наташа не увидит, как в её глазах стоят слёзы, но быстро поняла, что девочка легко определяет её состояние. Та же говорила мало и несвязно, но вполне понятно.

– Ляляй исё ключи. Ляляй.

Ольга одну за другой запускала на мобильнике мелодии, звуки отвлекли из песочницы

мальчишек, строивших с Геной гараж и гоночную трассу. Перепёлкин ремонтировал дверь в комнате грудничков.

– Дай поиграть, – попросил оказавшийся рядом Рома, и растерянность Ольги воспринял как молчаливое согласие. Забрал у Наташи телефон, а та всё повторяла: «Ляляй, ляляй», хватая ручками воздух вокруг себя.

– Оля, не перегружай! Она потом будет этот телефон у всех требовать. Лучше возьми её за руку и погуляйте вокруг...

Валентина Сергеевна была крупной, как говорят, дородной женщиной. При этом движения её были не плавными, а больше похожими на рывки, также и выражение лица менялось почти мгновенно, но основным его фоном была озабоченность, не хмурая, правда, а этакая ищущая, точно она переживает за всех и вся вокруг. Между ребятами она металась, как отскакивающий от стола теннисный шарик. Большой, правда, шарик. При этом забот у неё было на одного мальчика больше, потому как на работе её сопровождал собственный младший сын Павлик, которого не с кем было оставить на целые сутки.

Денис Иванов прибыл, когда ребят уже собирались вести на обед. В руках у него была

клетчатая сумка, получившая в народе название «мечта оккупанта». Он раскрыл её перед Валентиной Сергеевной и победно произнёс:

– Это малышам. Нужно ведь?

– Нужно, – улыбнулась Валентина Сергеевна. – Очень нужно. Этого всегда нехватка. Только надо у директора и завхоза всё оформить.

– Да ну, ерунда какая, чего оформлять-то? Трусы и майки? Просто раздать ребятам, и дело с концом, но сумку мне вернуть надо. Бизнесу без такой ёмкости каюк.

– В любом случае – к завхозу, он на первом этаже в левом крыле.

Буквально через пару минут во двор вошли Запрудин и Морошкин. Со счастливыми лицами они поставили на столик во дворе бидон с клубникой. Ярко-красные крупные ягоды мгновенно очаровали и притянули ребят. Они собрались вокруг все, кроме Саши и Наташи, и зачарованно смотрели на них, даже не пытаясь протянуть руку.

– Налетай, ребята! – скомандовал Морошкин.

А Запрудин опередил вопрос Валентины Сергеевны:

– Вы не переживайте, они мытые.

– Да надо было после обеда, но теперь чего уж... И откуда вас таких помощников нантербовали?..

Оля кормила Сашу, а Наташу кормила Света. Спустя некоторое время всех остальных малышей вместе с одеждой можно было сдавать в мойку. Клубничный сок румянцем лёг на щёчки и разнокалиберными пятнами на майки, футболки и платья. Валентина Сергеевна только захлопала себя по бокам, как курица-мама, и повела всех в умывальник.

Бганба, Перепёлкин и Денис Иванов подошли к Запрудину и Морошкину.

– Ну что, есть шашки? – спросил Гена.

– А то, – широко улыбнулся Валик, – на имитацию трёх пожаров хватит.

– Когда будем... моделировать?

– А завтра слабо? Чё тянуть-то? – окинул взглядом команду Морошкин.

Из особняка вышли Оля и Света, которые помогали Валентине Сергеевне.

– Ну что, скинъкеды, похулиганим? – Алексей явно испытывал прилив вдохновения. – Дэн, ты вместо телевидения будешь снимать, там перед выходом есть непростреливаемое место, где тебя не засекут. Не хочу я такой сюжет на халяву телевизионщикам дарить,

мы им потом кассету загоним или на программу «Я всегда с собой беру видеокамеру» отправим.

– Ох, парни, – вздохнула Ольга, – накроют нас медным тазиком. Тоже мне, придумали одиннадцатое сентября.

– Ну так как? – не обратил внимания на её слова Морошкин. – Завтра в десять здесь, мне мать обещала кое-что собрать для ребят. А после обеда у меня как раз смена в «Торнадо». Надо оправдать название этого заведения.

Бганба, глядя на окна «Дома ребёнка», вдруг отвлёкся от темы:

– А мне сюда трудно ходить, чё хотите со мной делайте. У меня такое чувство, будто я во всём на свете виноват. Думал, сегодня не будет, а оно снова.

– Не у тебя одного, – положил руку ему на плечо Перепёлкин, – у всякого психически нормального человека так. Есть, конечно, моральные уроды, которым по барабану, или которые живут по принципу: спасение утопающих – дело рук самих утопающих, и их, похоже, много.

– Но почему мне придушить кого-нибудь хочется? – сам себя спросил Бганба и, согнув

в локтях руки, сжал огромные кулаки, рассматривая их, как рассматривают посторонние и ненужные предметы.

– Вот и придушим слегка. Завтра, – подвёл итог Морошкин, – пошли к Запрудину, он давно звал, у него хата пустая. Пиво или вашу детскую кока-колу? Кстати, на даче у него тоже классно, там озеро, можно всем вместе съездить, искупнуться на славу, а то мы сегодня только чуть окунулись. Вода – парное молоко.

Во дворе они по закону подлости напоролись на знакомый «Лексус». На переднем сидении всё длился и никак не мог кончиться долгий поцелуй Ольги Вохминой и её нового друга. Морошкин нагло встал перед лобовым стеклом, буравя брезгливым взглядом сомкнувшиеся лица. Остальным пришлось сделать вид, что они смотрят по сторонам. Наконец в машине почувствовали, что они объект внимания, и парень с искажённым от злобы лицом выскочил на улицу, кинулся было к Морошкину, но, заметив ответное движение огромного Гены, осадил. Театрально имитируя превосходство, сказал резко и чётко, точно был хозяином положения:

– Тебя вежливости не учили? Смотри – почут.

– Ты, что ли? – уточнил Морошкин равнодушным голосом.

– Я не мараюсь, – с пренебрежением ответил парень.

Тут же с угла подъехала «БМВ», из которой выпрыгнули, как пружины, два здоровяка. Один из них в два прыжка оказался рядом.

– Э, мурзики, двинулись отсюда, пока я вас «вискас» есть не заставил.

– Ты бы ещё с противотанковой гранатой на нас вышел, – сказал Морошкин и спокойно направился к подъезду.

– Умник, хайло своё закрой и больше не открывай, а то в следующий раз дышать разучишься, губошлёп. А ты, чурка, чё вылупился? – перестроился он на самого крупного Гену.

Бганба в ответ только осуждающе покачал головой и устремился в другую сторону.

– Увидимся, – буркнул он себе под ноги.

Ребята стали расходиться, лишь Ольга и Света презрительно смотрели на сидевшую в салоне Вохмину. У подъезда Морошкин остановился и повернулся к девочкам:

– А вы говорите... «Накроют нас медным тазом». Да мы под ним сидим и нос высунуть

боимся. А некоторые под этим тазом родились... Вы как хотите, а я объявляю им войну, – в довершение фразы он хлопнул дверью.

* * *

Света и Ольга пришли к Валику вместе. За ними появились Морошкин с Перепёлкиным, позвякивая бутылками в полиэтиленовых пакетах, потом Бганба, последним явился Иванов. Он был явно взволнован, что тут же сканировал Морошкин.

– Что стряслось? – спросил Алексей.

– Отец устроил матери скандал за благотворительность, а я ему – за жадность. В первый раз в жизни получил затрещину, ну и пропел он мне старую песню, кто кого кормит. «Ради кого это всё?!» – завопил, передразнивая отца, Денис. – «Помогать надо, но всем не поможешь, надо же рассчитывать всё, всё считать надо!..» Ох, и противно мне стало. Короче, ушёл я. Ночь в моём распоряжении.

Девушки что-то колдовали на кухне, ребята собрались в гостиной, детально обдумывая проект предстоящей операции. Сидели на полу вокруг плана эвакуации из «Торнадо», то ли

как полководцы, то ли как казаки, пишущие письмо турецкому султану. В главные действующие лица настырно просился Валик, мотивируя ещё и тем, что это он раздобыл шашки. Никто особенно не возражал. Морошкину отводилась роль открывателя дверей, а дальше он, как работник «Торнадо», должен был помогать эвакуации посетителей. Денис, как повелось, – снимать. Поэтому придётся помириться с родителями и взять камеру. Перепёлкин с машиной будет дежурить у соседнего офисного здания, чтобы не привлекать внимание. Бганба – прикрывает в случае чрезвычайных обстоятельств, ловит пустую сумку, сброшенную Валиком с крыши, а так – просто прогуливается рядом. Можно даже с девочками, если они будут настаивать. Иванов тут же предложил и решение о публикации кадров.

– Интернет, – сказал он. – Можно туда выгрузить и «Голубую лагуну», и «Торнадо», уж там зрителей будет больше, чем в самых больших кинотеатрах!

– Подходит, – согласился Морошкин, – главное – сохранить инкогнито. Там и милиция, и фээсбэ будут рыть. Всю сеть перетрясут.

– Слить можно вообще из другого города, из интернет-клуба, пусть потом ищут.

Определив время и позиции каждого в новом моделировании, снова вернулись к «Дому ребёнка».

– Надо быть честными, парни, – сказал Морошкин, – ну походим мы туда, ребятки к нам привыкнут, но всё равно мы не меценаты, усыновлять нас ещё самих можно, поэтому прежде чем мы оттуда уйдём, надо подумать, как уйти с чувством выполненного долга. Чтоб кошки на душе не скребли. Пусть это звучит помпезно...

– Как? – переспросил Валик.

– Ну... Величественно... Да неважно! Мысль-то моя понятна?

– Мне кажется, я знаю, – ловил собственную мысль Гена. – Я сегодня на заднем дворе, там, где бельё развешивают, видел сваленные в кучу карусели, качели, прибабасы всякие детские, лазалки... Так вот, Валентина Сергеевна сказала, что никак детский городок сделать не могут: всё есть – рабочих нанять не на что. Что мы, не сможем?

– Ну, – задумался Алексей, – Тимур и его команда...

– Какой Тимур? – не понял в этот раз Бганба.

– Да был такой пионер книжный, помогал всем. И была у него команда...

– Э-э, мне больше скинькеды нравится, зачем нам Тимур? – возмутился Гена.

– Да не грузись, это аллегория.

– Слушай, Энциклопедия, мы знаем, что ты умный, но не говори, пожалуйста, так, чтобы остальные чувствовали себя дураками, – почти обиделся Гена.

– Да ничё я особенного не сказал, – отмахнулся Морошкин. – Но твоя мысль, Гена, о детском городке мне очень понравилась. Что мы, не сможем врыть горки-карусели? Облагородить площадку?

– Да уж, не хуже таджиков сделаем, – ухмыльнулся Денис, – у нас во дворе они горку на трансформаторную будку направили, брусся на метр друг от друга поставили, а качели только неделю выдержали. Зато в туалет они и по большому и по маленькому прямо во дворе ходили.

В этот момент зазвонил телефон. Валик буквально выпрыгнул из общего круга, дал всем знак соблюдать тишину и снял трубку.

– Да, пап, привет, – отвечал он, – сегодня поливал, без происшествий и катастроф; да, питаюсь, друзья иногда приходят; соседи по-

ка не жалуются, если захотят – я им дам твой сотовый. – После небольшой паузы: – Да, мам, привет... – и повторил почти то же самое, добавив только информацию о наличии продуктов в холодильнике. – Да вы там загорайте спокойно, что я, детсадовский? Ну всё, целую, пока.

– Ежедневный отчёт? – сочувственно спросил Морошкин.

– Нет, раз в два дня.

– У меня сегодня тоже родственники ночью приезжают, – сообщил Бганба, – мне идти надо, мы с мамой встречать будем, – и после того как все посмотрели на него неодобрительно, заручился поддержкой целого коллектива, – отец с братом, тётя, сводный брат отца с двумя сыновьями и дочкой, ещё двоюродный брат, только мамы, у него ещё дети...

– Короче, какая часть суверенной Абхазии приезжает в наш город? – прервал его Морошкин.

– Да много, что я могу сказать? Мы все собираемся.

– Ладно, Ген, надо – так иди.

– И кушать не будешь? – спросила вошедшая в комнату Ольга.

– Не, там мама такой кельдым наготовила, неделю есть придётся. Я в магазин и на рынок шесть раз ходил.

– Нам больше достанется, – согласился Валик.

– А шашки дымовые покажите? – попросил Гена перед тем как уйти.

– Валик, засвети.

Валентин достал из-под стола коробку и открыл её. В ней лежала дюжина цилиндров желто-коричневого цвета с потёртой надписью на боку «РГД-2б» и «РГД-2ч».

– Это гранаты, я точно знаю, – сказал Гена, – настоящие, военные. Если старые, могут взрываться. Это знаете?

– Да, знаю, – успокоил Валик.

– Одно хорошо, у них дым не ядовитый.

– И это знаю. Зато валить будет по полной!

– Ладно, кушайте, я пошёл.

– И я, вам больше достанется, – включился Перепёлкин, – мне тоже идти надо, я вот пивка выпил, а батя меня в гараже ждёт, там у нас работа есть.

Пужинали впятером жареной картошкой и колбасой. Травили анекдоты и последние казусы окончившегося учебного года с одноклассниками и однокурсниками. В какой-

то момент Денис стал чувствовать себя лишним. В начале двенадцатого он тоже стал собираться.

– Хорошо с вами, но пойду домой, всё равно с ними мириться надо. Видеокамера, опять же...

Когда он ушел, Морошкин вышел на балкон покурить. Через минуту к нему присоединилась Света. Валик с Ольгой остались в гостиной. Они сидели, обнявшись, на диване перед телевизором, делали вид, что смотрят какой-то очередной боевик, а в действительности каждый из них думал и решал, что может принести сегодняшняя ночь. Всё было просто: Ольга отпросилась у родителей к Свете; Свете отпрашиваться было не надо, родители уехали на турбазу. Оставалось только отзвониться тем и другим по мобильному где-то полдвенадцатого, и ночь – в собственном распоряжении. Ольга сидела, поджав под себя колени, голову положив на грудь Валентина. Он же вдыхал аромат её волос и порой жмурился от нежности, которую испытывал к Оле в этот момент. Внешне – сидели в обнимку два молодых человека, без особого интереса смотрели телевизор, но внутри они

были наполнены тем сладостным напряжением, продолжения которого и ждали, и боялись одновременно.

Морошкин курил, погрузившись взглядом в ночной город. Света тихонько встала рядом и первое время молчала. Потом спросила тихонько:

– Лёш, ты из-за Вохминой сильно переживаешь?

– А ты как думаешь? – ответил он вопросом.

– Просто я хотела тебе сказать, если бы меня так любили, то я не продалась бы ни за какие коврижки, ни за какие иномарки. Богатый – не значит счастливый.

– Я знаю, – подтвердил он последнее.

– Если б я могла, я заменила бы Вохмину... – сказала то, что хотела сказать, Света.

Морошкин некоторое время обдумывал её слова, потом повернулся к ней лицом, стал всматриваться, словно видел её в первый раз, или, скорее всего, сравнивал её с Ольгой Вохминой. От такого пронзительного взгляда Света опустила глаза, ей стало не по себе, почувствовала себя товаром на прилавке.

– Свет, ты красивая, хорошая, добрая. Может, только лишку боевая...

– Я знаю, так всем девчонкам говорят, – улыбнулась Света, – чтоб уродкам не обидно было.

Она улыбнулась, но ей хотелось заплакать. Алексей понял это и привлёк к себе, обнял, как обнял бы старший брат младшую сестру.

– Ты не уродка, вот уж точно, я помню тебя в прошлом году. Длинные волосы, такие красивые, зачем ты под мальчугана подстриглась? Поди, ещё и пирсинг сделала?

– Сделала, – ответила она ему в плечо, – на пупе, думала, так круче.

– Так нелепее, женское тело красиво и без всяких прибабасов, зачем смешивать его с металлоломом? Это папуаски всякие на себя чё попало вешают, а русской женщине это ни к чему. Наша должна, знаешь, выйти на улицу, плечом повести, взглядом повести – и попадали мужики вокруг.

– Скажешь...

– Я видел некрасивых, с моей точки зрения, женщин, которые умели подавать себя так, что за ними мужики полками ходили. И главная ставка в этом случае – женственность.

– Мне так здорово стоять с тобой. И вечер такой тёплый.

– Мне тоже сейчас спокойно...

Утром первым проснулся Морошкин. Рядом с ним, на нерасправленной двуспалке родителей Запрудина, свернувшись калачиком, спала Света. Оля и Валик, обнявшись лицом к лицу, спали на диване в гостиной. Или не спали, а так и пребывали в состоянии замершей нежности, боясь потревожить друг друга. Алексей тихонько вышел на балкон и осмотрелся. День обещал быть жарким. Морошкин достал из кармана план эвакуации «Торнадо» и стал рисовать на обратной стороне другой план. Закончив работу, он не решился будить своих сладко спящих друзей и спустился во двор. Направился к своему подъезду – надо было повидаться с матерью и отвести в садик Нину. Буквально у дверей он столкнулся с Ольгой Вохминой.

– Как дела в большем бизнесе? – спросил он.

– Лёш, ты зря так, он хороший парень, я совсем не поэтому. То, что было у нас, это детство какое-то, – начала объяснение Ольга, но вынуждена была замолчать, потому что к подъезду подкатил пресловутый «Лексус».

– С ума сойти, какая пунктуальность, – подивился Морошкин.

– Алик точен и предупредителен, – обиженно прищурилась Ольга.

– Можно быть таким, когда не думаешь о хлебе насущном.

Алик между тем вышел из машины и сходу бросился на Алексея.

– Ты что, специально между нами трёшься?!

– Трутся свиньи об забор, а я домой иду, может, мне ещё квартиру поменять, чтоб не являться пред твои светлые очи?

– Надо будет, поменяешь, – предупредил Алик.

– Да пошёл ты, ушлёпок зажиточный, махнулся бы я с тобой по дворовым правилам, да вон твои гориллы уже бегут.

Гориллы оказались весьма резвыми, и один из них на этот раз без предупреждения ударил Алексея в лицо, отчего тот упал, зажимая рукой разбитый нос.

– Извини, Алик, чуть не опоздали, – сказал он, уже не обращая внимания на Алексея, который пытался встать.

– Зря, – ответил Алик.

– Зря, – слышали они в последний момент перед тем, как всю троицу начали жёстко и массово избивать.

Дюжина абхазцев разных возрастов и комплекций во главе с Геной подбежали от соседнего подъезда и без лишних объяснений, в сущности, точно так же, как поступили с Морошкиным, начали усердно воспитывать охрану. Гена же от души наладил пинка Алику, на защиту которого выступила Ольга. В итоге охранникам пришлось отступить вслед за Аликом.

– Детей бить нельзя! – крикнул им вслед старший Бганба, потом посмотрел в сторону поднявшегося на ноги Алексея, прижимавшего платок к разбитому носу, и задумчиво сказал: – Странные вы, русские, столько веков всех защищали, а теперь сами за себя постоять не можете...

Гена обнял Морошкина и потрепал его по плечу.

– Они же вернутся, всей кодлой своей, – сказал Алексей.

– Если понадобится, сюда вся Абхазия придет, – ответил двоюродный брат Гены Владислав.

* * *

В десять утра вся команда сидела в кабинете директора «Дома ребёнка». Им оказа-

лась маленькая, невысокая, худая женщина в огромных очках. Весь её внешний вид абсолютно не сочетался с образом начальника. Даже голос был тихий и вкрадчивый, совсем не командный, а просящий. Звали её Анна Николаевна.

– Вот что, ребята, – уговаривала она скинъкедов, – мне ваш порыв понятен, сейчас стало больше людей, которые хотят нам помочь. И слава Богу. Но чтобы построить детскую площадку, представьте себе, нужна специальная лицензия, потому что, если что не так, не выдержит качель, ребёнок покалечится, нам потом отвечать. Мне – в первую очередь. Спросят, кто строил, и что я скажу?

Ребята молчали, удручённые таким поворотом дел. Анна Николаевна предлагала им другие способы, как помочь, но все они казались им какими-то неявными, незначительными. А она всё извинялась, будто была перед ними виновата.

– Денег я ещё не скоро найду, чтобы обратиться в строительную организацию: у социальной защиты нет, у комитета по образованию нет, у мэра планов громадьё. Уже второй год все эти железки ржавеют.

— Мы смажем, — заговорил Морошкин, у которого созрело нужное решение, коего от него ждали все ребята. — Давайте так, Анна Геннадьевна, мы строим. Строим быстро и надёжно, по-настоящему, где нужно — посоветуемся со строителями, вон у нас Перепёлкин в строительном учится, если надо, преподавателей подключит. Вряд ли кто в таком деле откажет. А когда закончим, вы пригласите специальную комиссию из той же мэрии, пусть принимают и дают официальное заключение. Если признают негодным к эксплуатации, мы за день всё обратно ломаем.

— За полдня, — увесисто добавил Бганба. — Заодно в администрации города что-нибудь...

— Вы думаете, так можно? — сомневалась Анна Николаевна.

— У вас цемент есть? Песок мы видели.

— Да, в подвале мешки лежат. Этой весной чуть не затопило, переживала, что он схватится, таскай потом оттуда бесполезные бетонные камни.

— Нужны ещё лопаты, ломы, носилки, кирпич...

— Это найдём, но я всё равно боюсь, ребята, честно вам говорю.

– Глаза боятся, руки делают, – подбодрил директора Денис Иванов. – Главное, чтобы голова думала. А у нас, – он посчитал, словно мог ошибиться, – семь голов.

– Ну да, ну да... – задумалась Анна Николаевна. – А девочки тоже с вами будут цемент таскать?

– Нет, вот их мы отдадим на полное rasterзание вашим воспитанникам, – определил Морошкин.

– Вы их к грудничкам поставьте, пусть учатся пелёнки менять, – подтрунил Перепёлкин.

– Нет, к грудничкам не могу, – испугалась Анна Геннадьевна, – там особый уход нужен. Почти допуск!

– Инструменты где можно взять? – спросил Алексей.

– Там же, где цемент, в подвале. Так вы прямо сейчас начнёте?

– А чего тянуть? Вот, я тут план набросал, вы пока поизучайте. Во дворе всё это будет выглядеть вот так. С шести утра рисовал...

* * *

К обеду установили карусель и качели. Цемент в ямах ещё не схватился, но Бганба

уже порывался провести испытание собственной массой.

– Не бойтесь, я застрахован, – радостно кричал он, когда его отталкивали от качелей.

В результате получилась весёлая свалка в песочнице. Гену всё же завалили всей толпой и даже начали тут же зарывать. Валик предложил ещё и зацементировать его, чтобы получился готовый памятник.

– Ага, борцу за сиротское счастье, – ухмылялся Морошкин.

– Напишите что-нибудь про Абхазию, – умолял Бганба, сложив на груди руки, точно покойник.

На крыльце появилась Галина Васильевна и позвала всю команду обедать. Отмывшись в душевой на первом этаже, поднялись в столовую, где пришлось сесть на пол, чтобы поместиться за маленькими столиками. Почувствовав в Морошкине жожака, мальчики окружили его с вопросами. Федя всё спрашивал, когда придёт крёстный, а Стасик, когда можно будет кататься на карусели. Девочки с Ольгой и Светой весело работали ложками под какие-то хитрые уговоры.

– Девочки сегодня молодцы, полили все цветы в доме. Даже у директора, – сообщила Галина Васильевна.

– Я поливала дилектола, – сказала Дина.

– А я мамы Вали цеток полила, – похвасталась своими достижениями Юля.

– Ну когда дядя Федя пидёт? – не отставал от парней Федя-младший.

– Он сейчас на работе, – ответил Валик, – ловит бандитов злых, ловит и сажит в тюрьму.

– А мой папа и моя мама в тьюлме, – сказал вдруг Ваня. – Когда их отпустят, они меня забелут в свой дом.

После его слов все замолчали. Бганба не донёс ложку до рта, так и замер.

– Ваню совсем недавно к нам привезли, – пояснила Галина Васильевна. – Ему ещё шесть лет ждать...

Тишина стала гуще и напряжённее.

– Тюрьма – это что? – добил всех своим вопросом Рома, который чётко выговаривал букву «р» после занятий с логопедом над собственным именем.

* * *

За час до акции Перепёлкин забежал домой за ключами от машины. На беду дома оказались оба родителя. Отец по замене раньше закончил читать лекции в институте, а мама уходила на ночное дежурство в больницу.

– Вадик, ты хоть обедал? – спросила мать.

– Да, мама, мы там, в «Доме ребёнка», помогали площадку делать, нас накормили. Теперь я знаю, чем кормят сирот.

– Ты серьёзно? – воззрился на него, отложив газету, отец.

– Вполне.

– Я думал, ты уже за девчонками рассекаешь. А а зачем тебе опять машина?

И тут случился провал. Вадик поймал себя на мысли, что не придумал причину, а другой мысли у него в считанные секунды не появилось.

– Так, покататься... – только и нашёл, что сказать, он.

– Вадя, я тебе ничего не запрещаю, но ты помнишь, сколько нынче стоит бензин? Покататься дорогое удовольствие. Особенно в семье, где родители кормятся от бюджета.

– Помню, пап, но я уже пообещал ребятам, что подъеду. Я куда-нибудь подработать устроюсь.

– У тебя была возможность поехать в стройотряд, но ты предпочёл безделье. Так куда вы собрались? Или это тайна?

– Пап, я в прошлом году ездил в стройотряд, пахал, как вол, получил копейки, а наши руководители отгребли себе по новенькой иномарке. Видал я такую работу...

– Ты не ответил на мой вопрос.

Вадик вспомнил, что где-то читал: если сказать неожиданную правду, её не воспримут всерьёз, а вопрос отпадёт. Пользуясь такими поверхностными знаниями психологии, он сформулировал ответ:

– Мы поедем в спорткомплекс «Торнадо». Хотим позаниматься.

– Ну да! – удивился отец. – Туда только абонемент шесть тысяч в месяц стоит. Это же для богатых! Знаешь, я с детства чувствую, когда ты врёшь, поэтому лучше скажи правду.

– Пап, мне восемнадцать лет, я обязан обо всём докладывать?

– Можешь, конечно, не говорить, раз ты такой взрослый, но тогда возьми свою

машину, на которую ты заработал, – обиделся отец.

Вадик молча повесил ключи на стену в прихожей и ушёл. «Не вовремя отец занялся исследованиями и воспитанием», – злился он.

* * *

После обеда усталый Морошкин еле ворочал шваброй в коридорах «Торнадо». Основная масса посетителей должна была подтянуться к вечеру растрясти свои бизнес-ланчи, чтобы потом снова плотно поужинать. Акцию назначили на шесть, но уже в три часа он оставил открытой дверь на задний двор, куда выносил мусор. Охранники точно чуяли что-то неладное, и двое из них постоянно курсировали вокруг него, поигрывая литыми на анаболиках мышцами. Алексей переживал, чтобы Валик не перепутал коридоры. Пронести сумку с гранатами сам он не стал, демонстративно пройдя мимо качков через центральный вход.

– Когда весь этот аэродром вымоешь – мышцы накачаешь, – поддевали его по ходу работы те, что следили за порядком внутри.

Обычно их работало три пары. Одни на входе, вторая курсировала в свободном режи-

ме по коридорам, третья – у дверей особых комнат для vip-персон. Всякий раз, когда они дружески похлопывали Алексея по плечу, тот с ненавистью вспоминал одну из серий мультфильма «Ну, погоди!», где здоровенный капитан, то ли бобёр, то ли бегемот, так же похлопывал несчастного, загнанного худого волка, драившего палубу перед очередным рывком.

Валик должен был просочиться к нему в подсобку, где был свален уборочный инвентарь, инструменты сантехников и электриков, старые огнетушители и прочая дребедень, от старых гантелей до сломанных тренажеров. Помещение было весьма просторным – видимо, неиспользуемый зал, поэтому у сантехников там даже стояли два токарных верстака и пара станков. Но сами они появлялись крайне редко, только для ежедневного осмотра или по вызову. Скорее всего, работали по совместительству.

Без двадцати шесть Морошкин зашёл в подсобку. Валик был уже там и сидел на гимнастической скамейке у стены. Сумку он разумно куда-то засунул с глаз долой.

– Не передумал? – спросил на всякий случай Алексей, потому как лицо Валика показалось ему бледнее обычного.

– Не-а... Только бы маршрут разбрасывания не забыть. Да потом смотаться. Очень хочется самому со стороны посмотреть, как они отсюда посыплются. Вот бы малышей сюда привести повеселиться!

– Ты что, хочешь вырастить из них профессиональных революционеров? – вскинул брови Морошкин, потому как Запрудин высказал мысль радикальнее, чем его собственные.

– Каких?

– Ладно, проехали...

В этот момент запиликал мобильный Алексея.

– Иванов, – считал он с наружного дисплея. И уже в трубку своей раскладушки: – Да, понял, ты на исходной, а вот это хреново. Пусть Гена держится поближе. Ну всё. Хоп!

– Что там? – заметно волновался Валик.

– Перепёлкин не смог взять машину. А как дополнительное средство эвакуации она нам бы не помешала. Мало ли что.

– Да ладно, – смирился Валик, – ноги пока ещё бегают.

Морошкин постоял ещё с минуту в раздумьях, прокручивая свой план и его возможные огрехи.

– Фидель высаживался на Кубу нахрапом, – успокоил он себя сам.

– Какой Фидель? – проявил Валик незнание новейшей истории.

– Вас чему в школе учат? – удивился Моршкин. – Хотя учат ли вообще, из вас же дебилов делают, как Гитлер завещал.

– А Гитлер чего завещал?

– Да был у него план «ОСТ», «Восток» переводится. По этому плану славянам отводилась роль рабов. Он считал, что образование в школах на оккупированных территориях нужно свести до минимума: научить считать до десяти, буквы, желательно немецкие, читать по слогам. А вот историю и литературу как предметы он предлагал вообще запретить. Вам что, ваш историк не рассказывал?

– Нет, мы вообще войну по новой программе за четыре урока прошли. Наш историк по этому поводу только ругал министерство образования. Он его называет министерством обрезования. Я и запомнил только двадцать второе июня и девятое мая. Жукова там помню. Сталинград...

– Вот и получается, Гитлера мы победили, а план его действует.

– Выходит так, – согласился Валик. – А Фидель?

– Фидель Кастро Рус! Могучий революционер, который под боком у Штатов провернул революцию на Кубе и смог её отстоять. Он там до сих пор главный и поплёвывает в сторону штата Флорида.

– Слушай, Лёх, ты столько знаешь, как у тебя голова не пухнет? Ты меня за минуту отгрузил так, как меня в школе за день не отгрузят.

– Валик! Да это же элементарные вещи, которые всякий знать должен. Я терпеть не могу смотреть разные так называемые интеллектуальные шоу, потому как сразу видно, сколько в стране дебилов! Они ещё чего-то булькают против Америки, хотя давно уже стали лучшими американцами: жрут попкорн и пялятся в телеэкран, собственных мыслей – ноль. Гитлер был бы рад... Ладно, не время об этом, пора. Я на исходную, – он подхватил специальное ведро с системой отжима и швабру. – В случае чего, я первый тушу, – кивнул он на воду в ведре. – Ты, главное, уходи резче.

– Не ссы, командир, выкурим мы твоих немцев.

Морошкин ободряюще подмигнул ему и вышел. С особым рвением он начал бороздить по бело-плиточным полям «Торнадо». Валик вышел из укрытия пятью минутами позже. Первые две гранаты он кинул в две раздевалки, следующие – в два туалета на первом этаже, они сработали, как положено, и уже через пару минут из-под дверей разнополых заведений валил густой, но не едкий дым. Ещё две гранаты были оставлены под угловыми лестницами, ведущими со второго этажа. Таким образом, свободной от задымления осталась только одна центральная лестница – прямиком к центральному входу. Валику нравилось, что разные гранаты дают разный дым, одни – густой молочный, другие – чёрный, как при сгорании автомобильных покрышек. А вот седьмая граната от старости, похоже, предательски взорвалась у входа в подвал. Охранники тут же рванули в ту сторону, но Валик испугался больше их, но, соблюдая маршрут, рванул на третий этаж, где располагались офисы спорткомплекса. Ища убежища, он уткнулся в лестницу, ведущую к чердачной коробке на крыше. По ходу он забросил ещё одну гранату в коридор второго этажа, нарушая инструкцию Морошкина. Вы-

бравшись на крышу, Валентин подошёл к южному парапету и сбросил оттуда сумку. Внизу её должен был подобрать Бганба. В кармане у него оставалась ещё одна запасная граната и коробок спичек.

В это время уже всю надрывалась сигнализация, сирена чередовалась с мужским голосом, каким впору было читать сводки Совинформбюро, что сообщал о пожаре в здании и предлагал всем посетителям и персоналу покинуть его. Первыми вывалили качки из тренажерного зала, следом – дамочки из своего фитнеса, посетители бассейна несколько задержались. План эвакуации, разумеется, никто не читал, тренировок, как в школе, не проводил, поэтому движение людей было хаотичным, но не очень волнительным. Похоже, они никак не хотели расстаться даже на несколько минут со своей респектабельностью. Правда, растущая густота дыма всё же заставляла их ускоряться. К раздевалкам невозможно было подойти, и охранники почти силой разворачивали всех и отправляли подальше. Работники «Торнадо», надо отдать им должное, не бежали впереди всех, а так направляли всех к главной лестнице. Так люди в купальниках и спортивных костюмах

стали появляться на улице. Подъехавшая пожарная машина перекрыла выезд с парковки, а водителя этой машины уже крыла отборным матом девица в купальнике. Причём пожарники вынуждены были отвлекаться от разматывания брандспойтов на её вызывающие трусики-стринги.

– Освободи дорогу, придурок! – кричала она. – Я в машину свою хочу!

– Ключи у тебя где? – резонно вразумлял её водитель. – Загорай пока, а не хочешь загорать, на вот – накинь, – он кинул ей в окно кусок брезента, – а то щас ребят тушить придётся.

– Хамло! – поблагодарила девица.

Подчёркнуто нервная дама в махровом халате уже на выходе периодически дёргала одного из охранников за рукав белой форменной сорочки:

– Скажите, а в раздевалке всё сгорит?

– Не знаю, – ответно бубнил он.

– Но у меня там мобильный телефон, там в памяти очень важные номера, он тоже сгорит?

– Обязательно, – не думая, успокоил её охранник.

– Но как я потом позвоню Мите?!

Охранник посмотрел на неё как на логическую головоломку и потом радостно сообщил:

- Вон там, на углу, автомат.
- Но я не помню номер!
- Справочное – ноль девять.
- Вы думаете, они знают номер Мити?

В конце концов, он не выдержал и ответил почти рёвом:

- А вы думаете, я умею думать?!

Больше всего не повезло тем, которые выбежали из солярия и массажного кабинета. Но пиковым было появление группы девиц в весьма примечательном нижнем белье, которых отличали особые манеры поведения. Эти перекидывались с подгоняющими их охранниками площадной бранью, а перед зеваками, коих в считанные минуты собралось приличное количество, стали позировать и открыто предлагать свои услуги. Одна из девиц кричала опешившему на тротуаре старичку:

- Дяденька, у тебя столбняк или инфаркт?! Иди сюда, если столбняк – полечу!

Мужчины помоложе сами кричали в сторону этой группы:

- Девочки, вы каким видом спорта занимаетесь?!

- Зажимбол!
- Прыжки на шпагат!
- Худ-дожественная гимнастика!

Наконец кто-то из администрации «Торнадо» догадался направить всю толпу в соседнее здание. В сам комплекс пробежали несколько групп милиционеров, у входа стояли две «скорые» и появились ребята со спокойными лицами в бронежилетах с жёлтой надписью на спине «ФСБ». Только к этому времени из комплекса неторопливо, каждым шагом подчёркивая своё достоинство, а взглядом – пренебрежение к публике, вышел солидный чернявый мужчина в тёмном костюме в сопровождении двух охранников. Вероятно, это был сам владелец заведения. Он отдал какие-то распоряжения и сел в подъехавший ко входу чёрный «Мерседес», рванувший с места, заставив отпрыгивать особо любопытных прохожих.

Морошкин, который вместе с охранниками помогал выводить людей, теперь стоял в толпе зевак и пристально осматривался. Он видел Бганбу со знакомой спортивной сумкой через плечо, словно тот шёл на тренировку и вот – не получилось. За его спиной маячили Ольга и Света. Денис, уже не скрываясь,

снимал прямо из толпы. Всё верно: мало ли почему здесь оказался человек с камерой? Перепёлкин вообще стоял рядом. Нигде не было Валика, который по всем расчётам уже должен стоять рядом.

* * *

На крыше Валентин залюбовался произведённой им имитацией чрезвычайного происшествия. Почему-то хотелось бросить в полуголую толпу внизу последнюю гранату. Он видел, как непосредственно продолжают себя вести те, кто считал себя хозяевами жизни. Не обращая внимания на суету милиции и пожарных, они даже заигрывали с девицами лёгкого поведения. Некоторые из них двинулись к своим джипам и, безжалостно выбив у них дверные стёкла, сели в свои машины, радостно гогоча над происходящим. Выходит, вся эта заварушка была им не более как очередное развлечение. Увлечённый зрелищем, Валентин потерял контроль над временем и бдительность. Уже давно нужно было спуститься по пожарной лестнице с глухой северной стороны здания, а он продолжал стоять, опираясь руками на парапет и глядя на происходящее у центрального

входа. Он даже помахал рукой Морошкину, но тот не видел его.

Только успел подумать, что Морошкин не похвалит его за такую неосторожность, и за спиной хлопнула дверь чердачной кабины. Он резко оглянулся и выронил из затёкшей руки цилиндр гранаты. Он, как назло, покатился в сторону двух мужчин в черных футболках, вышедших на крышу с каким-то ящиком, который они несли за ручки с двух сторон. Сразу было понятно, что это работники «Торнадо», а в ящике то, что нежелательно представлять чьему-либо взору.

– Э, ти что тут делаешь? – спросил один с явным кавказским акцентом.

Вместо ответа Валик рванул в сторону пожарной лестницы и буквально перепрыгнул парапет. Теперь было важно, насколько хорошо его успели рассмотреть. Он, во всяком случае, ничего особенного не запомнил, кроме футболок и акцента. Через пять-шесть секунд он понял, что один из мужчин спускается за ним следом. Начал ускоряться и чуть не сорвался, промахнувшись ногой по ступеньке.

Забыв, что Перепёлкину не удалось взять машину, Валик в первую очередь рванул

в переулок, где по уговору должна была стоять «Волга», но уже на полпути вспомнил, что там её нет. На бегу оглянулся: показалось, ему удалось оторваться или преследователь передумал. Он вытащил из кармана мобильник и позвонил Морошкину.

– Меня, кажется, засекли на крыше, – сообщил он сквозь сбитое дыхание.

– Кажется? – переспросил Морошкин.

– Точно, – признался Валентин.

– Точно-точно, – услышал он со стороны свободного уха, сильная рука попыталась вырвать у него телефон.

Валентин ринулся всем телом, что было сил, даже не пытаясь оглянуться. «Всех подставил», – подумал он, набирая скорость и опасаясь только одного: лишь бы ноги не стали ватными. Страх мешал ему сосредоточиться в выборе пути, и он, не глядя по сторонам, выскочил на трассу, ведущую из города. Он даже не успел идентифицировать неуспевающим за ногами сознанием визг тормозов под самым ухом, только шарахнулся в сторону. Водитель затормозившей «Газели» крикнул ему:

– Рехнулся?! Все машины распугал! А если бы я на фуре ехал?

Валик остановился, и здесь его инстинкт самосохранения не подвёл, он, оббежав машину, быстро запрыгнул на пустующее сидение рядом с шофёром.

– Дядя, поедем, а? За мной какой-то нерусский придурок с ножом гонится.

У водителя хватило ума не рассуждать и не расспрашивать, а рвануть с места. Мужчина в черной футболке замер в лесополосе, в пятидесяти метрах, раздраженно плюнул в сторону удаляющейся «Газели» и отправился в обратную сторону.

* * *

– Надеюсь, они тебя в лицо не запомнили, – ворчал Морошкин вечером в беседке. – Напомню, могут впаять организованный терроризм.

– Интересный терроризм! – возмутился Бганба. – В новостях сказали, что неизвестными лицами имитирован поджог спортивного комплекса «Торнадо». Пострадавших нет. Кавказский след в расчёт не берётся, потому что комплекс уже три года принадлежит представителям этой диаспоры. Во время расследования сотрудниками фээсбэ обнаружен в подвале притон, скрытые камеры в раздевалках, массажных и бассейне...

– Думаю, ещё не всё, – сказал Валик, – какой-то ящик они на крышу вытащили. Похож на оружейный.

– Неплохо, – грустно ухмыльнулся Морошкин, – выходит, не зря мы эту малину тряхнули. А ягодки-то какие осыпались...

– А когда-то в «Торнадо» был спортивный клуб «Динамо», – сказал Денис, – я там лёгкой атлетикой занимался. В классе шестом. Детская спортивная школа была. Потом закрыли. Денег, что ли, не было? А потом эти выкупили или в аренду взяли. Вот смешно: чёрные открыли притон для белых!

Бганба пристально посмотрел на Иванова. Тот спохватился:

– Гена, ты хоть не обижайся.

– Да я не обижаюсь, привык уже, чё с вами сделаешь? Кавказ большой – говна хватает, но Россия ещё больше, – намекнул он.

– Базару нет, – облегчённо вздохнул, соглашаясь, Денис.

– Интересно, если бы их не задымили, то никто бы их так и не трогал? – озадачился Перепёлкин.

Никто ему не ответил, всё и так было ясно. Зато к беседке подошли Тухватуллин и с ним какой-то подчёркнуто серьёзный парень

лет двадцати. Тухватуллин, следуя традиции Смолякова, со всеми, кроме девочек, поздоровался за руку, парень тоже, одновременно представившись. Его звали Игорь.

– Вся команда в сборе? – осведомился Тухватуллин.

– А кого ещё нужно, Ринат Файзуллович? – ответил Валик.

– Это хорошо, Фёдор Алексеевич сказал познакомить вас с этим человеком, – он указал на Игоря, – прошу любить и жаловать.

Игорь сразу перехватил инициативу и повёл как по накатанному:

– Я представитель молодежного общественного движения «Молодая гвардия», наш штаб...

И тут же был оборван на полуслове Морошкиным.

– А я думал – вас всех фашисты убили.

– Какие фашисты? – не понял Тухватуллин, чувствуя подвох.

– Нормальные. Гитлеровцы. «Молодая гвардия» – это же Олег Кошевой, Ульяна Громова, Любовь Шевцова... Роман писателя Фадеева не читали, Ринат Файзуллович?

– Всё, что положено, в детстве читал, – начал злиться сержант, – я вам человека по

делу привёл, а вы на пороге буксовать начинаете.

– Ребята, – снова начал Игорь, – мы работаем вместе с партией «Единая Россия», мы её молодёжное крыло...

– Партия? – опять не сдержался Морошкин. – Мой покойный отец говорил: кто-то играет партию в шахматы, кто-то играет партию людьми... Вы по какой части?

– Мы знаем, что вы строите площадку в «Доме ребёнка» на улице Герцена. Я, ребята, вас не агитировать пришёл, мы помочь хотели. Возьмёте с собой наших?

– Возьмём! – поторопился с ответом Валик и был буквально прибит взглядом Морошкина.

– Представляю себе строчку в новостях, – едко сказал он, – молодые люди решили помочь несчастным сиротам, собственноручно и бесплатно они построили им детскую площадку. Акция была проведена активистами молодёжного движения «Единая Россия». Партия реальных дел и так далее... У меня матери сказали: вступай в партию, поможем с квартирой. Она вступила, теперь ходит, как намагниченная, на всякие собрания, митинги и платит по двести рублей в месяц с пяти-

тысячной зарплаты. А могла бы дочке на эти деньги мороженого покупать. Так какие у вас ещё есть добрые дела?

– Зря вы так, есть же социальная программа, а мы, к примеру, парк вычистили, берег реки в городской черте... Движение «Наши» помогало...

– Ваши? А кто у вас чужие? – навис над ним огромный Багнба. – «Чужие» – смотрел кино такое?

– Наша партия самая толерантная, это не на словах, – твёрдо ответил Игорь, подразумевая национальность Гены.

– Толерантная – это чё, всех любит? – спросил Гена у Морошкина.

– Ну, к примеру, недавно, как полагает милиция, группа скинхедов совершила налёт на бар «Голубая лагуна», чтобы поиздеваться над сексуальными меньшинствами. Мы осудили этот позорящий российскую демократию поступок и даже готовы поддержать пострадавших в их желании пройти маршем по нашему городу, чтобы обозначить проблему терпимости.

Тухватуллин, оказавшийся в это время за спиной митингующего Игоря, изобразил на лице мину безнадёжности.

– Девочек обижать нельзя, – из-за спины, едва сдерживая смех, сказал он. – Ладно, мы пойдём, а вы подумайте. Ребята с хорошими предложениями пришли, – и так чисто по-татарски выделил слово «хорошими», что было абсолютно непонятно, какой он смысл в него вложил.

– Наш народ действительно похож на большого терпеливого Иванушку-дурачка, и если бы Сам Бог, по великой Его милости, не был на его стороне, он давно бы сидел голый где-нибудь на окраине тайги, – подвёл итог дебатам Алексей.

– Мой отец говорил, что на своём курсе в институте он был комсоргом. Интересно, он выглядел также по-идиотски? – спросил у кого-то Денис Иванов.

* * *

На городок у ребят ушло ещё три дня. Морошкин за эти дни уволился из «Торнадо». В сущности, никто его там особо не держал, и взяли-то его, пока не могли найти техничку-женщину. Зато Анна Николаевна приняла его временно, на лето, рабочим по обслуживанию здания. Должностные обязанности у него были самые широкие: от подай-принеси до

отремонтируй кран, унитаз или тумбочку. Командовали им завхоз и нянечка тётя Римма. Ольга и Света побывали-таки в первый раз у грудничков, помогали выносить их на улицу на дневной сон, одевать и раздевать. По вечерам в беседке делились своими впечатлениями.

– Они как будто в душу заглядывают, – говорила Ольга.

– Реально, – соглашалась Света, – глаза, как у взрослых. И ручонки к тебе тянут.

– Я всё боялась, что кто-нибудь из них скажет «мама». Я бы там в обморок упала.

– А нянечкам и воспитателям они всё равно скажут, когда придёт время...

– Глаза – будто они понимают, что сироты.

– Там нянечка заболела, нас завтра просили в шесть утра прийти, кормить помогать. Блин, я мечтала хоть летом отоспаться.

– Фигня, невыспанные пойдём.

– Пойдём, конечно.

– Мы всё равно не заменим им родителей, – справедливо заметил Морошкин.

– Ну хотя бы побудем братьями и сёстрами, – сказала Света.

– Братьями и сёстрами? – задумался Алексей. – Как в храме...

В выходные проводили полевые испытания всех конструкций городка. Внештатным лётчиком-испытателем был назначен Бганба, как самый тяжёлый. Он качался на качелях, его всей толпой крутили в карусельной люльке, перевешивали втроем на коньке-качалке, загоняли на всякие лазалки и скидывали с металлической горки. Валик предложил присвоить Гене звание Героя Советского Союза и обосновал это тем, что Абхазия входила в Советский Союз. Бганба согласился, но заметил, что если его ещё пару раз пропустят по этой полосе препятствий, звание придётся присваивать посмертно, и просил похоронить его в песочнице.

Результатом работы, а также испытательными играми взрослых детинушек вышел любоваться весь персонал. Анна Николаевна после каждого запуска Бганбы на очередном испытательном стенде ахала и затаивала дыхание. Перепёлкин, чтобы поддержать слабонервных, исполнял на щеках цирковой туш.

– Ведите теперь любую комиссию, – произнёс Анне Николаевне своё заключение Морошкин, – пусть попробуют не принять, мы на них Бганбу напустим.

– Покататься... – добавил Денис Иванов.

– Ребята, а мы все приглашаем вас на торт и чай, – растроганно позвала директор.

Скинькеды переглянулись и, разумеется, согласились. Но главное их ожидало в игровой комнате, где все малыши младшей и старшей группы построились во главе с тётёй Риммой и, когда ребята вошли туда, дружно и чётко прокричали: «СПА-СИ-БО, МЫ ВАС ЛЮ-БИМ». Скинькеды потупились, а Бганба, которому некуда было деваться со своим ростом, шепнул Алексею, от волнения срываясь на акцент:

– Лёха, так нельзя, да?! Им радостно, а мне плакать хочется. Как будто я ещё больше виноват стал.

– Ген, у самого комок в горле, – признался Морошкин.

– А у нас сегодня ещё проводы, – объявила Анна Николаевна. – За Федей придут новые мама и папа – Федор Алексеевич и Нина Михайловна.

– Участковый? – спросил Перепёлкин.

– Да. Они долго решали, Федя даже несколько раз был у них дома.

– Если мне кто-нибудь скажет, что среди ментов нет порядочных людей, – загрызу, – буркнул Бганба.

– А то про Смолякова и Тухватуллина ты и так не знал, – одёрнул его Перепёлкин.

Маленький Федя был одет как именинник. В чёрные шорты, белую рубашечку с чёрной же инкрустированной узорчиком под серебро бабочкой.

– А ещё у нас Наташа завтра уедет в Германию. У неё тоже будут новые родители.

– Её взяли? – тихо удивилась Ольга.

– Тиш! – шикнула на неё тётя Римма. – Она слышит лучше нас всех! Взяли, конечно. Немчура бездетная, но богатая. Говорят, девочке можно операцию сделать. Чем в России, где она никому, кроме нас, не нужна, пусть лучше в Германии. Чё там, тоже люди. Мы её окрестили по-православному, пусть попробуют в своё лютеранство переделать, обратно заберём!..

Потом ели торт, а маленький Федя всё смотрел на двери. Скинькеды за столом стали называть его уважительно Фёдором Фёдоровичем. Федя не возражал...

* * *

И так бы закончилась эта немного грустная и в меру весёлая повесть. Такая, какой, собственно, и бывает бесшабашная и бы-

стро летящая юность, если бы в сентябре не приключилась беда.

Ольга Большакова нашла Валентина Запрудина в его подъезде с четырьмя ножевыми ранениями в область сердца и брюшную полость. Он был уже без сознания и просто истекал кровью. «Скорая» приехала только через двадцать минут, а ещё через пять минут Валик умер, опутанный бесполезными капельницами, не приходя в сознание.

Убийца не оставил никаких следов. И никаких видимых да и невидимых причин убивать Валентина Запрудина в этом мире ни у кого, казалось бы, не было. В руке у него был зажат мобильный телефон, на котором в последние минуты своей жизни он набирал номер Ольги.

Вечером Оля билась в истерике на груди Морошкина, колотила в эту грудь кулаками, пока не наступило полное изнеможение, ноги подкосились, и она просто повисла на руках Алексея. Она считала, что убийство как-то связано со спортивным комплексом «Торнадо», но никаких улик или указаний на это убийца не оставил. Что уж говорить о том, что свидетелей не оказалось. Смоляков и Тухватуллин два вечера подряд

сидели с ребятами в беседке, где собиралось уже не семь, а в три раза больше человек, беседовали, предполагали, искали и вместе со всеми роптали на эту нелепо жестокую жизнь.

На похороны Валика собрались три школы района, студенты университета и студенты архитектурной академии. Гроб подвезли к школе, и вся молодежь выстроилась в колонну по шесть человек, так, как будто все эти годы у них велась начальная военная подготовка. В первом ряду стояли Алексей Морошкин, Вадим Перепёлкин, Геннадий Бганба, Денис Иванов, Ольга Большакова и Света Глоткова. Траурное шествие растянулось на несколько кварталов, но почему-то только немногие заметили, что на ногах у всех молодых людей, шедших в колонне, были надеты кеды...

На девятый день вечером, после того как все, кто хотел, побывали на кладбище и в церкви, посидели рядом с отчаявшимися от горя родителями, к беседке со всех сторон стали стекаться ребята разных возрастов. Через час огромная толпа двинулась в сторону спортивного комплекса «Торнадо». У каждого в обеих руках было по камню

или осколку кирпича. Этих камней хватило, чтобы выбить все окна в бывшей спортивной школе при клубе «Динамо», включая форточки, загнать градом камней обратно внутрь охранников, пытавшихся что-то предпринять, превратить в груды мелкого стекла большие стеклянные двери. Во время побоища в одно из окон на третьем этаже выглянул мужчина в чёрной футболке и что-то пытался угрожающе крикнуть, но один из камней попал ему точно в лоб. Так и осталось неизвестным, сможет ли он вообще после этого связно говорить. Толпа распорядилась группами на ночных улицах так, словно маршрут каждой из них был продуман детально. Милиция никого не смогла задержать. Потому что никто не обратил внимания на то, что вся молодёжь и в этот раз была одета в дешёвые китайские кеды. В них, наверное, проще было убежать.

После этого случая (теперь уже майор) Федор Алексеевич Смоляков не пришёл, как водится, в беседку. Ему было некогда, он занимался воспитанием Фёдора Фёдоровича. А ещё через месяц, точнее, на сороковой день смерти Валентина Запрудина, побоище в «Торнадо» повторилось один

в один. Газеты и телевидение стали искать на улицах города скинхедов и, разумеется, нашли. Идеология «скинхедов» так и не всплыла, потому что её никогда не было. «Торнадо» сначала на время прикрыли. Говорят, что посетителей в нём значительно поубавилось уже после первого побоища, а после второго хозяева предпочли выставить комплекс на продажу. «Торнадо» выкупила обратно городская администрация, хотя когда-то она же отдала его в частные руки почти за бесплатно. После ремонта и некоторой переделки там обещали вновь открыть спортивную школу.

Следующим летом Алексей Морошкин забрал документы из университета и уехал. Говорят, что уехал в Ейск, где до сих пор ещё жила его бабушка, мать его отца, и поступил там в лётное военное училище, куда не смог поступить в своё время его отец. Оттуда он писал письма Светлане Глотковой и родителям Валентина, который так и не успел расстаться со своей детской мечтой стать космонавтом. А может, и не расстался бы никогда. Ольгу Вохмину уже давно никто не видел в салоне лаковой иномарки, а вот в беседке и в кедах её видят теперь часто. Место

вожака в дворовой команде по праву занял Перепёлкин. Денис Иванов по-прежнему помогает родителям расширять бизнес. Ольга Большакова поступила в медицинский институт. В Абхазии было неспокойно, и Гена на этот раз поехал с отцом и двоюродным братом туда, где в любой момент начнётся маленькая война с большой кровью.

В России война не кончается совсем, унося каждый год по миллиону и больше жизней. 20 тысяч человек ежегодно пропадают без вести, 15 тысяч гибнут на пожарах, в автомобильных катастрофах погибает 30 тысяч человек, 70 тысяч – от передозировки наркотиков, 40 тысяч отравляются некачественным алкоголем насмерть, милиция обнаруживает ежегодно 42 тысячи трупов, и причины смерти установить невозможно, в результате убийств гибнут ежегодно 50 тысяч россиян...

Наверное, кому-нибудь захочется высказать автору своё недоумение: вот, взял и с лёгкой руки убил одного из героев. Но это сделал не я. Это каждый день происходит на наших улицах. Оглянитесь.

Всего с 1989 по 2004 год Россия потеряла около 30 миллионов человек. Среди них

Валентин Запрудин и мой племянник Алексей Яценко.

Потери сравнимы с потерями СССР во время Второй мировой войны. Против России воюет весь мир...

ПОСЛЕДНИЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Всю свою жизнь Игорь Дмитриевич не обращал внимания на летающие тарелки. Ну, летают себе где-то, так пусть и летают. Увлечаться проблемами НЛО Игорю Дмитриевичу было абсолютно некогда, потому что работал он учителем истории в сельской школе и была у него очень большая нагрузка – две с половиной ставки, да еще общественная. Зеленых человечков Игорь Дмитриевич справедливо считал «новыми бесами». По принципу: если есть новые русские, значит, есть и «новые бесы». Были в девятнадцатом веке чертенята с рожами и копытцами (см. Н.В.Гоголь «Вечера на хуторе близ Диканьки»), а теперь, стало быть, зеленые человечки. Пару раз попадали ему на глаза газеты с рисунками и даже якобы фотографиями пришельцев из других миров. Глянув на них краем глаза, Игорь Дмитриевич с отвращением отмахивался:

«Упаси, Господи!..» Но по ночам, как всякий неутомимый романтик, успевал любоваться звездным небом, особенно когда высыплет из темной глубокой бездны все многообразие существующих миров: и красные гиганты, и белые карлики, и голубые, и еще зеленые какие-то, и близнецы, типа Сириуса, и солнышки желтые... И через всю эту подмигивающую красотищу тянется снежным хвостом Млечный Путь. И вот в эти-то минуты представлялись ему неизведанные миры, с таким же, как на Земле, голубым небом, теплыми морями и буйной зеленой растительностью. Теплые миры. Но, по мнению Игоря Дмитриевича, населены они были такими же людьми, только, может быть, чуть более счастливыми, чем земляне. Они не болеют, и природное их добродушие не позволяет витать в чистом ароматном воздухе их планет не только мыслям о войне, но даже об обыденных ссорах.

С годами Игорь Дмитриевич понял, что фантазии его в какой-то мере являются воспоминаниями всего человечества о потерянном рае. А может, и переплетаются с представлениями набожных старушек о том свете. Они ведь как мыслят: там все счастливы и здоро-

вы, и Боженька наделяет всех достойных неисчислимыми благами и радостями, что только и остается райским жителям – восхвалять и петь славу Творцу. Сам-то Игорь Дмитриевич понимал рай иначе. Рай – это состояние души, при котором она пребывает в блаженстве. Не мучают ее угрызения совести, тоска, одиночество не гложет... В общем, все чувственные напасти, которые знакомы любому человеку по земному бытию.

В поселке не было храма, об этом позаботились еще в тридцатые годы большевики, превратив церковку в клуб «Красный северянин». Это уж точно: и работники клуба, и его посетители чаще всего выходили из него красными, только не по политическим убеждениям, а от выпитого самогона, в неограниченных количествах покупаемого у оборотистых и крепких хозяев. Только вот из красных они очень быстро становились синими, а затем бледными и холодными. «Сотоварищи» хоронили их на сельском кладбище под неодобрительный ропот все тех же набожных старушек. Вот, мол, и Божье наказание, но старушечьему ропоту никто не внимал, и «сотоварищи» шли справлять поминки, переходящие в какой-нибудь революционный

праздник, чокаясь гранеными стаканами с бюстом Карла Маркса. Традиция такая у них была...

После войны клубная работа поутихла. Раз двадцать «наступив на грабли», местные активисты стали обходить «Красный северянин» стороной, а для своих активных дел открыли избу-читальню в доме единственного кулака, который после раскулачивания перебрался в землянку на околице. В застойные годы построили новый клуб, а вот церковка под ветрами и дождями осела и начала осыпаться по кирпичику. И хоть совсем по-другому стал в нынешние времена смотреть народ на небо, не красные дирижабли в нем выискивая, а Промысл Божий, а кто и крестился не украдкой, но теперь не было на реставрацию церкви денег. Приезжал из округа священник: крестил, отпевал, проводил приходские собрания на дому у старосты, говорили там и о храме, но пока дальше разговоров дело не шло. Так и жили сельчане – вроде верующие, а невоцерковленные, от случая к случаю собираясь на общее богослужение. И Игорь Дмитриевич с ними...

В поселке, следуя новым веяниям, были свои экстрасенсы и контактеры, которые любили по-

являться в общественных местах, создавая вокруг себя этакую ауру тайнознания, не забывая при этом позлословить в отношении своих конкурентов. Некоторые даже показывали удостоверения различных «потусторонних» академий и практиковали за большие деньги свое экстрасенсорное лечение: заговаривали местных коммерсантов от пуль и «наездов» в городах, «примагничивали» им прибыль, лечили народ от сглаза и порчи, только непонятно было, откуда эта порча берется, если никто, кроме них, ею не занимался. Старушки, завидя этих «деятелей», торопливо крестились, называя «анчихристами», сельские интеллигенты вступали с ними в околонаучные беседы, а Игорь Дмитриевич спокойно считал их шарлатанами, а всех, кто к ним шел за помощью, дураками.

Ему вообще некогда было обращать внимание на параллельные миры и прочую спиритическую лабуду. От шести до десяти уроков в день, факультативы еще, а потом мероприятие какое-нибудь готовить надо. Дома же свои дела: помочь дочкам: Ане – уроки сделать, а Насте – стихотворение в садик выучить, да и жене Варваре Сергеевне помочь чего-нибудь по быту. Так что времени едва хватало осенью за грибами и на рыбалку

сходить, зимой – книжки почитать, а летом не грех и к морю вырваться, если начальство путевкой пожалует. Да и за здоровьем смотреть было некогда. Тут последнее время стал одолевать его непривычный сухой кашель, но никак на него не отреагировал Игорь Дмитриевич. Разве что воды выпьет или трав ему Варвара Сергеевна запарит, да еще мысль была – курить бросить. Была, да обдумывать ее некогда, пока обдумываешь, сигарета сама собой во рту окажется. Опомнишься, а уж пять затяжек сделал. Где уж там остановиться. И говорил ведь батюшка, что это фимиам сатане... Но так уж у нас принято: ремонт, здоровье и покаяние на самое последнее, вроде как запасное, время откладывать.

Словом, всю свою жизнь Игорь Дмитриевич не обращал внимания на летающие тарелки. И так бы оно и было, но летающие тарелки сами обратили внимание на скромного сельского учителя истории.

Под Новый год поехали они со школьным водителем Егором Андреевичем на «уазике» за елками. И угораздило ведь под самую полночь поехать. Минут двадцать двенадцатого. Днем-то все не с руки было. Мороз как раз придавил так, что тайга искрилась и тре-

щала сухостоем, а деревья, которые не хвойные, инеем оделись, точно кораллы морские. И звезд на небе было столько, что без телескопа можно было новые открывать. Двинулись зимником за Иртыш. Там, по словам Егора Андреевича, «ели-красавицы, а то и пихту мохнатущую можно спилить». Игорь Дмитриевич не спорил, потому как не числился в поселке знатоком природы и местного ландшафта, а только знатоком отечественной и всемирной истории. Выбрали место, где был на зимнике «карман» для остановки, и подходящий, по мнению Егора Андреевича, подлесок. Остановились. И вот тут-то началось...

Сначала стало необычно светлее. И свет этот был наподобие лунного: голубой и холодный. И более всего походил на искрящуюся, падающую с неба пыль. Игорь Дмитриевич хотел поделиться своими соображениями по этому поводу с водителем, но когда повернул голову в его сторону, увидел, что тот спит. Сон этот был настолько глубоким, что Игорю Дмитриевичу не удалось его растолкать. На все его тычки Егор Андреевич отвечал несвязным мычанием, не открывая глаз и не отрывая голову от руля. Мотор между тем сам собой заглох, и Игорю

Дмитриевичу ничего не оставалось, как только выйти из кабины наружу. Он открыл дверцу и шагнул в скрипнувший сугроб. Шагнул и тут же услышал над своей головой металлический, словно у робота, голос: «Здравствуйте, Игорь Дмитриевич. Мы хотим с вами поговорить о самом главном: о жизни и смерти».

Игорь Дмитриевич вздрогнул и посмотрел вокруг. Позади машины в пяти метрах от земли висела, едва не касаясь верхушек сосен и кедров, самая настоящая летающая тарелка. От нее и струился этот «корпускулярный» свет, образуя в радиусе метров двадцати светло-голубое облако. Голос раздавался из ее чрева:

– Мы предлагаем вам жизнь, Игорь Дмитриевич. Жизнь без болезней и страхов, без забот и утомительной работы. Вы полетите с нами на нашу планету.

Что-то хотел спросить Игорь Дмитриевич, несколько не испугавшись, а как-то по-особенному занервничав (мол, вмешиваются тут всякие в процесс отбора елочек), но голос опередил его.

– У вас болезнь, которую вы называете «рак». Так вот, Игорь Дмитриевич, для вас

рак на горе уже свистнул. Рак легких – это мучительная смерть. Мы знаем, как вас вылечить, и мы приглашаем вас с собой...

Рак? И опять не испугался, а раздосадовался Игорь Дмитриевич. Вот ведь неожиданность! Вот нелепость! Вроде и помирать рано... Стало быть, наказал Бог. И что же теперь – подаваться в чужие теплые края, может, в зоопарке каком место мне определят? А то и самок ко мне в клетку подсадят, чтобы мы размножались в неволе. А инопланетяне будут приходить и смотреть, что мы за звери такие.

– Да кто хоть вы сами-то? – резонно спросил Игорь Дмитриевич.

В ответ на его вопрос в брюхе летающей тарелки открылась дверь, откуда высыпались ступеньки, а по ним спустились на землю три невысоких существа. Яйцеголовые и глазища, как маслины. Без всяких там скафандров и других приспособлений. Руки и ноги тонкие. Видать, не приучены к физическому труду. Пальцы вот пересчитать не удалось. Нос, если это нос, едва выделялся, и рот едва заметен: столовую ложку в него не опрокинешь. Но, как выяснилось, ротом они даже для ведения переговоров не пользуются. Голос одного

из пришельцев сам по себе металлически звенел в голове Игоря Дмитриевича.

– На нашей планете уже много ваших особей. Вам там не будет скучно и не придется умирать в холодной районной больнице.

– И как это землячков угораздило к вам попасть? – прищурился Игорь Дмитриевич.

– Они сами согласились. Чтобы не болеть и не умирать. Здесь они считаются без вести пропавшими. Но там им не скучно. Там они делают, что им захочется. Мужчины любят женщин, сколько смогут. Там не надо быть только с одной женщиной. У нас нет таких странных и строгих законов. У нас полная свобода...

– Содом и Гоморра, – сказал себе под нос Игорь Дмитриевич.

Сказать-то сказал, но почему-то полезли в его голову навязчивые фантазии: пляжи с золотым песком, на котором загорают вечно юные и предельно стройные красавицы, каждую из которых можно обнять, волны теплого моря, лениво накатывающие на берег острова счастья, изысканные напитки и мягкая прохлада по вечерам... И не мог себе соврать Игорь Дмитриевич, что ему туда не хотелось. Да и разве сорок лет – это возраст, чтобы бе-

лые тапочки примерять? Пусть и седина в висках, а ведь все равно каждое утро кажется, что жизнь только начинается и время больших свершений еще впереди. Что ототрет он в очередной раз руки от мела, забудет про напряженное расписание, про брюзжащего завуча... А дальше? Дальше ничего, кроме тех самых пляжей и аккуратной виллы на берегу моря, почему-то не грезилось. И вдруг даже услышал томный женский шепот: «Соглашайся, Игорь, соглашайся. Покой и нежность, чистый воздух и вечное тепло... Мы ждем... Надо еще пожить... Жить...» «Искушение», – подумал Игорь Дмитриевич, но так вдруг защемило сердце от обиды: всю жизнь пахал в школе, всю душу в учеников вкладывал, а «государственной благодарности» едва на хлеб насущный хватало, и вот вроде чуть больше платить стали, коттедж, хоть и деревянный, сладил, а тут, говорят, помирать пора... А дочки? Кто ж им теперь опорой будет? В наше-то время государству, по большей части, плевать на сиротинок. Только разговоров много, а дел-то ни на грош. Точнее, на грош. А на грош нынче много ли купишь? Ах беда-то! Опять же, детдомовским ребятам обещал помочь спортивный зал доделать...

Убегу в космос, так и скажут: «Убежал». И никому больше верить не будут. И так уже мало кому верят. Посмотрели бы вы, господа инопланетяне, в глаза этих ребяток! У кого родители либо повымерли от реформ и прочей «шоковой терапии», а у кого и живые, да только живыми их не назовешь, потому как вся их жизнь на дне стакана уместается. За сто грамм на этом самом дне они кровинушек своих отдадут и продадут. Вот ведь незадача: и так – помрешь, и так – тебя нету.

– А письмо от вас отправить можно? – стал искать соломинку Игорь Дмитриевич.

– Никакой связи с этим миром у вас не останется. Дорогое это удовольствие – за миллион световых лет конверты возить, – ответил металлический голос.

«Ну вот, опять рыночная экономика». И представилось вдруг, как входит он домой, елочку заносит, а у дочурок радостные личики... Аж слеза на ресницах замерзла.

– Да что же делать-то, Господи! – закричал вдруг в самую глубину звездного неба Игорь Дмитриевич.

И после этого крика заметил, что будто передернуло инопланетных спасителей. И все мысли о выборе сразу выморозило из голо-

вы, а вместо них появилась жгучая ненависть. Даже пот прошиб.

– Именем Господа нашего Иисуса Христа – заклинаю, кто вы такие, нелюди межзвездные?!

А те молча попятились, будто ружье на них наставили. И осенило в этот миг Игоря Дмитриевича, и заголосил он на всю тайгу:

– «Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его; и да бежат от лица Его ненавидящие Его; яко исчезает дым, да исчезнут...» – на этих словах дверца в летающей тарелке захлопнулась, и она тут же исчезла, только дым и остался. Голубоватый такой. Да и дым стал рассеиваться, и вместе с ним рассеивались видения солнечных пляжей и таяли, яко воск, загорелые девицы... Правда, пришлось себя ругнуть Игорю Дмитриевичу, потому как шевельнулось где-то на самом дне души сожаление. Это ж какая жизнь ему предлагалась? Да вот только жизнь ли?..

И все... Только сучья потрескивали в чаще. И так холодно стало, до самых костей пробрало. Вдохнул поглубже, грудь внутри холодным огнем обдало, и зашелся сухим, безостановочным кашлем. Тем самым и разбудил Егора Андреевича, который выскочил по спине

похлопать. Спросонья не понял, думал, подавился напарник.

– А я, никак, заснул, – смущенно удивлялся водитель. – Никогда такого со мной не бывало. Жуть какая-то. И знаешь, что мне, Игорь Дмитриевич, приснилось? Ты уж прости... Приснилось, будто мы тебя всей школой хороним. Дети плачут. Я сам ревя реву. Аж всю душу наизнанку вывернуло... Но ты не пугайся, это хорошая примета. Кого во сне хоронят, тот долго жить будет.

– Да некогда тут помирать! – обозлился Игорь Дмитриевич. – Я вон пихточку присмотрел, как раз для актового зала подойдет. А вон ту елочку домой возьму. Себе ищи...

– Да не обижайся ты, Дмитрич. Я и сам не ожидал. Смотри, ночь-то какая звездная! Двухтысячный год встречать будем, самое время космическое пространство осваивать и к звездам лететь!

– К звездам? Космическое пространство осваивать? Да некогда, себя бы освоить. Где у тебя ножовки?

– В кузов бросил, там ящик у меня с инструментами. Закуришь?

– Не, не хочу, некогда...

ОТВЕРГНУТЫЕ

Дойдя до школьных ворот, Мишка остановился. Нужно было опять перебарывать себя: несколько шагов до крыльца, открыть дверь, выслушать, в сущности, равнодушное ворчанье завуча: «Опять опоздал, Головин», краем глаза увидеть, как качает головой гардеробщица, подняться на второй этаж и войти в кабинет, извиниться за опоздание и услышать от Ангелины Ивановны: «Ну вот, Безголовин явился!»...

Мишка и сам понимал, что с ним происходит что-то не то. С тех пор, как от них ушел отец, мать с утра до поздней ночи мыла полы на трех работах, трехлетняя сестренка постоянно болела, старший брат не писал писем из армии, а Мишка?.. Мишка вдруг перестал верить в то, что в этой жизни для него еще может наступить что-то важное и хорошее. Все дни стали беспросветно серыми и одинаковыми. Все люди, кроме матери, если чего-то и хотели от него, так это одно из двух: или чтобы

он не путался под ногами, или чтобы он был не самым плохим учеником и членом общества. Никто не спрашивал у Мишки, каково ему идти в школу в ставших за лето короткими штанах; легко ли знать, что не видать ему ни мороженого, ни шоколада, потому что все деньги уходят на самые необходимые продукты и лекарства для младшей сестры; больно ли получать подзатыльники за нерасторопность от дяди Олега, приходящего иногда к матери; и почему так спокойно сидеть на берегу, глядя на реку... Ничего не спрашивала и мать, только качала головой, получая сообщения из школы или рассматривая незаполненный Мишкин дневник. Глаза ее время от времени наполнялись слезами, она порывалась что-то сказать, но наружу выходил только грудной всхлип, и, махнув в сердцах рукой, она отворачивалась, уходила в другую комнату. Больно было Мишкиной душе, когда он чувствовал боль матери, хотелось пойти куда глаза глядят, горы свернуть, добыть жар-птицу, чтобы она все желания выполнила, – лишь бы не видеть слез матери. Со своей стороны Мишка все же считал мать немного виноватой в том, что отец уехал от них к другой семье. От отца, который работал «вахтовым методом», иногда приходили

алименты. В такие дни они все вместе шли в магазины покупать продукты и кое-какую детскую одежду. Себе мать на деньги отца никогда ничего не покупала. Отец не писал, отец не звонил, отец не приезжал. Отца не было.

Постояв у ворот, Мишка решительно повернул в другую сторону – к реке. Он знал, что встречающиеся по пути односельчане не преминут рассказать матери, что он снова не пошел на занятия. Поэтому шел, опустив голову и ни с кем не здороваясь. В таких случаях он больше всего опасался встретить пожилую учительницу литературы, у которой не всегда были первые уроки, и она, не торопясь, шла из дому в школу со стороны реки. Как раз с той стороны, куда направлялся Мишка. В отличие от остальных учителей и прочих воспитателей, Анна Николаевна никогда Мишку ни в чем не упрекала, а просто однажды взяла его за руку и привела к себе домой, где поила чайком с печеньем и конфетами и рассказывала свою жизнь. А жизнь у нее получалась не сахар. Муж, который не погиб на войне, вернулся в поселок всего на несколько дней и скоро уехал в город к другой женщине, оставив Анну Николаевну одну с двумя детьми. И тогда ей, как и Мишкиной

матери, пришлось много работать, вести уроки в две смены. Пока она занималась чужими детьми, два ее сына остались без присмотра. Часто хулиганили, даже в милицию попадали. А кончилось всё тем, что один поступил в военное училище и теперь служит на Дальнем Востоке, а второй попал в тюрьму, и там его убили в драке. Анна Николаевна, когда рассказывала об этом, не плакала. Мишка понял, почему она не плачет: потому что за долгую свою жизнь она выплакала все слезы, и глаза ее стали к старости бесцветными и очень печальными. Настолько печальными, что смотреть в них, не испытывая стыда и смущения, было невозможно. И Мишке было непонятно, отчего ему стыдно, если он ничего плохого Анне Николаевне не сделал. Она даже уроков в его классе не вела. Он еще не знал, но что-то в душе подсказывало ему, что стыдно может быть не только за себя, но и за весь мир, за всех-всех вокруг. Мишка потом еще несколько раз приходил к Анне Николаевне, колол ей дрова, приносил тяжелые сумки с продуктами из магазина, таскал воду, еще чем-либо помогал. Она всякий раз поила его чаем или кормила, однажды даже пыталась дать денег, но Мишка, обидевшись, убе-

жал. Он понимал, что Анна Николаевна жалеет его, но жалость, как он считал, была ему не нужна.

Ни за кого и ни за что взглядом не зацепившись, Мишка вышел к реке. Здесь, на крутом берегу, в низкорослом жиденьком сосняке он давно соорудил себе дозорный пункт. Из ветвей и досок был сделан добротный шалаш, в котором можно было укрыться от дождя и ветра, а можно было просто выспаться. Сюда же Мишка перетащил свой нехитрый скарб: перочинный нож, старенький атлас мира, несколько тетрадей, в которых вел дневник наблюдений, а то и записывал все, что наболело, или то, что посчитал важным. Из сарая перенес в шалаш старый отцовский спальник, с которым тот ездил на рыбалку. А железный ящик из-под снастей приспособил под НЗ – склад сухарей и консервов. При желании Мишка мог отлеживаться в шалаше несколько суток кряду, но не хотел волновать мать и каждый вечер возвращался домой.

По дороге он, разумеется, сталкивался с учителями, чьи уроки пропустил вчера или пропустит сегодня. Каждый из них считал своим долгом отругать Мишку за прогулы, пригрозить ему спецшколой, «раз уже мать

с ним не справляется», а то и чем пострашнее. Когда Мишке обещали найти на него управу, он почему-то всегда представлял дореволюционного полицейского-урядника – краснолицего, усатого и круглолицего дядьку в синем мундире с револьвером в кобуре. Таким он увидел его на рисунке в одной из книг. Но вот никак не мог себе представить, что будет делать этот урядник с Мишкой. Разве что выпорот.

Больше всех «отрывался» на Мишке молодой учитель географии. Высокий, худой, с вечно недовольным лицом, он, как уличный фонарь, зависал над Головиным, чтобы, кривя губы, произнести: «А мы, Головин, с ребятами в поход ходили. Таких, как ты, туда не берут! Понял? Я не понял – ты понял или нет? Ты вообще на что годишься? Ты не на что не годишься! Короче, Головин, по географии тебе двойка за четверть будет. Как ни крути – все равно двойка!»

Мишка и не крутил, он даже был согласен с тем, что ни на что не годится. Раз взрослые так говорят, значит, так оно и есть. Но и про самого Андрея Андреевича, географа, все в поселке знали, что приехал он сюда работать учителем, чтоб не призвали в армию. Навер-

ное, поэтому Андрей Андреевич с таким превосходством и едва скрываемым пренебрежением относился ко многим ученикам, которых считал неспособными. Ему было обидно, что он, городской умница, вынужден тратить свое драгоценное время на этих олухов. И первым из этих олухов стал в прошлом году Мишка Головин. Андрей Андреевич знал, что Мишка все равно угодит либо в тюрьму, либо в армию, и во втором случае такие, как Мишка, смотрят на таких, как Андрей Андреевич, как на пустое место. «Недомужики», – думают они.

До слёз насмотревшись на реку и проходящие баржи, Мишка решил подкрепиться. В школьной столовой как раз сейчас кормили. Он хотел было залезть в шалаш, но отпрянул. Оттуда торчали огромные ботинки. Попятившись, он наступил на сухую ветку, которая выстрелила на весь осенний лес, спугнув ворон на ближних соснах. Большие ноги тут же заелозили по дерну, и в проеме появилась коротко стриженная мужская голова. Глаза у этой головы были заспанные и долго моргали, чтобы привыкнуть к свету. В руке, появившейся следом за головой, блеснул клинок большого ножа. Мишка отошел еще на два-три шага и намеревался уже развернуться

и побежать, но голова заговорила с ним хоть и хрипло, прокашливаясь, но достаточно дружелюбно.

– О! Выходит, я тут твои припасы съел?! Ну извини, парень... У тебя тут штаб? Ты меня не бойся, я из тюрьмы сбежал, но...

– Вы кого-то убили? – напрямую задал главный вопрос Мишка.

– Нет, упаси Бог, это меня чуть не убили. Я за драку сел, а в тюрьме снова подрался. Долго в больнице лежал, думал, отдам Богу душу, но все же выкарабкался. Да мне срок добавили. Несправедливо добавили, понимаешь?

– Понимаю, – кивнул Мишка и покосился на нож в руке беглеца.

Тот перехватил его взгляд и улыбнулся:

– Не бойся, этот хлеботорез я сам сделал. Хочешь – подарю? Нет, лучше мы с тобой поменяемся на твой складенок? Не веришь? Держи! – и он бросил на землю к Мишкиным ногам свой нож – с огромным серебристым лезвием и деревянной, украшенной резьбой ручкой. Не поднять его Мишка не мог, а подняв, долго любовался и даже попробовал потесать им ветку. Беглец с интересом наблюдал за ним.

– Ну что? Меняемся?

– Идет, – согласился Мишка.

– Меня Георгием зовут, в детстве Жоркой звали, Жора-обжора, а сейчас Георгием, как Жукова...

– Какого Жукова?

– Как какого? Главного победителя всех фашистов!

– Фашистов и Гитлера солдаты побеждали!

– Правильно, а Жуков ими командовал.

– А-а...

– Ну а тебя-то как зовут?

– Мишка...

– Михаил, стало быть, как Архангела.

– А Архангел кто? Тоже генерал? Тоже солдатами командовал?

– И командует, только на небе.

Последнего Мишка не понял, но в подробности вдаваться не стал. Раз в небе – значит, летчик. Летный генерал или маршал. Осознав это, Головин испытал к своему имени настоящее уважение. И решил, что теперь его тоже должны звать Михаилом. Отчество, конечно, пока не обязательно. Да и какое отчество без отца? Но Михаилом – обязательно.

– «Михаил» знаешь как переводится? «Кто как Бог!»

– Кто переводится? Откуда переводится? – опять не понял Мишка. – Командующий переводится?

– Ладно, не ломай голову, – махнул рукой Георгий, и только в этот момент Мишка заметил, что рука эта легла ему на плечо. Бояться уже было поздно, но он решил, что будет настороже.

– А ты почему не в школе? – удивился вдруг Георгий, а Мишка, в свою очередь, удивился, что все взрослые одинаковы, и приготовился к тому, что сейчас его здесь, в лесу, отчитает за прогулы бежавший из тюрьмы человек. При этом он так вздохнул, что Георгий захохотал.

– Ну, не хочешь говорить, не надо! Давай лучше твой шалаш прочнее сделаем. Мне тут, пока отлеживался, много мыслей в голову пришло, как его усовершенствовать. У меня в свое время тоже такой штаб был. Во-первых, мы его углубим, у меня еще саперная лопатка есть. Сделаем полужемлянку...

Вдвоем они принялись за работу. Георгий копал, а Мишка стаскивал к шалашу большие еловые лапы, которыми планировалось застелить пол. Работали весело и споро, но в какое-то мгновение Мишку вдруг тоже посетила мысль. Глядя на то, как старательно выворачи-

вает дерн Георгий, как рубит корни, он подумал, что беглец может остаться здесь навсегда. И следом пришлось думать о том, как они будут вдвоем уживаться.

– Дядя Георгий, а вас не поймают? – спросил Мишка.

– Поймают, – не отрываясь от работы, ответил Георгий. – Я вообще-то сюда по делу прибежал. Понимаешь, я причинил своей матери много горя, и когда меня ранили, я сделал так, чтобы ей сообщили, будто я умер...

– Анна Николаевна! – всплеснул руками Мишка.

– Конечно, ты ее знаешь. Она, наверное, до сих пор в школе работает?

– Да, уроки литературы и русского ведет. Только в старших классах.

– Ну вот. Я ей письмо написал. Из твоей тетрадки листок вырвал и написал. Передашь?

– Передам, а из тюрьмы написать нельзя было?

– Можно, но зона есть зона. А тут посмотри, красота какая!

– Обязательно надо было бежать?

– Ну ты же не хочешь в школу идти?

– Школа – это не тюрьма, мне просто... – и дальше Мишка не нашелся, что сказать.

Он вдруг понял, что именно сейчас испытывал Георгий. – Но вас же поймают...

– Поймают, – согласился Георгий, – и тебя все равно заставят в школу ходить. И ты уж мне поверь, лучше тебе ходить в школу. Не знаю, какая беда тебя из колеи вышибла, но ты же мужик! Не гоже мужику разнюниваться, правда?

– Наверное...

– Меня поймают, но в тюрьму я не вернусь, понял? – погрустнел Георгий.

– Понял, – ничего Мишка не понял, только каким-то самым далеким, самым задним умом начал догадываться.

– Так, браток, понимаешь, сложилось. Сам я, конечно, во многом виноват. А у нас уж как заведено: виноват – так во всем. Ну и получается, что я как бы отвергнутый. Последний человек, которому я был нужен, моя мать. И ты запомни: пока на свете есть мать, ты кому-то нужен, за тебя кто-то молится. Все остальные отказаться могут. А уж чтобы мать отказалась – это очень большим грешником надо быть.

Где-то над тайгой загудел вертолет. Услышав его, Георгий принялся копать с новой силой.

– Так ты унесешь письмо?

– Унесу... А почему вам самому не пойти?

– А этого я тебе, Михаил, объяснить не смогу. Сам себе не очень-то могу объяснить. По многим причинам. Не знаю, как в глаза ей смотреть буду. Не хочу еще, чтоб у нее на глазах браслеты мне на руки одевали да в спину гнали. Да и... Ох и больно мне, Миша. Ни дай Бог никому. А ей-то ведь еще больнее.

Он замолчал, и Мишка заметил, как он вытирает рукавом телогрейки слезу. Редко приходилось видеть, как плачут мужчины, и на всякий случай Мишка наклонился, будто ветки перебирает. Через пару минут Георгий достал из-за пазухи сложенный вчетверо тетрадный листок и протянул его пацану. Мишка бережно взял его и положил во внутренний карман куртки.

За каких-то полчаса разговора с Георгием Мишка вдруг повзрослел до Михаила. Он тоже рассказал Георгию про отца, про мать, про вечно пьяного дядю Олега, про больную сестренку и даже про учителя географии Андрея Андреевича. В первый раз в жизни Мишку внимательно слушал взрослый мужчина.

А когда брел Головин по тропинке к поселку, ему подумалось, что Георгия посадили

в тюрьму ни за что. Или, правильнее сказать, не за что-то конкретное, а за всех. За злые поступки всех вокруг, за то, что обстоятельства так складываются, за то, что иногда просто надо кого-то посадить, чтоб остальным неповадно было. За то самое, за что Мишке стыдно смотреть в глаза Анне Николаевне.

У клуба на Мишку налетел Пашка Векшин, сын начальника поселкового отделения милиции. Налетел и затараторил:

– Ты пока неизвестно где шатаешься, у нас тут беглых бандитов ловят! Меня отец даже на рыбалку не отпустил. Вертолет слышал?! Спецназовцы прилетели! Лес прочесывать будут. Ты никого подозрительного не видел?

Мишка пожал плечами. Нет, мол. Он был уже намного взрослее Пашки Векшина. Ему даже показался глупым весь этот милицейско-сысской восторг одноклассника.

– Ты в школу-то опять не ходил? – спросил, будто сам не знал, Пашка. – Не боишься, что на второй год оставят?

– Не оставят, – твердо решил Мишка. – Я завтра приду. Буду теперь каждый день ходить. Учиться надо и матери помогать.

Пашка как-то странно посмотрел на него, точно в первый раз видел. И вдруг сказал:

– А я, Мишка, никогда не верил, что ты дурак. И отцу говорил, что никакой ты не потен... Тьфу! Не потенциальный бандит.

Они очень по-взрослому посмотрели друг на друга.

Мишке очень захотелось рассказать Векшину о встрече с Георгием, но что-то подсказывало ему, что делать этого нельзя. Да и торопился он выполнить настоящую мужскую просьбу. Они пожали друг другу руки и разошлись.

До дома Анны Николаевны оставалось совсем чуть-чуть, когда из проулка вырос своей сутулой худобой Андрей Андреевич.

– О! Опять Головин! Ну кто у нас еще таскается без дела по улицам! Ты же бесполезный человек!..

«Сам ты без дела!» – хотел крикнуть Мишка, но как мужчина проявил выдержку и просто обошел учителя, ринувшись к цели. Оторопев от такой неожиданной молчаливой наглости, Андрей Андреевич пообещал ему вслед еще что-то посмотреть, а там уж... Но Мишка не прислушивался. Не до болтунов, хоть и умных.

Анна Николаевна сидела у окна на кухне и плакала. Плакала беззвучно, но так горь-

ко, что Мишка до крови прикусил губу, чтобы вместе с ней не заплакать и в этот момент тоже оставаться мужчиной. А ведь, казалось, уже никогда не увидеть её плачущей. Думалось, всё она уже пережила и просто будет печальной до конца своих дней. Ан нет, и эти беззвучные слёзы, точно такие, как у мамы, безостановочно текут по её лицу. И кухонное полотенце в её руках впору выжимать. И снова хочется убежать куда-нибудь за тридевять земель, найти молодильное яблочко или еще что, только бы доставить ей хоть минуту счастья и радости.

На какое-то время Мишка задумался, стоит ли отдавать Анне Николаевне письмо. Он уже понял, что ей придется во второй раз похоронить сына. Может ли мать вынести подобное хотя бы раз? Пусть даже это человек, которого отвергли все, кроме нее? В том числе и те, которых она десятки лет учила быть людьми.

Анна Николаевна смотрела на Мишку бесцветными плачущими глазами и ждала. Она знала, что он принес ей письмо.

НАЗАД К СВЕТУ

...Обделён я, сиротливый,
Силой родины моей
И улыбкою счастливой
Подрастающих детей...

м. Федосеенков

1

Когда над дорогой сгущается «куриная слепота», этакий сумрак с паволокой, из-за которого все предметы и деревья теряют резкость очертаний, сразу хочется повернуть на ближайший огонек. Даже самое захудалое селцо кажется в этот миг сказочным царством уюта и тепла. Варварке тоже хочется, но она молчит. И зачем-то каждый раз Олег спрашивает ее:

– Варенька, кушать хочешь?

– Нет пока, – по-взрослому вздыхает она и даже не поворачивает в его сторону голову.

Она и по сторонам смотрит только тогда, когда там можно увидеть действительно

что-то из ряда вон выходящее. Снегирем на ветке или оленем, выбежавшим на дорогу, ее не удивишь. Вдох ее означает: «Ну что ты спрашиваешь? Знаю, знаю, что ты обо мне беспокоишься, что любишь меня, но что ты можешь мне предложить, кроме куска хлеба или замызганной карамельки, которую мне же и подарила тетя неделю назад в кафе “За рулем”, где мы последний раз ели борщ?»

Точно, горячий суп ели чуть меньше недели назад.

Темнота сгустилась, наддал морозец, и только фары встречных машин раскалывали стынущий мрак длинными слепящими лучами. Судя по указателям, до ближайшего поселка Селияры оставалось чуть больше километра. В заснеженном поле уже виднелись бледные огоньки в окнах, вдоль дороги тянуло дымком. И хотя шли они медленно, догнали одинокую фигуру на обочине. Та вообще шла неспешным прогулочным шагом. Заслышав их, фигура оглянулась и оказалась девушкой лет двадцати.

— Какого-такого, по ночам и морозу с ребенком шляешься? — поприветствовала она, и Варя на всякий случай прижалась к отцу.

– Сама-то куда путь держишь? – ответил Олег.

– Я-то в Селияры. Пришла уж почти. Небось, ночевать негде? – догадалась попутчица. – Бичуете?

– Нет, просто идем, – коротко объяснил Олег, зная, что мало найдется людей, которые ему поверят. Да и не верили уже. Он и не пытался оправдываться.

Дорога научила его читать людей. Олег с первого взгляда мог определить, чего ждать от человека: помощи и сочувствия, неприкрытого равнодушия или даже ненависти. Первых встречалось все же больше, а последние были такими по жизни в любых обстоятельствах и со всеми, кроме тех, кого боялись. Девушка относилась к первым. Более того, он сразу понял, что у них есть нечто общее. И это общее делало их союзниками.

– Ишь чё, – ухмыльнулась девушка, – а меня Элькой зовут. Короче, если ночевать негде, пошли ко мне. Дом пустой. Натопим. Ночь перекантуетесь, а там валите хоть просто, хоть сложно.

Особого выбора у Олега не было, и он вопросительно посмотрел на Варю, та кивнула: куда, мол, еще идти, а тут приглашают. Но на

новую спутницу смотрела с тревогой. Олег тоже попытался к ней присмотреться поближе.

Лет двадцать – двадцать пять. Смуглолицая, наверное, с татарской кровью, но глаза голубые, даже ночью как звездочки светятся. Черты лица правильные, как у детской куклы, из-под вязаной шапочки выбиваются черные, будто лаковые, кудри, потертая короткая дубленочка, сапожки-ботиночки и длинные стройные ноги в одних колготках, будто и не зима на улице.

– Срисовал? – опять угадала и одарила насмешливым взглядом. – Ну и как?

– Нормально, – смутился Олег.

– Спасибо за комплимент, – хохотнула, – ты не смущайся, я таких, как ты, насмотрелась. Бродите по дороге, словно на ней найти чего можно. Впервые вот, правда, с ребенком мужика бродящего вижу. Я на дороге работаю...

– Кем?

– Известно кем. Напряжение водилам снимаю. – Глаза с жуткой какой-то ненавистью сузила и голубой молнией резанула: попробуй только осуди, вырази пренебрежение.

– Работы другой нет? – спокойно спросил Олег.

– Вообще ничего нет, – отрезала Элька.

Какое-то время молчали, уже свернув к поселку. Потом еще обменялись ничего не значащими фразами, с тем и подошли к дому Эльки, который по самые ставни зарылся в сугробы. Элька дернула за тайную проволочку, открыла ворота и стала снимать навесной замок с двери. Олег с Варей нерешительно топтались у крыльца.

– Толик! У нас гости! – с порога закричала Элька, и Олег замер на входе. Подумал о муже, что на печи целыми днями лежит.

– Пошли-пошли! – будто даже обозлилась она, в очередной раз прочитав его мысли. – Пацан там у меня. Сын. Пять лет ему. Садика у нас нет. Одна баба сельских у себя привлекает, а моего не берет. Нравственность у нас тут деревенская, да и молчун Толик. Пять лет, а он еще ни слова не сказал. Ни «мама» тебе, ни «ням-ням». Зато читать умеет.

На голом полу в большой комнате сидел Варин одногодок. Одет он был в штопанные перештопанные колготки и вязаный свитерок. Вокруг него грудой лежали детские книги, стояла пустая кружка и пачка из-под сладкой кукурузы. Толик внимательно и серьезно посмотрел на гостей, на мать и снова углубился

в чтение. То, что он действительно читал, не вызывало никаких сомнений. Глаза его двигались вслед за пальчиком, скользившим по строчкам. Он молчал, и вообще, складывалось впечатление, что все вокруг не задевает его сознания.

Олег сбросил в углу рюкзак и сел на край стула у самой двери. Варенька смело подошла к Толику и уселась рядом. Ее он удостоил минутой внимания: посмотрел на нее с интересом, даже, кажется, улыбнулся, и протянул ей одну из своих книг. Варя читать не умела, но книгу взяла. Стала листать страницы в поисках иллюстраций, а Толик снова углубился в чтение.

Элька ушла в другую комнату, где переоделась. Вышла обратно в домашнем халате, с распущенными волосами. Волнистая смоль опускалась ниже плеч, а голубые глаза в таком обрамлении оказались еще ярче. Олег невольно залюбовался Элькой, и она снова зацепила его:

- Что – нравлюсь?
- Да, – честно признался он.
- Романтик, – скривилась Элька, – ты, часом, не поэт?
- Нет.

Она снова потеряла к нему интерес, обратившись к Толику:

– Ты ел чего-нибудь?

Толик, не отрываясь от книги, отодвинул от себя пустой пакет из-под кукурузы.

– Слышь, как тебя? – опять повернулась к Олегу.

– Олег.

– Сходи, Олег, к поленнице, дров принеси.

Олег с готовностью вышел на улицу. Набрав охапку, он немного постоял на крыльце, прислушиваясь к наступающей деревенской ночи. Кое-где брехали собаки, вдалеке горлалил пьяный голос, и то ли снег сам по себе потрескивал, то ли в глубоком стилом небе шептались звезды. Сколько раз он останавливался на дороге, чтобы, запрокинув голову, подолгу смотреть на звездное небо! Чудилось иногда, что вот-вот прозвучит оттуда ответ на все мучившие его вопросы или прорвется вдруг яркий луч света с далекой звезды, захватит их с Варенькой и унесет куда-нибудь в светлые миры, где живут счастливые люди, не зная горя и боли. Но огромный мир многозначительно молчал, подмигивая своими красными и голубыми гигантами, оранжевыми солнцами, белыми карликами, зияя черными дырами. Что

ему до двух путников на бесконечной российской дороге? Чаше откликались миры маленькие. Такие, как Элькин. Но приблизившись вплотную, даже войдя в соприкосновение с миром Олега и Вари, они торопливо отпружинивали на свое место. При всей подвижности этих миров они были еще менее достижимы, чем огромная, зияющая чернотой космоса Вселенная. На Руси же ныне у каждого своих бед хватало. Те же, у кого их не случалось, или те, которые чужих бед не замечали, проходили мимо Олега и Вари так же, как пролетали мимо лакированные иномарки.

В доме Олег умело затопил печь, чем вызвал бурное одобрение хозяйки, зато краем глаза заметил, как съёжилась, глядя на заигравший огонь, Варя.

– И надолго ты так его оставляешь одного? – спросил Олег, кивнув на Толика.

– А что, хочешь в няньки наняться? Было пару раз и надолго. Дальнобойщики не отпускали. Дня два он один тут сидел. Слава Богу, вода была, пряники, картошка вареная, хоть и холодная.

Олег больше не спрашивал. Сел рядом с детьми на пол, взял у Толика книгу и начал читать вслух. Оказалось, пятилетний Толик

читал «Незнайку на Луне». Элька на миг замерла и с каким-то недоверием посмотрела на неожиданную «семейную» идиллию. Затем снова рванулась, стала накрывать на стол.

– Щас поужинаем, если хотите, я вам баню слажу. Свет тама есть...

2

Олегу и Варе хозяйка постелила на полу. Кинула пару толстых пуховых матрасов, свежее хрустящее белье, такие же огромные подушки. Получился целый остров блаженства посреди волнистого ободранного пола. Толика Элька положила в его кроватку, которая стояла у печи, а сама ушла в другую комнату. Получалось, что и ночью Толик оставался один. Это несколько удивило Олега, но размышлять об этом у него не получилось: усталость, баня и огромная перина располагали только ко сну. Сон без снов вырвал Олега из бытия, бросил в самую глухую и беззвездную часть вселенной. Возвращаться оттуда не хотелось, но кто-то, хотя и несильно, даже нежно, но очень настойчиво тормозил его за руку. Он неохотно открыл глаза и долго не мог настроить взгляд на нужный лад. Какой-то дрожащий огонек освещал комнату, и Олег

не сразу понял, что это свеча. В изголовье стоял Толик и манил его рукой. Оказалось, зовет к столу, на котором и стояла свечка, а рядом лежала открытая книга. «С ума сойти, – дрогнуло сердце Олега, – он и ночами читает. Это же ненормальность какая-то!..»

Сев за стол, Олег долго не мог понять, чего от него хочет Толик. Все тот же «Незнайка на Луне», уже, правда, ближе к концу. Начал читать вслух, но Толик отрицательно качал головой, листнул страницу обратно. Олег всмотрелся. В книге не хватало десятка страниц. Странно, не было похоже, что они вырваны, книга новая. Потом пришла мысль, что это типографский брак. Таких казусов сейчас в книгоиздании хватает.

– Чем же я тебе помогу? – озадачился вслух.

Толик смотрел на него внимательно. Ждал.

– Я попробую вспомнить, – решил Олег, и уже через пару минут начал рассказывать. Толик не побоялся сесть на его колени и полчасом позже крепко уснул. Оставалось бережно перенести его в кроватку, и только тогда Олег заметил, что в дверном проеме стоит Элька. В одном нижнем белье. В очень красивом белье. Подумалось вдруг, что, в сущности, это вариант спецодежды. От такой мысли его явно

передернуло, и он опустил взгляд. Больше всего Олегу не хотелось бы обидеть эту девушку. Даже взглядом. Он вдруг понял, что она, как и Олег с Варей, каждый день пытается убежать, уехать, если и не от беды, то от серой промозглой безысходности, похожей на пасмурную погоду в русской деревеньке, когда с неба льет непрестанно, а под ногами такая грязь, что, шагнув, надо каждый раз ногу выдергивать. Оттого и не шагать надо, а бежать. Бежать босиком! Куда? И при всей Элькиной напускной грубоватости (это как заслонка от внешнего мира), при всей суровой деловитости, она также беззащитна перед тем огромным миром, что открывался за порогом ее дома. Несся, гундося и сверкая разнокалиберными фарами, по трассе.

Элька не уходила. Какие-то новые нотки зазвучали в ее голосе. Будто с давним знакомцем или родственником заговорила:

— Он часто по ночам читает. Не может остановиться. Я сама никогда так не читала. Это, по-моему, «запоем» называется. Как у алкашей. Я вообще мало читала. В школе заставляли. Не интересно... Все про прошлый век. Дворяне там всякие. Отцы и дети. Туфта. Затянуто все.

– Книг много. Есть и не только о дворянах. – Олег не решался больше поднять взгляд.

Заметив это, Элька опять начала дурачиться:

– Я, кстати, забыла тебе предложить. Может, тебе хочется? Боишься?

Олег молчал, опустив голову.

– Небось, брезгуешь?

– У меня почти год не было женщины...

– Ого... Так какого-такого вы бродите?

– Мы идем...

– Куда?

– Не знаю. Варя идет, а я с ней.

Элька подошла к нему вплотную, вытянулась и погладила по волосам. У Олега зашлось сердце. Он по-прежнему смотрел в пол и видел только ее босые ноги. Элька же потянула его за руку в свою спальню. Он то ли пошел, то ли отчасти полетел сквозь какой-то густой туман, который и не снаружи, а в голове разбух. Успел подумать, что в данный момент себе не принадлежит, и просто подчинился обстоятельствам, как поступал уже не раз в своей жизни.

3

Ночью Олега подбросило. Резко сел на кровати, даже голова закружилась. Скользнул взглядом по красивой спящей Эльке и кинулся в другую комнату.

Варя спала поперек перины, разметав вокруг себя одеяла. Он переложил ее, укрыл, а сам примостился с краю.

В следующий раз его разбудил настойчивый стук. Стучали в ставни со стороны улицы. В щель между ними пробивался луч солнца, который от ударов мигал, как сигнальный огонь. Из соседней комнаты вышла, застегивая на ходу халат, Элька.

– Кто это? – спросил Олег.

– Дядька пришёл. Не переживай, ему денег на бутылку надо. Каждое утро приходит.

– Это не он тебя на дорогу отправил? – предположил Олег.

– Не-а, ему это не нравится. Ругался даже. Но с него какой спрос. Трактор его сломался, колхоз накрылся, работы нет, а дядька уже седьмой год пьёт. Бутылку утром, бутылку вечером.

– Ого! И не сгорел еще?

– Не-а, только краснорожий стал. Седьмой год под бутылку перестройку и реформы с мужиками обсуждают. Нормальные-то

люди уже давно фермерские хозяйства завели, еще чем могут промышляют, а эти «совки»... А был заслуженным-перезаслуженным механизатором, аж к награде представить хотели. Да только как Горбачев на Россию приключился...

– СССР тогда был...

– Да какая разница?!

– Дашь ему на бутылку?

– Дам, лишь бы отвязался. Вставай, щас завтракать будем. Дети, если будут еще спать, пусть спят.

Завтракали яичницей, колбасой, чаем и непривычно ароматным хлебом. Такого в городах не бывает. Варя и Толик поднялись, когда Элька разливала чай. Умылись и тоже сели за стол. Оба молчали, при этом у них были такие серьезные лица, как будто сегодня ночью они узнали какую-то важную военную тайну и теперь никому ее не выдадут. Но ели в охотку.

– Пойдете дальше? – скользнула Элька взглядом по рюкзаку Олега.

Олег, в свою очередь, посмотрел на Варю. Та молча намазывала хлеб маслом.

– Пойдем, – решил Олег.

– Я вам соберу чего-нибудь с собой.

– Да и так уж... – смутился Олег.

– Пойдем погуляем, – вдруг предложила Варя Толику, – ты мне деревню вашу покажешь...

– Не пойдет он, в книжки уткнется, у него еще пара есть, из тех, что я ему в последний раз привезла. На улицу его выманить невозможно.

Толик все с той же «военной» серьезностью посмотрел на мать и как-то особенно решительно соскочил с табуретки. Подошел к Варе и взял ее за руку:

– Пойдем...

Элька открыла рот. Олег сначала не понял, что произошло. Элька же кинулась к Толику, повернула его к себе.

– Ты что сказал?!

Но он снова погрузился в какие-то свои мысли и мать словно не замечал.

– Послышалось, – сама себя успокоила Элька и вернулась на место.

Малыши быстро оделись и закрипели снегом под окнами. Элька неотрывно смотрела на Олега.

– Куда вы идете?

– Куда Варя – туда и я, – честно ответил Олег.

– Но почему?

- Не сказать, что долгая история, но...
- Расскажи. Хоть немного.
- Ну, если только вкратце.
- Вкратце, вкратце.
- Да... Ну... Даже не знаю, как начать. Вроде, все до сих пор перед глазами стоит, а слова к этому всякий раз подобрать невозможно, потому как нет таких слов, чтобы передать, когда душа наизнанку выворачивается, – Олег закрыл лицо руками.

Элька напряглась, глаза стали тревожными, пожалела, что задела человека за живое. Потянулась было прикоснуться к нему, но он вдруг начал говорить резкими короткими предложениями, точно отстрелянные гильзы вылетали:

– Варенька в садике была... Я – на работе... А Таня – дома... Я в музыкальной школе работал да еще в районном Доме культуры подрабатывал... Должен был зайти за Варюшей в садик, и вместе – домой... А мне позвонили: «У тебя дом горит»... Пятистенок был... На две семьи... Соседи, как и твой дядя, с горбачевских времен хлещут... Как «меченый» антиалкогольный закон ввел, так и начали, словно с ума сошли... Короче, все наоборот у правительства получилось... Какие там талоны!.. Водка в два часа!.. Реки самогонные потекли...

Последние два года они вообще в полном беспомоществе жили... Пару раз у них уже тушили... А у меня откуда деньги на другое жилье? Я же в нищей культуре работал... Вот, осталось от нее! – Олег с какой-то злобой вытащил из рюкзака маленький кофр, дрожащими руками открыл, и Элька впервые в жизни увидела на бордовой бархатной ткани настоящую флейту.

Она инстинктивно протянула к ней руку, но отдернула вдруг, будто обожглась. Подумала: не этот ли красивый музыкальный инструмент добавил Олегу горя?

– В общем, баллон газовый взорвался... Таня как раз к ним пошла, чтобы сказать, что газом пахнет... Это я так думаю... Ее там нашли... То, что от нее осталось... – Олег раскачивался на стуле, не отрывая руки от лица. И по ходу рассказа амплитуда раскачивания этого увеличивалась. Элька испугалась, что он вот-вот упадет, вскочила, оббежала стол и положила руки ему на плечи.

– Я про Вареньку-то забыл в тот день. Ее уж давно надо было из садика забирать, а я, как пень, сижу на пепелище. Ничего не вижу, ничего не слышу, кроме углей. И такая боль! До сих пор... Слов для такой боли не придумано. Не знаю почему, но вдруг весь мир

несправедливым показался. Настолько несправедливым, что дальнейшая жизнь в таком мире – полная бессмыслица. Думал, вот посижу и пойду куда-нибудь в омут с головой. В темноту. В самую глубокую. Да тело меня не слушалось. Словно разум и тело отдельно могут у живого человека существовать. Наверное, это шок какой-то был. Я ни рукой ни ногой двинуть не мог, глаза отвести – и то... А воспитательница сама Варю привела, ругаться хотела, а как увидела – села рядом и тоже в такой же транс впала...

– А Варя? – Элька плакала, стоя за его спиной, руки ее инстинктивно гладили его плечи, точно это был самый подходящий массаж от душевной боли. Да кто знает?..

– А Варя спрашивала у всех встречных-поперечных, где мама. Ей никто не отвечает, у нее уже истерика началась, а я не слышу. И тут вдруг священник, батюшка из церкви Михаила Архангела, что у самого кладбища, пришел. Взял Вареньку за руку, увел в сторону от дыма этого, что-то шепчет ей. Потом уж я узнал, что он объяснял ей, будто мама Таня ушла туда, где светлее. Мы и переночевали в домике при церкви. Утром просыпаюсь, а Вари нет. Кинулся туда, кинулся сюда – нет! Нашли

мы ее с батюшкой на трассе за городом. Слава Богу, у батюшки старый «москвичок» на ходу был. Спросили, куда она пошла, – молчит... Привезли обратно, а на следующее утро все повторилось. Догнали, снова привезли, а утром – то же самое. Я тогда взял всё, что у нас осталось, батюшка меня подвез, и я пошел рядом. Думал, уговорю вернуться... Километров десять прошли, надеялся, устанет, а она идет и идет. Зато разговорились понемногу. «Я, – говорит, – папа, иду туда, где светлее...» Таню её родители хоронили, мы уже туда не вернулись... Я потом позвонил по междугородному...

Олег замолчал, пытаясь проглотить подкативший к горлу комок боли. Элька, чуть раскисаясь, гладила его по плечам, а сама смотрела в одну точку на стене. Она и не чувствовала уже ничего, просто ныло где-то в сердце, потому что «болевой порог» давно был пройден. Вспомнилось, что в прошлом году в поселке был подобный случай. Сгорела по пьяни вся семья и двое малышей с ними. Семилетняя дочка вернулась из школы на пепелище. Ее увезли потом куда-то в детдом. А теперь поговаривают, что удочерили девочку сердобольные американцы. У нас, видать, сердобольных не хватает.

– Олег, – заговорила Элька, будто осенило ее, – давай я поговорю с нашим главным сельсоветчиком. Он мужик нормальный, старой закалки. У нас клуб уже лет пять не работает. Будешь клубом заведовать. А? Может, видеозал откроешь, я тут скопила чуть-чуть...

– Эль, я бы тоже остановился... Ты – лапушка... Да и устал уже. Едим нерегулярно, моемся еще реже. Ребенок ведь. Милиция несколько раз задерживала. Уроды всякие «наехать» пытались. «Лолиту» набоковскую читала? Да о чем это я?! За кого только нас не принимали! Мне иногда кажется, что я уже ни о чем думать-то не могу, кроме дороги. Иду и смотрю по сторонам. Но где он – тот свет, к которому Варенька идет?

– А давай я с ней поговорю!

– Поговори. Я не против, но, боюсь, она никого не слушает.

– А я вот попробую! – и Элька, набросив на плечи куртку, ринулась на улицу, сбив по пути ведро и еще что-то.

Олег остался один. «Как-то просто всё, – подумал он, – а может, так и надо?» Он тоже давно уже перешагнул «болевого порог». Точнее, не перешагнул, а перешагал. Или вместе с Варей уходил от него каждый день?

– Олег! – это кричала Элька с улицы.

Он в каком-то полузабытии вышел на крыльцо. Элька была за воротами.

– Их нет! Они куда-то ушли! Я уже к дядьке постучала, думала, Толик ее туда водил, а их там и не было...

Сначала у Олега опустилось сердце. Даже не в пятки, а куда-то ниже земли. Он сделал несколько шагов, чувствуя, как сердце с трудом тянется следом где-то под землей. Как гиря. Да и ноги – словно из намокшей ваты. Мысли судорожно носились, настолько судорожно, что и понять невозможно было, какой в них смысл, толк, прок или еще что. Мысли сами по себе, а Олег сам по себе. Так было до тех пор, пока одна из них не зависла вдруг звонкой нотой в его голове.

– Одевайся потеплее, и побежали, – кивнул он Эльке.

– Что?!

– Я знаю, где они...

– Ты... Ты думаешь?... – и уже засеменила как-то по-старушечьи в дом.

Им пришлось пробежать полтора километра до трассы и пройти быстрым шагом больше версты по сизому туману, клочками тянувшемуся над шоссе, рвущемуся под ко-

лесами редких машин. И еще с полкилометра они шли следом за малышами, которые бодро вышагивали впереди, взявшись за руки. Все это время они как будто переругивались, пытаясь уговорить друг друга начать новую жизнь.

– Это твоя Варвара его сманила, – бубнила Элька.

– По-моему, последнее слово было за ним, он так и сказал: «Пойдём».

– Он вообще не умеет говорить, – не совсем уверенно возразила Элька.

– Просто ему с тобой не о чем разговаривать.

Элька замолчала. Олег понял, что она обиделась, и решил как-то загладить свою вину:

– Кто его научил читать?

– Никто. Я сначала подумала, что он просто вид делает, а потом поняла, что он читает... Нам, похоже, теперь придется жить вместе. – Элька сказала это так, будто знала Олега тысячу лет и уж так он ей примелькался, что теперь, вроде, и деваться от него некуда.

– Не жить, а идти.

– Идти? Куда?

– Назад... К свету... Даже когда мы сидим, стоим или спим, мы идем. Мы двигаемся. Кто-

то тянется к свету, а кто-то... – Олега вдруг потянуло пофилософствовать.

– Идти? И по дороге побираться? – оборвала его Элька.

Олегу пришло в голову обидное: «Зато тебе не надо будет на работу ходить». Но не сказал. Сказал другое:

– Прости, Эль, связалась с нами...

– Да чего уж... – И закричала вдруг: – Толик! Толик! Ну стойте! Куда вы?!

Малыши остановились. Эльке показалось, что до этого они довольно оживленно и весело беседовали, но теперь Толик смотрел на мать чуть ли не с серьезностью взрослого мужчины.

– Она сказала, что дольше меня не устанет, – сообщил Толик.

– Во как! И долго вы намерены соревноваться?

В ответ Толик пожал плечами.

4

Возвращались они вчетвером затемно. Дети по-прежнему шли впереди, а Олег с Элькой шли под руку. На ночь опять наддал морозец. Селяры мельтешили впереди редкими огоньками. Варя вдруг отпустила руку Толика и побежала к Олегу.

– Пойдем быстрее, папа, я замерзла, там, видишь, огни. Там светлее. И Толик замерз. Ты нам перед сном считаешь?

Сердце опять куда-то провалилось. Варенька не заметила, а Эля протянула Олегу платок. Навернувшиеся слезы норовили застыть у него прямо на ресницах. Он дождался, когда Варя догонит Толика, и только потом промокнул глаза.

– Я даже не был на кладбище...

– Ты думаешь, это самое важное?

– С тех пор, как все это произошло, я не знал ничего важнее, чем Варюша...

– Ничего важнее и быть не может, – согласилась Элька.

Олег вдруг захотел упрекнуть ее за Толика, которого она оставляла одного, но потом понял, что не имеет на это никакого права. Упрекнуть, может, и стоило кого-нибудь, но только не ее. Выкрикнуть в темный морозный воздух этот упрек, чтобы летел до самых кремлевских стен и там лет десять резонировал. Ровно столько, сколько страну лихорадит. А может, и все сто.

– Ничего важнее быть не может, – повторила сама себе Элька.

– И светлее, – добавил Олег.

– Ты ведь больше не пойдешь на дорогу? – спросил Олег, хотя и без того знал ответ, потому что иначе с сегодняшнего дня и быть не могло.

– Если только вместе с вами, – улыбнулась Элька.

«Как-то просто все, незамысловато получается, – подумал Олег, но на душе от этого “просто” стало светло и легко, камень оторвался и полетел в свою черную бездну, куда-то под землю. – А может, так и должно быть? Что еще нужно? Что-то еще нужно...»

Утром выпадет снег, мир станет светлее, и нужно будет расчищать тропку от крыльца к воротам...

САМЫЙ НЕИЗВЕСТНЫЙ СОЛДАТ

ИМЯ ТВОЕ НЕИЗВЕСТНО,
ПОДВИГ ТВОЙ БЕССМЕРТЕН.

Эпитафия на могиле Неизвестного солдата

Память – способность помнить, не забывать
прошлого; свойство души хранить, помнить
сознание о былом. Память относительно прошлого
то же, что заключение, догадка и воображение
относительно будущего. Ясновиденье будущего
противоположно памяти былого.

В. Даль.

Толковый словарь живого великорусского языка

Я не придумал эту историю, потому что
придумать ее невозможно.

Я видел этого человека. Каждый день, с утра
до заката, он сидел на ящике возле Знамен-
ского кафедрального собора и кормил голу-
бей. Он никогда не смотрел на прохожих, а
если и смотрел, то как бы сквозь, и при этом

загадочно и немного печально улыбался. Я потом понял, что этой улыбкой он извинялся перед всеми, кого не помнил, перед теми, кто не знал, что он не помнит... На нем всегда был один и тот же выдавший виды серый пиджачок, штопанные, сто лет неглаженные брюки, потертые кирзачи, а на груди грустила одинокая медалька. Такая есть у каждого ветерана.

* * *

Небо открылось ярко-голубым и таким чистым, что его хотелось выпить. Из-за этой пронзительной глубины кружилась голова, и приходилось снова закрывать глаза, чтобы не засосало в небесную воронку. Жажда и тошнота плохо уживались с удивительным и прекрасным миром, который появился перед глазами так неожиданно. Просто взялся ниоткуда. До этого была бухающая в висках темнота, а до темноты не было ничего. Теперь было небо, в которое вострились темно-зеленые травинки.

Звуки нового мира доносились через какую-то вату. Вата «шуршала» в голове сама по себе, как помехи в радиозэфире, и сквозь этот въедливый шум едва пробивается нужная волна. Но про радиозэфир он тоже ничего не

знал. Вот про небо понял, что это небо, а трава – это трава, и понял, что кружится голова, а не слушаются руки и ноги. Стоит только попытаться подняться, земля, на которой он лежит, стремительно отъезжает в сторону. Даже на бок перевернуться невозможно.

И все же он встал. Сначала на четвереньки. И увидел, что земля не так прекрасна, как небо. Ее зеленая бархатистая кожа была то тут, то там разорвана глубокими воронками. Беспорядочно и нелепо. Одна из таких кровотокающих черноземом и дробленной песочной костью ям находилась рядом, буквально в двух шагах. На краю ее лежала искореженная винтовка, назначение которой сначала было ему непонятно, потом, неизвестно откуда, появилось знание, что вообще-то из нее положено стрелять. Даже представились фанерные темно-зеленые мишени без рук, но зато с выпиленными силуэтами голов в касках.

Два таких силуэта двигались прямо на него. Он встал, покачиваясь, на ноги. Сквозь тугие ватные пробки в ушах доносилась незнакомая речь и смех. «Мишени» веселились, наверное, смеялись над сломанным оружием на краю воронки. У них, в отличие от фанерных, были руки, в которых отливали смазкой новень-

кие исправные автоматы. Один из автоматов коротко плюнул ему под ноги горстью свинца, брызнули земляные фонтанчики.

– Иван! Поднимайт рук, ходить плен! – смеялись мишени.

Он понял, что «Иваном» назвали его, и даже понял, что должен поднять руки. Сейчас он был готов на все, лишь бы снова лечь на эту маслянистую землю. И лежать долго-долго, пока не придет вечный сон, лишь бы только не испытывать этой жуткой боли в голове и ни о чем не пытаться думать. Да и мыслить-то получалось только какими-то простыми понятиями и категориями, которые крутились в оглушенном сознании сами по себе, независимо от усилий его воли. Небо голубое... Земля сырая... Винтовка сломанная... И ничего о том, что сейчас, ни о прошлом, ни о будущем. Никаких «толчков» сознания, кроме тех, прикладами автоматов, которыми его подгоняют в спину. Эти два солдата, говорящие на грубом каркающем языке, ведут его куда-то, постоянно поторапливают и смеются.

Его вывели на дорогу. Там на обочине сидели люди в такой же, как у него, одежде. Некоторые были в крови. Они разговаривали между собой приглушенно, но их речь он понимал

без труда. Правда, не всегда мог расслышать. Лично к нему никто не обращался. Еще была собака, которая беспрестанно лаяла, и от хриплого её лая пробки в ушах давили внутрь, хотелось зажмуриться, засунуть голову в прохладную землю, где пусть и нет сладковатого майского воздуха, но зато темно и покойно.

* * *

Уже на третий день в лагере к нему перестали приставать с расспросами, кто он и откуда. Прозвали «контуженным», а по имени звали, как и немцы, Иваном. Только один человек, который по ночам лежал рядом, продолжал с ним разговаривать.

– Неужто ты вообще ничего не помнишь?

– Му-у... – мычал Иван.

– «Му» да «му», учиться говорить надо, тоже мне, Герасим.

– Ва, – не соглашался Иван.

– Иван? А, может, ты и не Иван?

– Му...

– Ты бы попробовал хотя бы «мама» сказать.

Значение этого слова было Ивану понятно, и при определенном старании ему удалось бы его выговорить, но для него лично оно ничего не значило. Да и разговор с соседом для него

ничего не значил. Он уже на следующий день этого разговора не помнил. Да и весь прошедший день не помнил. Только какие-то размытые пятна. Наверное, поэтому он меньше других чувствовал усталость и напряжение ежедневного изнуряющего труда. В сон проваливался, как в черную бездну, из которой каждое новое утро рождался все тем же, но совершенно новым человеком. Даже немцы привыкли к тому, что каждый день Ивану нужно было вдабливать, как и по какому маршруту он должен катить тачку с землей. Его перестали бить, потому как, усвоив задачу, работал он подобно исправному, хорошо смазанному механизму, не зная усталости. Часовые только посмеивались:

– Гут, гут, Иван!

– Man muß jedem Russen solche Kontusion machen*.

– Ebenso wie eine Impfung!**

– Хорошо ему, он даже не понимает, где он и что делает, – говорили иногда те, кто работал рядом с ним.

---

* Надо каждому русскому такую контузию сделать (нем.).

** Как прививку (нем.).

Но никто по-настоящему ему не завидовал. Только спорили иногда в бараке, вспомнит он когда-нибудь или нет. А вновь прибывшие не верили, думали, придуривается.

– Может, он большой командир? – шурились они. – Так ему проще скрыться...

– Брехня! – возражали старожилы. – Да и какая от того разница? Он теперь даже над своей головой не командир.

– Не болтай! Он все понимает, просто не помнит.

– Точно! Я вот его спрашивал: небо – голубое? Он кивает. Я думаю, сейчас с подковыркой спрошу: трава – синяя? Он головой качает, нет, мол. Я его спрашиваю: птицы летают? Кивает, соглашается. Я опять испытываю: вода сухая? Так он даже засмеялся. Загукал как-то по-своему... Да так на меня посмотрел, вроде, сам ты дурак.

– Может, если выживет, после войны и найдет кого...

– Или врачи чего-нибудь покумекают.

– Победить бы еще. Они-то до Москвы за три месяца дошли, а сколько наши обратно топтать будут?

– Да уж, пока мы тут прохлаждаемся...

Через некоторое время, течения которого Иван не осознавал, всех пленных (кто мог ра-

ботать и на тот момент не болел) погрузили в товарные вагоны и повезли на Запад. Между Западом и Востоком он тоже не понимал разницы, и каменный барак, сменивший деревянный, легко стал для него новым домом. Он не почувствовал различия между тачкой с песком и тяжелыми деталями, которые пришлось таскать здесь, он не обратил внимания на то, что людей в полосатом тряпье вокруг стало больше и все они говорили на разных языках. Но кое-что он уже начал запоминать. Например, он точно знал, что после пробуждения надо работать, что нельзя подходить к забору и к некоторым зданиям, что на руке у него теперь есть номер... За два с половиной года он выучил и научился более-менее связно произносить несколько слов: арбайтен, баланда, русский, мама, Ваня, наши летят...

Потом в лагерь пришли солдаты в другой форме. Они тоже говорили на непонятном языке, но даже Иван понял, что язык этот мягче и не такой каркающий. Эти солдаты не заставляли «полосатых» работать, хотя тоже делили на группы, а если и приказывали что-то, то очень вежливо, как будто у них в руках не было оружия, главного аргумента в общении между людьми в форме

и безоружными. По этому поводу Ивану вдруг, и очень больно, вспомнилась искореженная винтовка на краю воронки и то синее небо. Даже голова закружилась от синей боли в глазах. Но другие дни так и не прорезались, и он не смог оценить «подарка» раненой памяти. Более того, стал бояться повторения такой боли.

* * *

Через несколько дней американцы погрузили всех русских на автомобили и куда-то повезли. Оказалось, в другой лагерь, где бывших военнопленных встречали «смершевцы» и целый полк НКВД. Все это делалось второпях, в суете, и поэтому рядом с Иваном не случилось никого, кто был с ним в одном бараке. Или оказались, но про него забыли, да и в пору было о себе подумать. И никто не мог объяснить дотошному капитану в очках, что у Ивана смертельно ранена память. А тот почему-то злился, смотрел исподлобья, презрительно, даже злобно.

– Фамилия?

– Му-у...

– Что, язык проглотил? У нас немых на фронт не отправляли, так что кончай ломать

комедию, у нас с предателями разговор короткий. Имя?

– Ва-ня...

– Полное имя?!

– Ва-ня...

– Национальность?

– Рус-кий...

– Звание?!

– Му-у...

– Опять мычишь? Как попал в плен?

– Ар-бай-тын...

– Ты мне это брось! Вас тут несколько тысяч, мне некогда с каждым слова разучивать, врачей с нами тоже нет.

– На-ши ле-тят...

– Чьи ваши? – прищурился капитан.

– Мама, – вспомнил еще одно слово Иван и горько вздохнул. Он не знал, зачем задает ему все эти вопросы сухощавый капитан с колющим взглядом, и тем более не знал на них ответов. А на следующий день он не помнил и самого капитана. И тем более он никогда не узнал, как просто решилась его судьба.

Дотошный капитан доложил о нем уставшему седому майору, у которого давно уже мельтешило в глазах от списков бывших военнопленных. Единственное, что в последнее

время не вызывало у него раздражения и сквернословия, – это образы жены, сына и дома, которых за последние три года он видел только два раза.

– Про этого, со странностями, проверяемые Волохов и Фоменко сообщили, что с тех пор, как его знают, у него абсолютно нет памяти. Только фрагментарная. У него даже фамилии нет, только номер на руке. За все время в лагере выучил несколько слов. Работать может. – Капитан выдержал многозначительную паузу, но майор никак не реагировал, с отсутствующим видом рассматривая какие-то бумаги на столе. – Но все это подозрительно. Говорят, он даже прошедшего дня не помнит. Проверять надо. Врачей бы.

– Отправь куда следует, там и проверят.

«Куда следует» было понято как «родной» советский лагерь в Сибири, где изменники Родины и другие предатели валили лес для восстановления народного хозяйства.

* * *

Проверяли Ваню добросовестным трудом в течение пяти лет. За это время он научился говорить еще несколько слов: кум, сука, зона, зэка, нары, дай, возьми, буду, не буду, понял...

И даже дюжину связных фраз. Он, кроме того, запомнил несколько дней. Правда, без усилий, случайно.

На него быстро перестали обращать внимание и охранники, и эки. Урки, правда, любили подшучивать над Иваном, но сравнительно безобидно.

– Иван, не помнящий родства!.. – начинал кто-нибудь.

– Да он не только родства, он даже не помнит, ходил ли он до параши...

– Интересно, он и баб не помнит?

– Не, он не помнит чё с ними делают!

Обычной шуткой было разбудить Ивана за час-два до подъема, когда уже светало, и произнести слово «работать». Он, не обращая внимания на спящую братию, собирался, умывался и шел к воротам, из которых бригады уходили на деляны. Часовые даже не пытались его отгонять, потому что проще его было пристрелить. Он стоял эти два часа, глядя в одну точку на створках ворот, ожидая, когда они откроются. Уркам было смешно, а Ивану все равно, времени для него не было.

Другое дело было перепоручить Ивану свою работу. Он безропотно выполнял свою норму да еще успевал «помочь» двум-трем

товарищам, потому как приказы любого человека он выполнял беспрекословно. На него даже делали ставки, сколько он выработает за день. Многие бригады хотели заполучить беспмятного.

Поражало эков то, что он абсолютно не помнил зла, а вот добрые поступки по отношению к нему вроде как начал запоминать. К примеру, один из эков вытолкнул его из-под падающего ствола. Иван потом ходил за ним несколько дней, улыбался и готов был выполнять за него любую работу, потому как по-другому отблагодарить не мог. Значит, запомнил. Были и другие случаи...

Лагерное начальство для правильного ведения документации вынуждено было подобрать ему соответствующую фамилию – Непомнящий. Разумеется, никакие проверки ничего не дали, но останавливать запущенную машину правосудия – все равно что самому ложиться под паровоз.

В один из одинаковых лагерных дней Ваню вызвал к себе начальник – подполковник с ярко выраженным чувством справедливости. Ваня долго рассматривал его начищенные до звездного блеска сапоги, сидя на прикрученном к полу табурете, а подполковник меж-

ду тем чинно выхаживал вокруг него, излагая преамбулу к основному разговору, которая заключалась в тезисном изложении системы ценностей правосудия в государстве победившего пролетариата. Но минут через двадцать разговор пошел о главном:

– Я тебе, Иван, честно скажу: мы ничего не нашли – ни «за», ни «против». Но, сам понимаешь, если понимаешь, в плену-то ты был. А как ты туда попал? Может, сдался? Хотя, конечно, больше похоже, что тебя хорошенько контузило. Вас вот десятки, сотни тысяч, миллионы... А нам – работы. И главное, где твоя красноармейская книжка? Мы даже не можем установить часть, в которой ты служил. У любого следователя возникнет подозрение, что ты выкинул ее перед сдачей в плен. Может, ты даже офицер, коммунист... А за это, сам понимаешь... Но, учитывая твой добросовестный труд и примерное поведение, думаю, проблем с освобождением у тебя не будет. А пока что придется пожить здесь...

– Му... – согласился Иван, потому что другой жизни себе и не представлял.

Точно так же, как не было причин «исправлять» Ивана Непомнящего в ГУЛАГе, так и не нашлось причин задерживать его после

истечения неизвестно кем отмеренного срока. До ворот группу освобождаемых провожал все тот же подполковник, но сделал он такое исключение только ради Ивана, перед которым почему-то чувствовал себя виноватым. Обычно же он ограничивался кратким назидательным напутствием в своем кабинете, которое заканчивалось выдачей справки об освобождении.

В это утро он прошел бок о бок с Иваном, который замыкал группу, и говорил не на казенном, а на простом русском языке:

– Ты езжай со всеми, Иван, езжай по городам, сходи на станциях. Вдруг что-нибудь вспомнишь. А если вспомнишь – напиши. Подполковнику Карнаухову. Ах, ёшкин перец, ты же все равно не запомнишь! Я тебе в каждый карман по справке положил. Там написано, что ты не только отбывал срок, но и воевал, был в немецком лагере. Вас же из Бухенвальда привезли... – вдруг остановил Непомнящего, посмотрел на него внимательно, лицо подполковника озарила догадка: – Справки показывай везде! Куда бы ни пришел! Понял?! Это приказ! Понял?!

– Понял, – пообещал Иван.

– То-то! Там и доктор приписку сделал про амнезию твою. Русские люди сердо-

больные, по крайней мере, без куска хлеба не останешься.

– Рус-кий... – кивнул Иван, он улыбался подполковнику самой проникновенной улыбкой, на какую только был способен. Казалось, он все понимал и запоминал. По крайней мере, глядя на его улыбку, в это верилось. Так это или не так, но Иван нутром чувствовал, что обычно суровый, вьедливый блюститель всех мельчайших буквочек законов и всех уставов, переживший на своем посту всех вышестоящих начальников, глянцевоу выправки подполковник делает ему добро. А делал он это для такой категории людей не часто.

– Может, и работу найдешь, тебя, вон, не согнуло, а, наоборот, расправило. После немецкого-то лагеря доходягой был.

– Арбайтын, – вспомнил Иван.

– Ну, давай, шагай до станции. Километров семь будет.

И еще долго подполковник, два автоматчика и собака смотрели ему вслед. Он так и шёл замыкающим. В отличие от всех остальных, не разговаривал, не крутил головой по сторонам, не размахивал свободной от чемодана рукой (чемодан ему собрали зэки «всех профилей»).

Он шел сосредоточенно, выполняя последний приказ последнего своего начальника.

* * *

Я видел этого человека. Каждый день, с утра до заката, он сидел на ящике возле Знаменского кафедрального собора и кормил голубей. Он никогда не смотрел на прохожих, а если и смотрел, то как бы сквозь, и при этом загадочно и немного печально улыбался. Я потом понял, что этой улыбкой он извинялся перед всеми, кого не помнил, перед теми, кто не знал, что он не помнит... На нем всегда был одет один и тот же выдавший вид: серый пиджачок, штопанные, сто лет неглаженные брюки, потертые кирзачи, а на груди грустила одинокая медалька. Такая есть у каждого ветерана. Только у этой была история особенная.

9 мая 1975-го Иван Непомнящий, как обычно, сидел у ворот Знаменского собора и смотрел на голубей. В этот день к храму шли не только прихожане, но и многие ветераны. Ваня улыбался им особенно, потому что многие подходили к нему и не только бросали монетки, но и поздравляли, жали руку. Стараниями прихожан об Иване Непомнящем знали

многие, знали о справках заботливого подполковника Карнаухова. Одна семейная пара задержалась рядом с ним дольше других. Седой ветеран с целым «иконостасом» на груди внимательно рассматривал искренне улыбающегося Ивана. Женщина, державшая его под локоть, терпеливо ждала, переминаясь с ноги на ногу.

– Саня?! Востриков?! – узнал-спросил он. – Я – Олег Ляпунов. Помнишь? Под Харьковом? Май сорок второго? Юго-Западный?..

– Ваня, – поправил его Непомнящий.

– Как Ваня? Один в один – Саня Востриков!

– Ты, наверное, обознался, – потянула Ляпунова за локоть жена.

– Не может быть, такое не забывается. Мы вместе из окружения пробивались. Неудачно тогда с Харьковом получилось. Тимошенко этот... Мы Саню погибшим считали. Я сам видел, как за его спиной мина ухнула...

– Наши летят, – продолжал улыбаться Иван.

– Просто похож человек, он же тебе говорит, что его зовут Иван, – у жены, похоже, кончалось терпение, она почему-то с опаской смотрела по сторонам. Оглядевшись, добавила вполголоса: – Каждый год ты в День Победы

ходишь в церковь и не боишься, что тебе по партийной линии замечание сделают. Ладно в районе, а тут в областном центре – вместо банкета в Облисполкоме, могли бы и завтра...

– Я старшине Голубцову поклялся! Он на руках моих умер! Каждый год молебен! Плевать мне на все эти линии! – так от души резанул, что жена с лица сошла и потупилась.

Даже Ваня на минуту перестал улыбаться.

– Прости, столько лет уж прошло, ты действительно мог ошибиться. – Жена отступила чуть в сторону.

– У этой памяти нет сроков! – отрезал и попал в самую точку Ляпунов и снова стал внимательно смотреть в глаза Ивана Непомнящего. – Ей-богу, глаза-то его. Вроде, он с рязанщины был, чего вот только в Сибири... Побирается... Русский солдат...

– Русский, – согласился Иван и снова заулыбался.

У Ляпунова сама собой навернулась слеза. Единым рывком он снял со своей груди медаль и, подтянув к себе несопротивляющегося Ивана, прицепил награду к лацкану его пиджака.

– Спаси вас Бог, – произнес Иван, слегка поклонившись.

Медаль звякнула. Ляпунов скрипнул зубами:

– Не так, солдат, не так!..

– Слу-жу тру-до-во-му на-ро-ду! – из какого провала памяти всплыл этот довоенный уставной ответ?

Иван продолжал улыбаться, но на глазах у него, как и у Ляпунова, выступили слезы. Ему показалось, он вспомнил что-то самое важное, но никак не мог объять это, объяснить самому себе, потому что всё его ограниченное одним днем памяти сознание переполнилось чувством удивительного братства, которое исходило от человека по фамилии Ляпунов.

– Зачем ты, Олег, может, это все-таки не тот, может, он и не воевал вовсе? – откуда-то из другого мира высказалась жена.

– Ваня-то наш? Ишшо как воевал! И в плену у немчуры был. Настрадался! Не видно разве? – так коротко разъяснила всё маленькая старушка из тех, что ежедневно ходят в церковь и заботливо следят там за чистотой и порядком. – Памяти у него нет. Совсем. Мы уж и к врачам его водили, и молились... Видать, Промысл Божий о нем такой. А вы никак признали его?

– Да вот, мужу показалось...

– Моего друга Александр Востриков звали, – не поворачивая головы, сообщил Ляпунов.

– А-а, – поняла старушка, – а у нашего справки есть, Иваном Непомнящим записан. А вот наград у него и нет. Теперь уж, почитай, у каждого, кто и один день на войне был, есть награды, а у нашего Вани нет.

– Есть, – твердо ответил Ляпунов.

– Есть, – улыбнулся сквозь слезы Иван.

– Ты правда ничего не помнишь? – не унимался ветеран.

– Правда-правда, он даже вчерашнего дня не вспомнит, только самую малость.

– Я за тебя помнить буду, – пообещал Ляпунов.

– Дай Бог вам здоровья, – перекрестилась старушка и шепотом добавила: – Слез-то его никто и не видел ране.

– Наши летят, – слезящимися глазами Иван Непомнящий следил за поднявшейся над колокольной стаей голубей.

Я видел этого человека много раз, но так ничего и не узнал о нем. Теперь я уже не помню, сколько лет он кормил голубей у ворот храма, вокруг было столько «главного и важного», что в суете устремлений к этим «важ-

ностям» я не заметил, когда и куда он исчез. И теперь, спустя несколько лет, я могу вспомнить только одинокую медальку, его улыбку и взгляд. Взгляд, в котором теперь я разглядел действительно главное. Память.

Людмила Павлова и другие женщины-летчицы
Людмила Павлова и другие женщины-летчицы
Людмила Павлова и другие женщины-летчицы

ЧЕЛОВЕК ДРУГА

Этого пса все так и называли – Пёс. Его собачья инвалидность вызывала, с одной стороны, жалость, с другой – отталкивала. Глаз и ухо он потерял благодаря заряду дроби, выпущенному пьяным охотником шутки ради, дабы отогнать любопытного пса от добычи. Половину правой передней лапы он потерял уже из-за своей односторонней слепоты: убегал от разозлившихся мужиков на пилораме и неудачно прыгнул через циркулярку. Теперь он ежедневно побирался у сельмага или у облюбованного подъезда. Его либо жалели, либо гнали. Жалели его в основном дети, приносили что-нибудь съестное из дома, но они же бывали и необычайно жестокими. Однажды они связали ему две задние лапы и долго потешались над тем, как Пёс пытается убежать, выпутаться, но только переваливается с боку на бок, не простояв и секунды, падает, обиженно подвывает и беспомощно скулит. Если б в поселке нашелся хоть кто-нибудь, читавший когда-либо Гюго, то пса

неприменно назвали бы Квазимодо. Но местные жители большей частью читали только телевизионные программы и объявления на заборах. Вынужденная малоподвижность сделала пса созерцателем и даже философом. Глядя в его единственный печальный глаз, можно было легко увериться, что он не только понимает человеческую речь, но и знает что-то такое, чего никогда не узнает вся ученая человечья братия: от лириков до физиков-ядерщиков. Сновавшему же мимо народу некогда было вглядываться в зеленую глубину собачьего глаза, хорошо хоть находились сердобольные старушки и детишки, которые приносили калеке поесты и изредка, явно преодолевая отвращение к его уродству, несмело ласкали его. Частенько рядом с ним присаживался на корточки местный забулдыга Иван Васильевич и, забыв о пёсьей инвалидности, требовал, чтобы Пёс одарил его собачьим рукопожатием.

– Дай лапу, друг человека! – покачиваясь, требовал он, и не похоже было, чтобы он при этом издевался над трехногим инвалидом. – Сидишь тут, умничаешь, кто ж тебя, горемыку, оставил мучиться на этом свете? Вот ты – друг человека, где же твой человек, мать его наперекосяк?!

Посидев так несколько минут, выкурив сигаретку, он, пошатываясь, уходил, оставляя Псу самому решать вопрос, кто из них больше мучается.

По ночам Пёс устремлял одноглазый взгляд к звездам, разумеется, если небо не было затянуто низкими серыми тучами, или неуклюже хроمال в своё логово на тепло-трассе, потому что знал – в эту ночь он будет выть и скулить во сне, а значит, в лучшем случае, в него кинут чем-нибудь или огреют палкой, чтобы не мешал спать праведным труженикам. Так он жил уже, наверное, лет пять, и никто и никогда не узнал бы его умных собачьих мыслей, если б... Если б в один из бесконечных и одинаковых дней, которые отличались только разницей температур и влажностью, отчего обрубок лапы болел либо больше, либо меньше, если б в один из таких вынужденно и грустно проживаемых дней к нему не подошел странный малыш. На вид ему было лет пять, но взгляд его был много умнее, чем у некоторых взрослых. Вместо левой руки из-под клетчатой безрукавки торчала ужасающая своим малиновым окончанием культя. Чуть ниже локтя... Пса даже передернуло, он увидел вдруг боль,

которая показалась ему больше собственной. Здоровой рукой мальчик смело погладил Пса, сел с ним рядом и обнял его за шею.

– Знаешь, – сказал малыш, – раньше бы мама мне не разрешила взять тебя, а теперь, я знаю точно, разрешит. Я как из больницы выписался, она мне больше разрешать стала. Я видел, что тебя обижают, я буду тебя защищать...

Пёс робко лизнул мальчика в щеку и осторожно устроил свою одноухую голову на его хрупкие колени. Мальчик гладил пса и рассказывал ему о том, как добрый доктор из скучной больницы научил его, что надо уметь радоваться жизни и никогда не сдаваться. Малыш теперь обещал научить этому своего нового друга. Пёс в ответ тяжело и протяжно вздыхал, как умеют делать только умные собаки.

Потом они, разговаривая, неспешно шли домой к мальчику. Навстречу им попался вечно хмельной Иван Васильевич. Увидев однорукого мальчика с трехногой собакой, он остановился, долго силился что-то сказать, и, когда они уже прошли мимо, спросил у пустоты:

– Вот он, значит, какой – человек друга?

ДЕЖУРНЫЙ АНГЕЛ

У каждого в жизни бывает непруха. И пусть слово это далеко не литературное, но для определенного стечения жизненных, политических, климатических и прочих обстоятельств подходит именно это слово. По мнению Игоря Сергеевича Жаркова, «непруха» – это совокупность неудач и «обломов» во всех сферах деятельности, с которыми в течение энного времени сталкивается индивидуум. Непруха сводит любое движение данного индивидуума либо к нулю, либо в область отрицательных чисел и в итоге может привести данного индивидуума или к отчаянным поступкам, или в состояние равнодушной бездеятельности. Игорь Сергеевич Жарков предпочел второе. Пребывая в состоянии ярко выраженного «пофигизма» («пофигизм» (сленг) – разновидность равнодушия, усугубленного нездоровой иронией и цинизмом; равнодушие ко всему происходящему вокруг, происходящему со всеми, в том числе с самим собой), Игорь Жарков с легкой нена-

вистью ко всему миру наслаждался своим состоянием и усугублял его сухим октябрьским утром сухим вином в кафе-забегаловке. Он не пытался доискаться до причины собственных неудач, а как мазохист-любитель кропотливо перебирал их в голове, перемешивая несладкие мысли с кислым «Каберне». Процесс же этот постоянно требовал дальнейшего усугубления, и Жарков пристреливался взглядом к стеклянным снарядам за спиной скучающего бармена, наполненным нирваной различного цвета и разной крепости. Детальное воспроизведение обид и происшедших с Жарковым казусов в его воспаленном сознании мешало твердо определиться с выбором «катализатора» – водка или коньяк. Кроме того, Жаркову время от времени казалось, что все усилия его памяти и воображения проецируются для всеобщего обозрения и все опохмеляющиеся в это утро завсегдатаи и внешне невозмутимый, неприступный бармен, – все вокруг с осуждающим злорадством лицезрят его временную (так он думал) слабость.

Да и чего тут особенного? Самая обычная nepruxa, очень характерная для любого пореформенного периода. Ну, уволили с работы, сейчас всех увольняют. Ну, не приняли на другую.

А кого сейчас принимают? Особенно если у вас профессия – художник-оформитель. Время славы КПСС и сопутствующих ему плакатов и лозунгов безвозвратно ушло, а рекламщиков бегают по городу как собак нерезаных. Дальше: ну, по пьянствовал человек неделю, что с того? А кто сейчас не пьет? Большинство только представляются трезвыми. По крайней мере, дикция у Жаркова не хуже, чем у представителей родного правительства. Специально повторял их бессмысленные речи, сидя у телевизора, смачивая горло «Хванчкарой». Ну, ушла жена к ненаглядной (век бы ее не видеть!) теще. А где еще место браку, как не на помойке? И все же уход жены был последней каплей, чтобы Жарков произнес касательно себя слово «непруха». Остальное – мелочи, просто цветочки: попал под машину – сломал руку; украли у временного инвалида в автобусе бумажник; при выходе из автобуса поймали безбилетного Жаркова контролеры, денег на штраф не было – унизительно обыскали и в качестве компенсации дали по морде; в доме отключили горячую воду; Вова Онуфриев срочно требует возврата долга, а надо еще где-нибудь занять; хотел обзавестись любовницей – засмеяли «кандидатки»... А ведь мог

бы получиться из него достойный альфонс! Противно? Ни на йоту! По-чет-но! В нынешние времена приемлемо все, что выгодно, и если выгода действительно имеет место быть, то ее счастливый обладатель как бы автоматически становится почетным членом общества. Нет, Жарков так не думал, просто притворялся вместе с большинством населения державы камикадзе. Именно поэтому он сейчас безнадежно распивал в кафе «Рассвет» до самого заката.

Бармен отреагировал на зашуршавший по стойке полтинник бутылкой дагестанского трехзвездочного и даже намерился было сорвать пробку, но Жарков вдруг понял, что пить сейчас он не будет. Не принесет это желанного облегчения. Не в кайф. Потому он опередил бармена и стремительно переместил емкость во внутренний карман плаща. Бармен зыркнул на него с непринужденностью, но так как Жаркову (как он думал) было все «пофигу», он молча развернулся и вышел из кафе, обдав прохожих волной аппетитного котлетного духа, присущего таким заведениям.

Он двинулся к центральному парку, чтобы предаться самобичующим размышлениям где-нибудь на тихой аллее. И то, что осень

была золотая, и город, осыпанный желто-красными гирляндами, был необычайно красив и приветлив, и то, что прохожие вокруг были в приподнятом настроении, еще больше укрепляло Жаркова в мысли о том, что он один отторгнут и не понят этим лощеным миром с его волчьими товарно-денежными отношениями. В парке он нашел подходящую скамейку и созерцательно углубился взглядом в голубое, но, как ему казалось, отвратительно пустое небо. Ему вдруг представилось, что именно сейчас он должен умереть: в глубоком одиночестве, и чтобы нашли его здесь, в парке, с легкой ироничной и в то же время всепрощающей улыбкой на устах и глазами, устремленными к небу. От пережитого сострадания к самому себе и глубокого философского осознания безразличия всего мира к его персоне Жарков откупорил коньяк и отпил несколько больших глотков. Другого способа существования в эпоху хандры и необъяснимой духовной жажды он не знал, так же как не знал, что отчаянье (см. «уныние») – один из смертных грехов. Но именно оное заставило его, запрокинув голову, полным этого самого отчаянья голосом возопить в безучастное небо:

– Господи! Ну сделай хоть что-нибудь!.. – при этом подсознательно подразумевалось не спасение его, Жаркова, а хоть какое-то облегчение страданий, выпавших на долю этого безумного в своем самоуничтожении мира. И это был 7777-й крик, прозвучавший в этот день в этой стране, обращенный к Нему.

Все было бы угадываемо просто, если бы рядом на скамейке с Жарковым из воздуха материализовался Ангел Хранитель или специально существующий для подобных поручений дежурный Ангел и выполнил бы все пожелания Игоря Сергеевича для облегчения его бременного существования. Но в эпоху «крутого» материализма такое чудо было бы оскорбительным для самого себя, и нет ничего удивительного в том, что ничего не произошло. Гром не грянул. Кто-кто, а Игорь Сергеевич понимал нелепость чуда в наше время даже лучше других. Определив для себя, что это было последнее обращение за помощью к кому бы то ни было за этот день, Жарков вернулся в состояние наигранно-презрительного равнодушия, без особых усилий над собой допил из горлышка коньяк и двинулся прочь из этого «поэтически-уединенного места». Он не почувствовал себя пьянее или хуже, он просто

в очередной раз за эти дни смирился со своей участью. Правда, ему показалось, что день вдруг заметно посерел, будто осенние краски утратили свою утреннюю жизнеутверждающую яркость, запылились, что ли. Да и люди стали какими-то хмуро-озабоченными, и единственное, чем они отличались от Жаркова, – торопились решать свои проблемы.

Но некоторые проблемы в нынешнее время перехода от социалистического варварства к общечеловеческой цивилизации решались отнюдь не цивилизованными способами. Право на доступ к общечеловеческим «ценностям» оспаривалось по старинке, с оружием в руках. Именно люди с оружием выскочили из лакового иностранного автомобиля, и Жарков, который был совершенно обоснованно уверен, что стрелять будут не в него, удивленно замер на месте – предоставлялась редкая возможность в объективной реальности лицезреть кадры из американского триллера. На миг опережая нажатие курков, Игорь Сергеевич отследил траектории еще не вылетевших к цели пуль и угловым зрением определил, что предназначены они почтенному семейству из трех человек, а, скорее всего, джентльменистому папе, небрежно покупаю-

щему пятилетней дочери мороженое. Но даже со случайной пулей для невинного дитя Жарков смириться не мог. Так же, как поучительно показано в американских фильмах, он метнулся к ничего не подозревающей стоящей спиной к убийцам семье и одним рывком уложил всех троих на землю. Лоток с мороженым подсек и продавщицу. Он даже совершенно справедливо успел подумать, что никто, кроме него, ничего подобного делать не собирался. Напротив, окружающие, по законам жанра, с ужасом и одновременно любопытством на лицах стремительно искали укрытия. Очереди из маленьких пистолетов-пулеметов прошили лоток, звякнули о чугунную ограду парка, частью устремились в небо, к которому полчаса назад взывал Жарков. Поднимаясь на ноги, Игорь Сергеевич не учел одного: в его стране бандиты не торопились убегать и, хотя особенно не мешкали, успели, хоть и вскользь, «приголубить» неожиданного в этих местах супермена. Одна пуля прокусила ему щеку с наружной стороны и унеслась по своим делам, зато другая плотно засела в правом плече. При этом заставила Игоря Сергеевича «сальтануться» через лоток и приземлиться на пышное визжащее

тело продавщицы. На какое-то время он потерял сознание.

Когда пришел в себя, его уже грузили в ярко-желтый реанимобиль. Толпа зевак сочиняла подробности происшедшего, называя Игоря Сергеевича то «альфовцем», то еще каким-то спецназовцем. Очень красивая женщина склонилась над ним и, обдавая запахом дорогих духов, спросила:

– Как вы себя чувствуете?

В первый раз за эти дни кто-то поинтересовался его самочувствием. Жарков благодарно улыбнулся. «Все как в хорошем боевике с хэппи-эндом», – подумал он.

– Мы благодарны вам, ведь с нами была Машенька... – «Это маленькая девочка, которой покупали мороженое», – понял Жарков.

– Хорошее имя, – сказал он.

Лицо нового русского джентльмена закрыло обозримое пространство:

– Я бы хотел, со своей стороны, отблагодарить... – еще что-то из дежурного набора, и его рука зачем-то слазила в нагрудный карман Игоря Сергеевича. Будто погладил по многострадальной груди.

Потом снова появилось лицо красивой женщины.

– Как вас зовут?

Жарков не скрывал, как его зовут, но неожиданно сам для себя забыл. «Шок, что ли?» Поморщил лоб – не вспоминалось.

– Дежурный Ангел, – смущенно ответил он, и прежде чем носилки задвинули в фургон, еще увидел лицо девочки Машеньки, которая даже не успела испугаться и приветливо помахала ему рукой. Игорь Сергеевич хотел помахать ей в ответ, но от боли вновь потерял сознание. В липкой темноте забытья, оказывается, тоже бродят кое-какие мысли. В центре перевозданного хаоса стоял вопрос: «Почему я это сделал? Почему именно я?» И откуда-то, словно не из собственной головы, пришел то ли ответ, то ли отговорка: «Да потому что мне делать больше было нечего»...

В себя он пришел сразу после операции по извлечению пули. Возвращаясь к печальному осознанию своей участи, дырку в плече он расценил как закономерное продолжение непухи. И вернувшись сознанием не без иронии определил, что его соседями по палате являются, с одной стороны, – бандиты, и жертвы их коллег – с другой. Это не мешало им довольно мирно играть в карты и рассказывать скабрзные анекдоты. Ожившего Игоря

Сергеевича тут же приняли в компании: обе стороны (каждая по-своему) похвалили его за проявленное гражданское мужество и даже предложили выпить. Но он и так был прилично пьян после недавнего наркоза и предпочел уснуть. Утром он проснулся раньше других, испытывая большое желание сходить в туалет. Последствия наркоза, боль в плече и похмелье очень мешали ему сориентироваться в нехитром больничном пространстве. С трудом сев на кровати, он увидел еще одного товарища по несчастью, которого сначала не заметил. Это был мальчик лет восьми, который отсутствующим взглядом смотрел в окно. Совсем недавно таким же взглядом смотрел на мир сам Игорь Сергеевич и, между прочим, в ближайшие дни намерен был заняться тем же самым. Теперь же он несколько удивленно взирал на мальчугана с перевязанной головой.

– Не приходит к нему никто, – рядом проснулся старик с загипсованными ногами, – подай утку.

Когда Жарков, держась здоровой рукой за стену, вернулся из туалета, мальчик сидел в том же положении, а старик курил под одеялом «беломорину».

– Надо успеть, пока уколы и градусники не пришли ставить, – пояснил дедок свое антисанитарное поведение.

Увидев, что Жарков проявляет интерес к мальчику, старик сообщил:

– Доктор нам шепнул, что после травмы он речь потерял, ему говорить надо учиться, а говорить не с кем. С нами не хочет. Отца нет, а мать то ли закрутилась на работе, то ли без вести пропала... – вздохнул, помолчал и уже совсем тихо добавил: – А можа, и плюнула на родное дитя.

Сердце Игоря Сергеевича прострелила знакомая боль. И не то чтобы он был чересчур сентиментальным, но собственные беды показались ему ничтожной мелочью по сравнению с горьким одиночеством этого мальчугана.

– Его Юра Лебедев зовут, – где-то в другой, наполненной суетливой жизнью вселенной копошился дед.

Через три недели Жаркова выписали. Все эти дни он читал Юре вслух. Читал Носова, читал Дюма, читал Волкова, читал Стивенса, читал спортивные новости... А тот неизменно смотрел в окно. Жарков знал, что не он и его навязчивое чтение нужны сейчас Юре Лебедеву, но большего для него сделать

не мог. Даже «крутые» смягчились сердцем, наблюдая за стараниями Игоря Сергеевича. Они дружески похлопывали Юру по плечу, называли «братком» и клали в его тумбочку диковинные заморские фрукты. Юра к ним не притрагивался, но они, подражая упорству Жаркова, выбрасывали испортившиеся и подкладывали свежие.

Сменив пропахшую лекарствами, заношенную до просвечивающего неприличия больничную пижаму на костюм с дыркой на плече, Жарков вышел на улицу. Тихо падал снег. Время, с тех пор как он сыграл эпизодическую роль в «боевике», притормозило и вяло тянулось вслед за сероватыми тучами на небе. Игорь Сергеевич пошарил в карманах, рассчитывая на завалявшуюся пачку сигарет, но во внутреннем нагрудном кармане вдруг нащупал ровную пачку бумажек, которую даже на ощупь ни с чем другим спутать было невозможно. Это были деньги. Деньги, которые успел ему сунуть перед неотложной госпитализацией новый русский джентльмен – отец Машеньки. Даже не удивившись, что их не украли в больнице, Игорь Сергеевич вдруг представил, как он благородно возвращает эти деньги в присутствии краси-

вой жены и дочери, но поймал себя на мысли, что не собирался и не собирается этого делать. В конце концов, кому что и кому на что. А по меркам Жаркова, денег было много.

Долго и с наслаждением он бродил по магазинам, хотя не совсем понимал, что ищет. В магазине «Охотник» он прошел мимо прилавков, ощущая головокружение от осмотренной в разных магазинах вереницы товаров, но нечто заставило его вернуться к одному из прилавков. На нем красовался большой черный бинокль.

Уже под вечер Игорь Сергеевич вернулся в больницу и настойчиво попросил дежурную сестру в приемном отделении:

– Передайте, пожалуйста, Юре Лебедеву из восьмой палаты. – Протянул коробку с биноклем. – Передайте непременно сейчас и скажите, что это от мамы. Скажите, что завтра она обязательно придет.

– Она придет? А вы-то кто?

Удостоверившись, что сестра намерена выполнить все в точности, как он сказал, Жарков с заметным облегчением вышел на крыльцо. Надо было идти домой, хорошо выспаться, отдохнуть после всей этой кутерьмы, а завтра

отправляться на поиски мамы Юры Лебедева. Игорь Сергеевич вдруг понял, что непруха кончилась, подмигнул сумеречному небу и уверенно зашагал на автобусную остановку. Вид у него был по-деловому озабоченный. Почему он? Да, наверное, потому что ему делать было нечего...

МАМА-МАША

Уж, кажется, всякого в наши дни повидать пришлось, но чем дальше, тем чаще вспоминаешь слова Иоанновы: «В те дни люди будут искать смерти, но не найдут ее; пожелают умереть, но смерть убежит от них...»

Впервые я увидел ее серым апрельским днем, когда на улицах кисла снежная мешанина и пешеходы проваливались в нее по щиколотки, а где и по колено, когда в традиционных неровностях российского асфальта стояли лужи-океаны, а на не успевших просохнуть возвышенностях побеждающе сияла грязь, когда весь город пронизан сыростью, а кирпичи и бетонные плиты похожи на губки, впитывающие влагу, когда весна, что называется, рубанула сплеча и расплющила весь этот «сугробистан» за пару солнечных дней, а потом испугалась содеянного и прикрыла свой лукавый взгляд низкой непроницаемой облачностью. Я увидел ее задумчиво бредущей

от Крестовоздвиженской церкви в сторону «городища», которое правильнее было бы назвать «посадом» – так там ютились, словно отторгнутые многоэтажками в низину, на окраину, деревянные домики да покосившиеся сараи, и никто никогда не пытался этот район застраивать и перестраивать, так как место там болотистое, в мае от грязевой каши непроезжее, и живут там самые «социально обиженные» горожане. Наверное, века с семнадцатого здесь ничего не менялось, кроме названий улиц и краски на заборах. Туда она и шла.

Шла босиком. С непокрытой головой. Легкая косынка, будто слетевшая на ее плечи откуда-то из шестидесятых годов. Распахнутое, странное – заношенное, но в то же время не утратившее яркости цвета зеленое пальто, а под ним – то ли ночная сорочка, то ли застиранное до цвета нынешнего неба платье.

Сначала я увидел ее босые ноги. Они были белее талого апрельского снега, и не было на них ни единой царапины. Глаза я увидел потом...

– Во тетка! С утра насинярилась!.. – прокомментировал один из двух шедших ей навстречу парней.

Вот тогда-то я увидел ее глаза, полные безумной печали и притягательной глубины. Абсолютно не было в них пьяного дурмана, а было какое-то сверхчеловеческое знание мира – видимого и того, что скрыт для глаз остальных смертных. И не виноваты глупые парни, что попытались насмешкой объяснить то, что в их головах не укладывалось, а значит – вызывало раздражение и неприятие. И она знала, что не виноваты они, потому только посмотрела на них внимательно, даже с жалостью, и сказала тому, который гоготнул над собственной неуместной шуткой:

– А ты бы, Игорек, съездил к матери, болеет она. Сильно болеет. Из деканата тебя отпустят. Не ходи сегодня на дискотеку, к матери езжай... – и пошла дальше в свою сторону.

Тот, которого назвала она Игорьком, оторопел, лицо его пересекла молнией какая-то жуткая гримаса, и снова не нашел он ничего другого, как только бросить ей в спину словесную пригоршню едкого мата. Мол, не тебе, бомжиха ты этакая, меня учить. Но она больше не оглянулась, что вызвало у Игорька новый приступ ярости, который пришлось выслушивать его посерьезневшему вдруг товарищу. Видно уже было, что понял Игорек

свою неправоту, но признать этого перед ним не хотел.

– Ни за что Божьего человека обидели, – сказала оказавшаяся рядом со мной старушка.

Вроде, и не для меня сказала, но хотелось ей, чтобы кто-нибудь услышал и поддержал. И я кивнул.

Старушка тут же ухватила за это движение моей головы и даже за рукав куртки меня взяла.

– Да, мил человек, она через большое горе прошла. Сына у нее в Чечении обезглавили да еще и фотографию изуверства такого сделали. Девятнадцать годочков-то ему было...

– А ей сколько? – сам не знаю, зачем спросил я.

– А ей столько, сколько всем матерям... Она поначалу-то пить начала. Ой как сильно-о! Руки на себя хотела наложить, да Господь не позволил! А потом по телевизору фильм-то показали про войну эту проклятую. По-моему, «Чистилище» называется. Так там так и показали, как басурмане голову солдатику отрезают. И она этот фильм смотрела. А как посмотрела – умом тронулась. Да и как сказать, тронулась...

Я тоже вспомнил фильм Невзорова, снятый с остервенелым натурализмом. Когда смотрел – ни одна жилка во мне не дрогнула, я тоже всякого повидал. Ничего во мне, кроме злобы, во время этого фильма не шевелилось. Только ярость закипала, как в песне поется, уж «благородная» или нет – не мне судить. Но сейчас, когда я смотрел на удаляющийся зеленый силуэт, прямо в сердце ощутил содрогание, мороз в душе. Представил, как мне самому отрезают голову, и очень явственно получилось. И последние мысли – сравниваю себя с беспомощным бараном. И обида – вряд ли кто воздаст по заслугам твоим обидчикам. А так хочется схватить по-богатырски оглоблю – и по чернявым головам! Так какое чувство сильнее – ярость или страх? Или они рука об руку по земле ходят?

– ...она все вещи свои раздала. Все-все! Некоторые-то хапуги нашлись – даже специально к ней приходили: нельзя ли, мол, еще чего прихватить. Все отдавала. Сама по несколько дней не ела. Уж потом соседи узнали, стали силой ее кормить, да вот в храме батюшки ее потчуют, чем Бог пошлет. И она теперь через горе свое весь мир насквозь видеть стала.

Старушка вдруг посмотрела на меня испытующе.

– Да ты, небось, и сам-то в церкву не ходишь? Чего ж я тебе рассказываю?

– Хожу... Но не часто... – что-то мешало мне уйти, а уйти хотелось, забыть весь этот разговор, окунуться в серую повседневную суету – своих бед полно, а тут еще чужие в душу ломаются. – Я в Знаменский хожу, там мне ближе...

– И то ладно, – успокоилась старушка, – ныне молодежь в церкви ходит, хоть из-за моды какой, но ходит. Батюшка сказал, что пусть хоть так ходят, у кого сердце не заржавелое – оно Божье слово примет.

И не помню, то ли распрощались мы со старушкой, то ли каждый со своим словом, со своей мыслью пошел.

До вечера на душе было так муторно, что даже с близкими разговаривать не хотелось. Ночью я долго не мог заснуть. Да и на следующий день настроение, как и погода, было пасмурное. День прошел бестолково, бессмысленно, словно и не было его. И все не оставляло меня чувство вины, будто мог я помочь чему-то большому горю, но прошел мимо.

Прошел так, как все мы проходим, ибо бед вокруг стало столько, что если возле каждой останавливаться, чтобы пусть и посочувствовать, вздохнуть, то, кажется, никакой жизни не хватит. Но мера этого горя в какой-то момент переполняет допустимый предел в душе каждого нормального человека, и приходит чувством вины. И тогда человек не сможет пройти мимо следующей беды: либо не сможет обрести душевного покоя, либо пойдет в церковь...

Меня ноги сами собой понесли в храм, но только не в близкий Знаменский собор, а в находящуюся в совсем другом районе Крестовоздвиженскую церковь. И хотя я шел все теми же раскисшими улицами, мне то и дело мерещились среди буксующих модных сапог и ботинок босые ноги. Как в тумане добрел до церковной ограды.

Служба уже заканчивалась. Народу в будний день было не очень много. В основном старушки, да стояли по обеим сторонам от входа два увечных мужика. Будто нарочно так встали: тот, что слева, без правой ноги, а другой – без правой руки. На миг показалось, что не конец двадцатого века вокруг, а середина девятнадцатого. Просят милостыню калеки

после неудачной для России Крымской войны. И одеты они были так, словно только что сошли с полотен художников-«передвижников». И причитали в один голос: «Подайте, ради Христа...» И также, в один голос, поблагодарили: «Спаси вас Господь». Рядом с ними я и прижался к стене.

Зеленое пальто увидел сразу. Она стояла перед образом Иоанна Предтечи и даже не молилась, а разговаривала с ним. Казалось бы, речь ее лишена какого-либо смысла. Так, отдельные только ей понятные фразы.

– А что, Иоаннушка, сколько еще христианских головушек по земле покатится? Кому, как тебе, не знать?.. И над Сербией вот железные птицы антихриста... Спаси, Господи, люди Твоя... Да расточатся врази Его...

Откуда она знает? Ведь, как я понял из рассказа старушки, в доме ее давно уже нет ни телевизора, ни радио, газет она не читает. Я подошел поближе, но, наоборот, перестал ее слышать. Она перешла на невнятное бормотанье, а потом и на шепот. И я, глядя на суровый образ Иоанна Предтечи, подумал о матерях российских, что потеряли на разных войнах своих сынов. Кто в Афганистане, кто в Чечне, кто в Таджикистане...

Я сам был солдатом, и передо мной никогда не стоял вопрос: за какие идеалы велись эти войны? Или за Родину только под Москвой можно воевать? Уж лучше на дальних рубежах, чем на ближних подступах. И во все века славился русский солдат, вот только сейчас нюни пораспускали... Что детей, что матерей нюнями этими избаловали. Да и какая мать смирится с тем, что ее сына на чужбине убить могут? Как ей объяснить, что и там они за Россию воюют? Ведь и на это возражение ныне придумано: не хотим за такую Россию воевать, не хотим в такой армии служить! А если бы Минин и Пожарский так думали?..

— А зачем тогда на Руси мужчины нужны?! — и не увидел я в ее глазах того безумного горя, напротив, какая-то светлая рассудительность и пытливость.

От неожиданного ее вопроса у меня даже сердце вздрогнуло. Выходит, не я ее слушал, а она мои мысли читала... Подступила близко ко мне и глубоко в душу заглянула.

Да уж, зачем нынче мужики нужны? Работу искать, пьянствовать и оплакивать во время застолий державу свою униженную. Или если нет Суворовых, то нет и чудо-богатырей?

– А ты решил, значит, про Машу написать? Зачем? – серебряная прядь волос выскользнула из-под косынки и рассекла ее лицо. – Тебе почему больно?

Стало быть, ее Марией зовут.

– Маша не юродивая, – по-детски строго предупредила она, – Маша – дурочка. За ради Христа знаешь как пострадать надо!.. А Маша – дурочка! Не верь старушкам-то, они и сами не знают, чего говорят. А на войну не ходи, тебя первым убьют или ранят...

Даже обидно стало. Что я – малохольный какой? В свое время, хоть и юнец был, но на своей маленькой войне за спины товарищей не прятался.

– Ты хоть и не трус, но тогда-то ты жить хотел... – объяснила Маша. – А знаешь, мой Алешка на тебя чем-то похож. Он сейчас под началом Архистратига Михаила и вовеки там пребывать будет.

– Кто вы? – спросил я и вовсе не рассчитывал на сверхъестественный ответ.

– Я мать Алеши. Он меня «мама-Маша» звал.

Почему-то вдруг вспомнились слова песни: «Стоит над горою Алеша...» Я даже не заметил, как к нам подошел священник.

– Пойдем, Мария, там матушка постного супчика приготовила... – Пойдем-пойдем... – он взял ее под руку, а на меня посмотрел восторженно: – Извините, молодой человек, не нужно ее ни о чем расспрашивать, у нее может приступ случиться, «неотложка» от нее опять откажется, мы с протоиереем в прошлый раз едва отмолили. Ум у нее уже боль не воспримет, а вот сердце...

– Извините, – смутился я, – я не хотел... – И поторопился уйти.

Уж не праздное ли любопытство, действительно, меня сюда привело?!

– Это не чудо, это горе, – шепнул мне батюшка, напоследок взяв меня за руку.

Теперь уже я посмотрел на него внимательно, так же, как он, когда незаметно подошел к нам. Он был одного со мной возраста, и только негустая выющаяся борода придавала его лицу благородства, прибавляла лет, а вот глаза источали такой покой, будто он живет не первую жизнь и все уже о ней знает. Не было в них и капли суеты, которая начиналась за воротами храма. И ведь нельзя было сказать, что он принимал мир таким, какой он есть. Просто не чувствовалось в нем порыва что-то переделать в этом мире, как, например, у меня.

И наверное, потому, что он, в отличие от меня, занимался этим каждый день... Он это делал!

Две молодые девчушки из тех, что недавно окончили школу, вместе со мной вышли из храма, громко переговариваясь.

– А батюшка-то здесь какой красивый! Он на меня как глянул – у меня дрожь по всему телу!

– Красивый, – согласилась вторая.

Интересно, какие слова он найдет для них?

В наше время попасть в переделку так же просто, как проснуться утром и осознать, что сегодня в твоем семейном бюджете нет денег даже на хлеб. И потом еще месяц, а то и больше просыпаться с той же самой мыслью.

Я, как это принято комментировать в детективных фильмах, оказался не в то время и не в том месте, а точнее – просто зашел поздно вечером к товарищу, которого не оказалось дома. И жил он вовсе не в трущобах и не на окраине, хотя и не в центре города. В обычной типовой пятиэтажке-хрущевке. И когда я повернулся от встретившей меня молчанием двери, раздались выстрелы. Стреляли из окна подъезда и с улицы. В течение минуты по матеркам и крикам, доносившимся сверху и снизу,

я смог разобраться, что идет перестрелка между милицией, которая пытается штурмовать подъезд, и бандитами, которые не успели покинуть этот дом до их появления.

Я стоял рядом с окном на втором этаже. Из окна третьего этажа отстреливались двое. Причем один из них уже побывал на пятом и определил, что чердак заколочен и путей к отступлению у них нет. Он же собирался спуститься на второй, где находился я, чтобы вести огонь оттуда. Сколько милиционеров и омовцев штурмовали подъезд, я мог только догадываться по вспышкам выстрелов из темноты кустарников близ дома.

Положение было дурацкое. Подстрелить меня могли как те, так и другие. Мне оставались секунды, чтобы принять какое-либо решение. О том, чтобы постучаться в чью-либо дверь, я даже не думал. Двери были мертвее, чем в тех случаях, когда за ними нет хозяев. Незаслуженно ругнул друга, которого действительно дома не было.

Вот так и стоял, не испытывая ни страха, ни мужества, чтобы предпринять хоть какой-то шаг. И вовсе не тянулись секунды вечностью, как это принято описывать, они вообще не тянулись. Может, за пулями гонялись. Одна

из них влетела со звоном и в мое окно и ойкнула по стене. Кто-то из милиционеров выстрелил в мою тень. Уж если им моя тень не понравилась!..

Я не слышал ничьих шагов. Только было чувство, что сквозь сумрак подъезда, где еще до перестрелки не было света, ко мне кто-то подошел. Это была мама-Маша. Можно было бы сказать, что она явилась прямо из воздуха, но я этого не видел. Какая-то легкая улыбка и одновременно забота угадывались на ее лице.

– Вот видишь, поэтому тебя и убьют на войне, – шепотом заговорила она, – тебе стыдно даже пощады попросить, спастись стыдно.

А я не испытал ни удивления, ни страха. Лишь снова подумал о том: почему же мне хочется узнать о ней больше?

– Пойдем, там в тамбуре дверь в подвал открыта, через него можно в другой подъезд перейти, – позвала она, даже за руку потянула, и мне показалось, что рука ее настолько легкая, что прикосновения ее я не почувствовал. Подумалось задним умом что-то о привидениях, но слишком уж не вязался образ мамы Маши ни с какими фантомами и прочими сверхъестественными явлениями. Наоборот,

казалось, приведет она меня сейчас за дверь ближайшей квартиры и усадит на кухне пить чай с домашними пирогами. Будет расспрашивать о работе, о жене, еще о чем-нибудь обыденном и привычном.

И совсем не было в ее усталом взгляде никакого безумия. Будто пришла мама забрать своего загулявшего допоздна во дворе великовозрастного сыночка. Пожурит вот еще.

С этими мыслями, прижимаясь к стене, я спустился следом за ней. Дверь подвала в тамбуре действительно оказалась незапертой. И что действительно вызвало у меня удивление, – над выщербленной лесенкой, ведущей в сырую глубь подвала, горела облепленная паутиной лампочка. Словно с тех пор и горела, когда не скупилось на них домоуправление, а упивающиеся своей солидностью домкомы специально проверяли их наличие во всех «жизненно важных объектах».

Все это время мама-Маша шла впереди, приостанавливала меня, не оглядываясь, рукой, если следующий шаг ей казался опасным. В одной из комнат подвала она повернулась ко мне лицом.

– Ты, Сережа, лезь лучше в это окошко, на другую сторону дома, там безопаснее.

От известки-то отряхнешься. И еще... – она посмотрела на меня тем же взглядом, что и священник. – Не надо обо мне писать.

И не успел я спросить, почему, ответила:

– Другие матери подумают... Помнишь, я тогда в храме сказала... Подумают, что раз мой Алешка погиб, я и другим того же желаю... А мне всех жалко.

– Но ведь вы правы! Для чего же тогда еще мужчины нужны? Если б в сорок первом матери своих парней по подвалам и под лавками прятали!..

– И такие были и сейчас есть. А ты лезь в окошко. Будут весь дом потом осматривать.

И я через трубы, тянущиеся вдоль стены, стал выбираться в тлевший светом уличных фонарей квадрат подвального оконца. Вылез, отряхнулся, наклонился, хотел позвать маму-Машу и в тот же миг понял, что ее там нет.

Утром, не завтракая, я отправился в Крестовоздвиженскую церковь. И все казалось – опаздываю куда-то. На этот раз пришел, когда служба еще не началась. По залу сновали старушки, протирали везде пыль, хотя я уверен, что после вечерней службы они делали то же самое. Постояв с минуту в нерешительности,

подошел к церковной лавке и спросил женщину, которая там аккуратно раскладывала книги и свечи.

– Скажите, сюда женщина часто приходит, в зеленом пальто... Босая... Марией зовут... Будто бы не в себе...

– Вы не знаете? Она ж три дня как от сердечного приступа умерла...

Какая-то жуткая пустота ворвалась в мою душу, темная и холодная. Безысходность какая-то. Опять же, не испуг, не страх, даже и не боль, а усталость печальная. И не отчаяние, но и не смирение. Даже и не знаю, как назвать такое чувство.

Я заказал молебен за упокой и взял несколько свечей. Когда стоял у образа преподобного Сергия Радонежского, на миг показалось мне угловым зрением, что взглянула на меня со стороны мама-Маша. Так явственно показалось, что повернул отяжелевшую голову. И... встретился с немного печальным, светлым взглядом Богородицы.

Уже на выходе из храма столкнулся с тем самым батюшкой. Хотел остановить его, рассказать о том, что со мной произошло, но мы только обменялись взглядами. Я понял, что он и так знает.

Весна снова опомнилась и приступила к исполнению своих обязанностей. Ярко-желтый, как на детском рисунке, луч солнца пробил серую вату облаков и озолотил купола. В окнах домов заиграли веселые блики. Просвет в облаках с каждой минутой становился все больше, точно силы света раздвигали тяжелые облачные оковы. Я залюбовался этим зрелищем.

Ее Алешка сейчас в воинстве Архангела Михаила. А где она сама?

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Он еще раз посмотрел на сад. Почему-то больше всего жалко было именно сад. Посаженный еще прадедом, он словно впитал в себя любовь и труд нескольких поколений. Гуляя по нему, можно было услышать память: сухой кашель деда, раскуривающего самокрутку; ласковое бабулино «возьми яблочко»; окрик отца: «Илюха, неси известку!», смех младшего брата... Продать можно было дом, который они заново отстроили с отцом еще в семидесятом, продать можно было сад, который благодаря заботе стариков плодоносил все эти годы, продать можно было мебель, которую ныне можно увидеть только в кино о сталинских временах, продать можно было мотоцикл и зачуханный отцовский «Запорожец-ушастик», – но память продать нельзя. И теперь Илья Семенович мучился, сравнивая понятия «продать» и «предать».

Тридцать лет он приезжал сюда в отпуск, щедро растрачивая свои невиданные на

Краснодарщине северные зарплаты, заваливая родственников подарками, соленой и вяленой рыбой. За эти тридцать лет никто и никогда не упрекнул его за то, что сразу после армии он подался на Север за длинным рублем. Никто не упрекнул его, когда он, обустроившись на новом месте, переманил туда и младшего брата. Только когда Иван погиб из-за несчастного случая на буровой, отец на поминках вытер единственную слезу и горько сказал Илье:

– Вот он, ваш Север-то...

Но и это был не упрек, а констатация факта, что ли...

Илья Семенович вернулся сюда доживать свой век. Так делали многие. За тридцать лет в сибирской тайге он не заработал миллионов, а то, что заработал, сгорело в огне инфляции, свалившейся на головы честных работяг рыночной экономики. Мотаясь по буровым, он потерял семью. А потеряв семью, потерял и смысл вкалывать. Вот и продал он свою «шестерку», продал мебель и подался в пустовавший родительский дом. Не успел только продать квартиру, хотя последнее время в поселке они были нарасхват. Молодежи прибывало. А Илья Семенович

перед самым отъездом пустил к себе пожить молодую семью, пока у той решится проблема со своим жильем. Ему в трех комнатах даже пустовато было. Когда же подошел срок уезжать, не хватило духу попросить их освободить помещение. Как-никак – годовалое дите на руках. Так и уехал. Только сказал на всякий случай:

– Может, вернусь еще... Коммунальные исправно платите.

Сад... Почему больше всего жалко сад? Ведь работал-то здесь только летом, от случая к случаю. Старику-отцу многое уже не по силам было.

Покупатель-сосед не подгонял. И когда замечал, что Илья Семенович впадает в раздумья, уходил на свою половину. Даже сам уговаривал:

– Может, останешься, Семеныч? Куда тебе еще мотаться? Вон у нас пенсионеры на станцию ходят, фруктами-овощами торгуют и ничего – живут. И ты проживешь. Климат-то какой, да и родная земля...

– Где она теперь – родная земля? Да и вообще, я работать привык. От тоски либо сопьюсь, либо инфаркт приголубит.

Бывший председатель бывшего колхоза, а теперь директор закрытого акционерного

общества встретил Илью Семеновича коньяком, но разговор повел с места и в карьер:

– Не, Семеныч, работы нет, своим не знаю, чем платить. А ваших знаешь сколько сейчас возвращается! Что у вас там в Ханты-Мансийске – ханты и манси вас со своей землей выживают? Или работы нет?

– Никто у нас никого не выживает, – ответил, вздохнув, Илья Семенович, больше всего его обидело это «у вас там», четко определившее, что здесь он за своего уже не считается, там вообще все мирно живут. За Уралом земли на всех хватит и еще останется, и нефти еще лет на двести, а то и боле. Если только добывать по уму. Думаешь, твои яблоки и груши за граница покупает?

– Да знаю, знаю... Наши-то фрукты хоть воском для блеску и не крытые, но, врачи говорят, экологически чистые. Я своим внучатам всю эту импортную ботву есть запрещаю!

– Не горячись. Не я в стране порядка устанавливал и на нефтедоллары коттеджей себе не строил. Я ведь приехал век скоротать. Жена ушла, дети выросли, свои семьи у них... Хотел под родным кубанским солнышком кости погреть. А то у меня полжизни «ледниковый период». Специальностей

у меня сам знаешь сколько... А работы там хватает, для тех, кто от нее не бегают, кому на пособия жить тошно.

– Не могу, Семеныч, не жалобь ты меня... Разве что сторожем, да и то сезонным.

– Ну-у, это ничем не лучше, чем у поездов торговать...

Помолчали, выпили и разошлись.

Дня два Илья Семенович просидел у родных могил на погосте. Поправил оградки, покрыл лаком большие деревянные кресты, а все больше грустил, уставив глаза в землю, словно ждал, что дадут ему родимые совет с того света. Но могилы, как и положено им, молчали.

Прежде чем решился продать дом и сад, с неделю ходил по проселочным дорогам да дивился, какие невеселые нынче стали станичники. А уж столько пьяных он в этих местах никогда не видывал. Правда, кое-где сады были ухожены и стояли на окраинах несколько кирпичных особняков, выстроенных по всем правилам комфортной индивидуальной жизни. Стало быть, не везде разор и запустение, думал Илья Семенович. И наверняка, не всяк из этих «новых казаков» – вор или бывший директор торга, небось, и своим трудом кто нагорбатил. Как раз у этих

домов хваткие хозяева предлагали Илье Семеновичу то поденщину, то работу по контракту, но за те гроши, что они ему сулили, Семеныч на севере даже гаечный ключ в руки не брал.

Лето еще не кончилось, и на полученные за дом и сад деньги можно было поехать куда-нибудь к морю, но настроение было далеко не курортное. Покупая билеты на поезд в обратный путь (захотелось проехаться через всю страну, да и дешевле), Илья Семенович мысленно благодарил Бога за то, что не успел продать квартиру в Горноправдинске. Да еще крутилась в голове фраза, сказанная начальником экспедиции на прощание: «Если что не так, Семеныч, возвращайся, таких работников, как ты, – еще поискать. Тебя с удовольствием возьму обратно». – «Да я вроде как и так возвращаюсь. Домой. На родину», – ответил Илья Семенович.

Билеты взял – с пересадкой в Москве до Тюмени, а уж там решит как: потому что до Правдинска «только самолетом можно долететь». Вертолетом. Можно еще по Иртышу на барже, если удастся встретить кого-нибудь из знакомых, кто возвращается из отпуска или командировки на машине.

Москва встретила жуткой вокзальной суетой, от которой мельтешило в глазах. Можно было, конечно, почтить столицу прогулкой и неизбежной тратой денег на каждом углу, но Илья Семенович, погруженный в свои мысли, двинулся к метро, чтобы переместиться от вокзала к вокзалу. А если уж покупать, так только журналов и перекусить в поезд. Единственное, что отметил беглым взглядом, — Москва вроде как стала чище, только люди казались еще более озабоченными, может, немного озлобленными, да изобиловала столица как всегда «добродушно»-нагловатыми прощелыгами-аферистами. Вспомнилось, что раньше всей семьей ехали сначала на Красную площадь, подолгу любовались храмом Василия Блаженного и, конечно же, шли за покупками во всенародный магазин ГУМ. Но в этот раз, несмотря на торжество новой капиталистической жизни, хотелось поскорее обратно в поезд.

Уж непонятно почему (а может, так и есть), Казанский вокзал виделся Илье Семеновичу всегда грязнее, чем остальные. И сейчас это впечатление не изменилось. Что-то в нем, конечно, было от Казанского кремля, но и ощущение вечной несмываемой грязи тоже

было... Даже бомжи в этом районе были самые оборванные и зачуханные.

Поезд отходил только вечером, и, кроме посещения гастронома, пришлось еще некоторое время шататься по окрестностям, отмахиваясь от назойливых зазывал в различные «народные» игры и лотереи. За час до поезда Илья Семенович решил забрать свои вещи в камере хранения и решил пойти на перрон. Камеры хранения находились в подвальном помещении, там были и автоматические, и обычные – несколько окон, где дремали или резались в карты широкоплечие работники далеко не пролетарского вида. Когда они сменили тщедушных старичков и пышнотелых женщин в засаленных спецовках? Чем это место прибыльно или престижно для них? Такая мысль то ли мелькнула, то ли еще только рождалась в голове Ильи Семеновича, чтобы подвергнуться всестороннему обмыслению, когда он уже подходил к лестнице, ведущей из подвала...

– Помогите!.. – это больше походило на крик шепотом.

За локоть его взяла молодая испуганная девушка, готовая в любую минуту расплакаться от отчаяния.

– Помогите, – повторила она, видимо, заметив, как медленно «въезжает» в окружающую реальность этот пожилой мужчина, – меня хотят ограбить...

– А милиция? – пришел в себя Илья Семенович.

– Что вы?! Какая милиция! Они же занимаются уже совершившимися преступлениями, а если я им скажу, что меня еще только хотят ограбить, они будут только смеяться да пошлют подальше.

Очень походило на правду.

– Да и купленные они здесь, – аргументировала дальше девушка, – все знают, что вокзальные «фараоны» заодно с бандитами, даже наводят сами. «Челночников» долбят. Милиция с этого процент имеет...

– Ну а чем я, собственно, могу помочь? Я, как видишь, милая, далеко не супермен.

– Ой, ну что вы! Я же вас не драться с ними прошу!

В таких случаях нормальный человек чувствует подвох и опасность сразу же, но она словно гипнотизировала Илью Семеновича своим липким шепотом. Да и воспитан Илья Семенович был в старых традициях, когда не принято было отказывать человеку в помощи, особен-

но если ему грозит опасность. Он даже четко и ярко помнил времена, когда прохожие на улицах не боялись подходить к хулиганам и делать им замечания. Нет, он прекрасно знал, как и насколько изменился мир с тех пор, но сам верил и другим говорил, что добрых людей на свете больше.

— Вы мне только сумки до вагона донесите. При вас они «наехать» не посмеют, а уж в вагоне — там я сама. — И все увлекала его с собой обратно к окнам, где выдавали багаж.

Сделав первый шаг вместе с девушкой, Илья Семенович уже не мог повернуть назад. Последние его подозрения развеялись, когда она достала свою квитанцию из своего паспорта и большой рыжий детина, неохотно отбросив карты и ругнувшись на «невовремя», проверил квитанцию и подал ей две большие клетчатые сумки, с которыми обычно промышляют «челночники».

Сумки оказались не очень тяжелые, хотя вид имели внушительный. «Тряпье», — невесело подумал Илья Семенович, а девушка уже задорно щебетала ему о Свердловске-Екатеринбурге, о каком-то еще Алапаевске, о тетке, которая вместо нее стоит на рынке, «а сама я в детском саду работаю», о спившемся муже... Короче, все

как полагается. Житье-бытье первому встречному, вагонному-ресторанному.

А когда выяснилось, что у них даже поезд один и вагоны рядом, девушка, назвавшаяся Мариной, уже как закадычного друга попросила Илью Семеновича подождать ее под табло, а она сходит и купит себе в «Роспечати» последний «Космополитен». С тем и растворилась в толпе. Семеныч даже сказать ничего не успел и через пару минут послушно занял место под табло, прижав свои и чужие сумки к парапету, на который присел и сам.

Вокруг сновали люди с чемоданами и сумками, бродили бомжи, выжидательно поглядывая на мужиков, утоляющих жажду пивом. Подумалось о пиве, потом о холодном шампанском. Следовало, наверное, взять пару бутылок, выпить с новой знакомой за возвращение. Но больше всего хотелось – на верхнюю полку купе и смотреть в окно...

– Да вот он!.. Вот же он! Даже не прячется! – Илья Семенович не подозревал, что эти слова могут быть обращены к нему. Дошло до него, только когда сухощавый милиционер ловко вывернул ему руку за спину и шепнул: «Двигай и не дергайся». Возражения застряли в горле Ильи Семеновича

вместе с дикой болью. Еще через полминуты и вторая его рука присоединилась к первой, и за его спиной застегнулись наручники. Рядом с милиционером оказался еще какой-то верзила с нагловатой, пару дней не бритой рожей, а кричала «вот он» его новая знакомая, которую он только что хотел напоить шампанским.

– В чем дело-то? – наконец смог спросить Илья Семенович.

– Шагай! – подтолкнул его мент. – В отделении расскажешь.

Самым страшным для Ильи Семеновича было шагать сквозь толпу со скованными за спиной руками и ловить на себе любопытные и заранее ненавидящие взгляды добропорядочных граждан. А говорила когда-то мама: от тюрьмы да от сумы не зарекайся... А может, нет ничего верней, чем аксиома: беда не приходит одна?

В отделении – забегаловке из двух комнат и «обезьянника» – было душно, за столом чинно восседал лейтенант и только бросил на Илью Семеновича беглый взгляд, сразу же обратившись к Марине.

– Вы узнаете свои вещи, пострадавшая? Можете перечислить, что находится в сумках?

– Да там даже паспорт мой есть. А квитанция багажная, скорее всего, у него. Вы проверьте! Я как увидела, что он мои вещи получает, – сразу к вам, специально у дальнего окна караулила, как только поняла, что квитанцию украли. И деньги...

Илья Семенович уже все понял, но ему даже в голову не приходило, что он мог на это возразить. Квитанция действительно была в его кармане. Точнее, не квитанция, а какой-то счет, который выдали при получении. На хрена он сунул его в свой карман? Заговорила?

– Сообщники? – спросил сержант и подтвердил свой вопрос ударом дубинки по ногам.

Илья Семенович тут же осел на пол.

– Подожди, не налегай! – остановил замахнувшегося по второму разу сержанта лейтенант.

– Правовое государство, твою мать! – вдруг вырвалось у Ильи Семеновича.

Далее «дознавательско-следственная» машина раскручивалась по давно отработанному сценарию. «Актеры» даже не стеснялись фальшивить, ехидно улыбались, рылись в вещах и документах Ильи Семеновича. Небритый верзила оказался свидетелем, которого гражданин

Лямкина (вот же фамилия!) успела пригласить, когда Савельев И. С. получал ее вещи из камеры хранения. Лейтенант с сержантом старательно нагнетали обстановку перечислением возможных сроков, которые Илья Семенович получит. Гражданка Лямкина стремительно списывала заявление, сержант то и дело тряс Семеныча за грудки, а лейтенант поминутно набирал номер, чтобы вызвать по телефону машину за Ильей Семеновичем. Но, видимо, там от века было занято. По сценарию.

Кульминация «спектакля» наступила, когда составленный протокол подписывал осведомленный о даче ложных показаний свидетель. Верзила вдруг смягчился лицом, с явным сочувствием посмотрел на Илью Семеновича и дрогнувшим «от душевных переживаний» баском обратился к Марине Лямкиной:

– Слышь, девах, может, пожалеешь мужика? Сумки-то при тебе. Что ему теперь, за шмотки твои последние годы по зонам мотаться? Умрет ведь, блин... – Но самая существенная часть речи защитника прозвучала уже более весело: – А он тебе моральную компенсацию оплатит? Правда, мужик?

– Это, конечно, ваше дело, гражданка Лямкина, – подыграл лейтенант, – хотя нам рас-

крытое преступление не помешало бы. Премии, награды.

Сержант ехидно хохотнул. А Марина с хорошо отыгранной ненавистью глянула на сидевшего на скамейке Илью Семеновича.

– Сколько? – дошло до Ильи Семеновича. Как сразу-то не догадался.

– А сколько у него там есть? – как бы без интереса полюбопытствовала гражданка Лямкина.

Это были деньги за дом и сад и добрая половина отпускных. Лейтенант назвал сумму так, будто он ежедневно получает такую в качестве административного штрафа с граждан, нарушающих общественный порядок. Таким же тоном Марина Лямкина запросила почти все, любезно оставляя Илье Семеновичу рублей триста на обратную дорогу.

– Дешево отделается, – решил лейтенант, – но дело ваше.

Прежде чем Савельеву дали уйти, лейтенант прочитал ему назидательную лекцию, завершавшуюся логичным предупреждением:

– Лучше тебе, дядя, больше к нам не попадать.

– Да я бы ему!.. – сержант, похоже, настолько поверил, что стоявший перед ним мужчина

настоящий преступник, что готов был повторить в отношении него задержание бессчетное количество раз и даже применить пытки для установления справедливости.

Илья Семенович поспешно вышел в кишасщее суетой чрево вокзала и двинулся в сторону перрона. За дверью, которую он только что захлопнул, раздался звонкий хохот Марины Лямкиной, да еще прокомментировал что-то лейтенант. Илья Семенович подумал вдруг пойти к окну выдачи багажа: может, тот бритоголовый парень подтвердит, что багаж они получали вместе с девушкой. Но горько усмехнулся над очередной своей наивностью. Никого там не найти, кроме очередного свидетеля его преступления. Да и вообще, мысли о мести очень быстро уступили желанию поскорее уйти, а обида почему-то была не на конкретных людей, а на всю матушку-Москву. Он и раньше-то считал, что Москва жрет чужие деньги. Нет, она слезам никогда не верила и не поверит, она верит деньгам.

За всю свою жизнь Илья Семенович никогда не жаловался на сердце. Да и другими недугами болел только пару раз. И поэтому, когда сердце заболело, он, не знающий, каким образом это выражается в человеческом ор-

ганизме, даже не обратил внимания. Он просто шел в сторону перрона, с ужасом осознавая, что, ко всем бедам, – его поезд ушел. И когда уставшее кричать о своей невыносимой боли сердце вдруг треснуло по швам, если они у него есть, ноги у Ильи Семеновича перестали идти, а глаза видеть. Нет, это не было похоже на киношные падения с ахами и охами и хватанием за грудь, с медленным оседанием на пол. Это больше походило на падение оловянного солдатика, сбитого щелчком играющего ребенка...

Кроме «Склифосовского», в Москве Илья Семенович ничего не знал, поэтому, очнувшись, он решил, что находится именно там. Глаза медленно привыкали и к свету, и к новой обстановке. Правда, ничего, кроме бледно-серого потолка, проводов и капельниц, опутавших его кровать, увидеть ему не удалось. Зато услышал почти сразу:

– Доктор! Алексей Иванович! Больной из семнадцатой в себя пришел!

И уже через минуту увидел над собой лицо молодого, но по-профессорски бородатого мужчины. Он познавательным взглядом заглядывал ему в глаза и щупал пульс.

– Как себя чувствуете? Говорить можете?

– Никак, – ответил на все его вопросы Илья Семенович. Очень тихо ответил, потому что в горле стоял сухой ком.

– Воды! – сообразил доктор.

– У вас инфаркт. Еще нельзя сказать, но опасность миновала.

– Ясно. – Савельев с огромным удовольствием выпил полстакана воды.

– В ваших документах не было медицинского страхового полиса. Он у вас есть? Бесплатно мы могли оказать только первую помощь. – Доктор не извинялся, он говорил как привыкший к чужой боли и новой выживательно-капиталистической системе человек. Но и недоброжелательства в его голосе не чувствовалось.

«Опять деньги», – подумал Савельев.

– Могу я вас попросить? – вновь закрыл глаза Илья Семенович, напрягая размытую темнотой забытья память.

– Конечно, – ответил доктор из новой жизни.

– Позвоните в Горноправдинск. Это Ханты-Мансийский район. В Правдинскую экспедицию, и передайте... Телефонограмму, что ли? Скажите: Савельев попал в беду, срочно нужны деньги и помощь... Назовите адрес больницы.

- А кому передать?
— Тому, кто ответит.

Первую ночь в сознании Илья Семенович не спал. Да и «надоело» организму небытие, особенно не хотел отключаться мозг. Хотя думать, собственно, было не о чем. Что-то важное в жизни уже кончилось, а новое еще не началось. Под окном какой-то подпитой мужичок горланил новую псевдонародную песню:

На хрена нужны юга,
На хрена столица?!
Улечу на Север я,
Буду вольной птицей!

Мужики из бригады были в Москве уже через три дня. Двое ехали в отпуск, а друг Ильи Семеновича, Митрофанов, приехал специально за ним. Кроме денег, они привезли с собой стерлядь для ублажения медицинского персонала и заверения для Савельева, что его ждут на работе. Какие после этого еще нужны лекарства? Но самое интересное Федор Митрофанов сказал Илье Семеновичу в день выписки, видимо, дожидаясь, когда доктор будет уверен, что Савельев сможет перенести волнение:

– Жена твоя, Елена, вернулась. Молодым-то дали квартиру. Она теперь в вашей трехкомнатной порядок наводит. Ты это, Семеныч, не волнуйся. Уж не знаю, из-за тебя или нет вернулась, а, может, ей в этом суверенном Казахстане тоже не вмоготу стало.

– Вернулась... – только-то и сказал на все это Илья Семенович.

– Да и слава Богу!

– Слава Богу...

Теперь Илья Семенович знал, как болит сердце. И даже понял, что болит оно не только от печалей, но и от переполнения радостью, от ожидания ее.

Баржа, сплошь уставленная машинами, подходила к Горноправдинску. Еще несколько километров – и будет устье Кайгарки. На крутом правом берегу Иртыша, как и сотни лет назад, высились величественные холмы, плотно, словно древние витязи на поле брани, выстроились на них ели и кедры. Частые буреломы не портили пейзажа, а, наоборот, добавляли ему сказочности. На левом пологом берегу тянулись ивняк и луга, изредка, будто призраки давнишних времен, показывались полуразваленные, покосившиеся избы и хозяйственные постройки – заброшенные деревни, да на око-

лица угадывались заросшие кустарниками погосты...

Сколько раз ни возвращался сюда – всякий раз кажется, что, несмотря на всю седину прошедших по этому краю времен, здесь все только начинается. Нет, жить здесь нелегко; просто после развала великой державы кому-то досталось теплое солнышко, кто-то выторговал себе синее и черное море, кому-то – близость Европы, а здесь – здесь осталось ощущение будущего. Это неправда, что человек ищет, где лучше, он ищет, где есть ощущение будущего. «Вероятность наступления завтрашнего дня», – домыслил, как ему показалось философски, Илья Семенович. Уже показались цистерны ГСМ на берегу и трехэтажные каменные дома на самом высоком холме, когда он задремал, а потом и вовсе погрузился в глубокий сон выздоравливающего человека.

Савельеву снова приснился сад. Навстречу ему шел отец и, взяв за плечи, сказал, как и несколько лет назад, только без упрека:

– Вот он, ваш Север-то...

НОЧЬ ПЕРЕД ВЕЧНОСТЬЮ

Командовал расстрелами в эту ночь комиссар Кожаный. Фамилия это или прозвище, Анисимов не знал. Рассказывали только, что Кожаный был лично знаком с Дзержинским, Петерсом, чекистил где-то на Урале и был награжден именным маузером, которым размахивал по любому удобному случаю, особенно когда излагал контре, а то и своим подчиненным светлые идеи марксизма. Правда или нет, но при этом он перекладывал маузер из правой руки в левую и показывал ладонь:

– Вот эту руку с чувством благодарности пожал Ленин! – и потом, чтоб подбодрить красноармейцев перед очередным залпом, добавлял: – И ваши натруженные честные пролетарско-крестьянские руки пожмет наш Ильич, когда мы очистим от буржуазно-белогвардейской нечистивсю страну, а затем вступим в совместную со всем пролетариатом борьбу за счастливое будущее всего человечества! – после этого следовало: «Заряжай! По врагам

трудового народа... Пли!!!» – и на лице его отражалась хищная, прямо-таки природная ненависть к тем, кто сейчас по его команде примет смерть.

Кожаный в своей кожаной куртке казался каким-то двужильным в осуществлении мировых замыслов пролетарских вождей и постоянно поторапливал:

– Быстрее, быстрее! Мировую революцию проспите!

Расстрельная команда заспанно и нехотя вышла во двор, матерясь, протирая глаза, раскуривая одну сигарку на всех. Никто не смотрел в усыпанное звездами и похолодевшее за ночь августовское небо, только ежились с недосыпу да поплеывали в сыроватую тюремную землю. Не смотрели и друг на друга. Близился рассвет, и каждому хотелось поскорее на «заслуженный» отдых. И, наверное, каждый в душе надеялся, что следующий залп будет хотя бы в эту ночь последним. Еще они поглядывали на зарешеченные окна, из которых смотрели иногда заключенные. Чтобы увидеть, что происходит во дворе, а может, и узнать среди расстреливаемых знакомых или родственников, они вставали друг другу на плечи.

При построении рядом с Анисимовым оказался бывший путиловец Федотов. Он был старше всех и пытался все объяснить и каждого ободрить. И сейчас, добывая анисимовский окурок, он то ли Анисимова, то ли самого себя успокоил:

– Ничего, паря, они нас в девятьсот пятом цехах расстреливали, шашками да нагайками...

«А че вы лезли!» – вдруг обозленно подумал Анисимов, но сказать вслух не решился. За такое Кожаный, невзирая на прежние боевые заслуги, к стенке поставит. И свои же затворами клацнут. Мысли его оборвал удивленный и одновременно приглушенный голос Федотова:

– Ба! Да это же владыка!

Анисимов восторженно вскрикнул. Караульные вели нового смертника. Это был Петроградский митрополит Вениамин. Одетый в обычную черную рясу, без громоздкого нагрудного креста, он больше походил на старца-схимника, только что вышедшего из затвора после долгого изнурительного поста и нескончаемой молитвы. Ветер бросал длинные серые пряди волос на осунувшееся, с глубокими складками морщин лицо, и то ли была в нем нео-

бычайная бледность, подчеркиваемая ночным мраком, то ли исходило от него удивительное, необъяснимое свечение. В глазах же – отрешенность. Он был настолько спокоен и невозмутим, что, казалось, его ведут не на смерть, а отпеть очередного покойника. Руки у него не были связаны, и он, встав у стены лицом к расстрельщикам, перекрестился и что-то прошептал, глядя в ночное небо.

Анисимов тоже помнил Петроградского митрополита. Именно он служил молебен и благословлял полк новобранцев, в который попал Анисимов перед отправкой на фронт. «За Веру, Царя и Отечество...» И теперь, в августе двадцать второго, митрополит, благословивший Анисимова на рать с немцами, стоит у расстрельной стены и, наверное, в последний раз исповедуется перед Самим Господом Богом. Анисимов потупил глаза.

– Ты цель прямо в сердце, чтобы владыка не мучился, – шепнул где-то поблизости Федотов, и Анисимов навел мушку на грудь митрополита Вениамина.

– По черносотенно-религиозной контре...

«А если бы заставили расстреливать царя?! Ведь кого-то заставили. Господи, помилуй мя, грешного...»

– Пли!

Анисимов спустил курок. Залп оглушил на мгновение, заставил закрыть открытый при прицеливании правый глаз. Он знал точно – его пуля сейчас разорвала сердце отца Вениамина, и где-то рядом еще шесть раз по девять грамм. Открыл глаза. Митрополит стоял невредимым и все так же задумчиво смотрел в небо. Казалось, собственный расстрел его уже не интересует, душа и разум давно устремились к Тому, служению Которому он посвятил всю свою жизнь. Но тело оставалось невредимым! Из оцепенения Анисимова вывел истошный крик Кожаного:

– Вы что, курвы, мать вашу! Глаза не продали! Да если бы в ночном бою, да с десяти шагов, да вас давно бы всех любая белогвардейская сволочь перестреляла! Заряжай!

Еще секунда. Клац-клац.

– Пли!

После пятого залпа солдаты зароптали. Растерялся даже сам Кожаный. Для поднятия «боевого духа» он самолично проверил все семь винтовок и сам встал в строй, раскобурился свой именной маузер, приказал сделать пять шагов вперед.

– По моей команде...

– Я слышал, в других странах больше одного раза не расстреливают, – довольно громко заявил Федотов.

– Молчать! Ты мне эту буржуазную демократию брось, а то встанешь рядом за контрреволюционную пропаганду! Фокусник этот поп! Факир, мать вашу! Что, не видали, как в цирке баб распиливают? Заряжай! Пли!

После шестого залпа некоторые украдкой крестились. Стреляли уже почти в упор, но митрополит оставался невредим. Кожаный настолько рассвирепел, что, казалось, окажись сейчас перед ним сам Михаил Архангел, он и его бы приказал расстрелять.

– Заряжай!

И тут стоявший с краю молодой красноармеец, призванный недавно из тамбовской губернии, упал на колени и слезно, как перед иконой, взмолился:

– Батя, помолись, измучились мы в тебя стрелять!

Отец Вениамин восторженно вскрикнул и вернулся с неба на землю. Будто позабыл чего. Он беззлобно посмотрел на своих убийц и как-то по-отечески взглянул на солдата, который смущенно поднимался с колен. Грудной голос митрополита вернул ту ночь 27 августа

1922 года к земной кровоточащей реальности.

– Благословен Бог наш, всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь, – произнес владыка и осенил крестным знамением расстрельщиков. Кожаного при этом жутко перекосило. Пена ненависти выступила у него на губах. Неистово, с перекошенным ртом он словно вытолкнул из себя:

– П-п-ли...

После залпа отец Вениамин не упал, а медленно опустился на колени. Глаза его были устремлены к небу, где на востоке багровел рассвет. Так и повалился на спину, чтобы даже мертвыми глазами смотреть на небо.

Капитана НКВД Анисимова Тимофея Васильевича арестовали в 1937 году. В вину ему поставили религиозную пропаганду и клевету на советскую власть.

– Так вы утверждаете, что сумасшедший бред гражданина Кожаного, пребывающего с 1922 года в психиатрической лечебнице, о расстреле врага трудового народа митрополита Вениамина – правда? – только-то и спросили его на скором «троечном» суде.

– Так точно. Кроме одного... – Судебные роботы насторожились.

– Отец Вениамин не был врагом трудового народа...

Дальше – как по маслу. Нашли в доме медали за Первую мировую и приляпали к обвинению «скрытого монархиста и агента белоэмигрантской организации». Порылись в делах, которые он вел, а там...

– Получается, что сбившихся с пути, но социально близких уголовников вы, говоря просто, со свету сживали, а разная философско-интеллигентская сволочь и, что примечательно, попы уходили из ваших рук на свободу или получали минимальные сроки для отвода глаз...

Расстреливали Анисимова не у стены. У ямы, уже доверху заваленной трупами. Августовская ночь звала жить, ветер в лицо отгонял плывущий за спиной смрад смерти. Почему-то Анисимов не боялся. Он вспоминал давно забытое: «Господи, Иисусе Христе, помилуй мя, грешного паче всех грешных...» Перед последней командой он еще раз за эти годы вспомнил отца Вениамина. «Отче Вениамине, моли Господа обо мне...» Залп из семи стволов столкнул его в яму, но сознание не

угасло. Он просто лежал с закрытыми глазами и слышал, как переговаривается наряд.

– Этот готов. Можно не проверять. Семь дырок на одного. А вот сейчас грузовик придет, то-то будет работы. И откуда столько врагов народа?

– Дак страна-то вон какая...

Самое страшное, что помнил отец Тимофей, а в будущем иеромонах Вениамин, – это то, как он выбирался из-под кучи наваленных на него трупов; самое светлое: когда пришел в себя, увидел, что над ним склонился владык Вениамин и сказал:

– С именем Господа ничего не бойся.

1994

КРЕСТ ПЕРЕКРЕСТКА

Снег падал даже не пухом, а целыми лохмотьями. Будто тысячи рук наверху резали, кромсали зазубренными ножницами белый тюль. Рассвет был еще где-то в двух часах к востоку, а пока в свете уличных фонарей сквозь вселенское безветрие причудливо падал снег. Первым его заметил Миша. Он подошел с сигаретой к форточке и замер. В голове шумел пивной прибор и тупой негритянский рэп, от которого в таком восторге были Лариса и Андрей, что слились друг с другом, качаясь под барабанный речитатив, и готовы были слиться еще плотнее, но для этого Миша с Леной должны были уйти в другую комнату. А Михаил вдруг замер у окна...

Мир за спиной показался ему безобразно жухлым, как гниющая под дождями осенняя листва, перемешанная с грязью. Останки креветок, пакеты из-под чипсов, опустошенное стеклянное царство «Сибирской короны»... Подумать только: выпитая сибирская корона!

Измеренная пузырястыми литрами и выпитая, «корона» давила на голову, соответственно, не снаружи, а изнутри.

Четыре свечи на столе теперь уже не казались интимным интерьером, а виделись факелами в разрушенном, разоренном городе. Только стеллажи с отцовскими книгами и стоявшие под торшером два наследственных кожаных кресла были последним оплотом романтической респектабельности. Даже родственный креслам диван уже потерял свою представительность, захламленный брошенной на него одеждой. А за окном с темно-фиолетовых небес спускалось холодными хлопьями очищение.

Музыка в конце концов затихла, а друзья не могли попросить еще – им мешал долгий поцелуй. Лена подкралась к нему на цыпочках, и, обняв за плечи, поцеловала в ухо. Миша повернулся и приложил палец к ее губам, кивнул на окно. Она прижалась лбом к холодному стеклу, сжимая его руку, и затаила дыхание. Уловила его настроение и погрузилась взглядом в пушистую тишину. Всю многоэтажку, казалось, слегка укачивает, баюкает, и спать следует не до утра, а до весны.

Кто придумал сравнивать русских с медведями? Медведям суждено проспать всю эту красоту!

За спиной звонко чмокнули, разомкнувшись, губы друзей. Лариса обиженно вздохнула, Андрей предупреждающе кашлянул. Им ничего не оставалось делать, как только присоединиться к Лене и Михаилу.

– Лепота! – оценил и одновременно испортил все Андрей. – На улице сейчас кайф! Муха, погнажи, прокатимся, а потом баиньки!

Правда! Поедьте! – порхнула руками Лариса. – «Ей хоть ехать, хоть плыть, хоть лететь...»

– Я тоже хочу, – шепнула в хранящее тепло губ ухо Лена.

Это уже был приговор.

– Я же гонщик, – буркнул Михаил, направляясь в прихожую.

– Ты го-о-нишь, – наигранно потянула Лариса, вытягивая следом за руку Андрея.

Громкой компанией они вырвались из подъезда, девушки тут же начали лепить снежки и бросать их в своих возлюбленных. Пришлось провести короткий позиционный бой вокруг ярко-красной машины Михаила – «Toyota Celica». Снег брали с капота

и багажника. Потому скоро стала видна хищная мордочка приземистого японского «покемона». Она тоже хотела принять участие в сражении. Раскосые аэродинамические фары ждали команды «банзай». Не самая крутая в мире спортивная машина, но Миша любил ее чуть меньше Лены и чуть больше родительской квартиры – родового гнезда. За нее (в материальном смысле) он отдал все, что у него было, и все, чего у него не было, но что смогли отдать ему родители. Да, она во многом уступала 924-му «Porsche», но это была его, Мишина, машина. Вообще-то он видел ее как машину для двоих, но в эту ночь ему пришлось сделать исключение. Пьяный азарт затолкнул четверых друзей в стального цвета салон, обещающий покорение скорости.

И в приличные морозы машина заводилась одним поворотом ключа, а в это утро – даже с каким-то присущим живому существу вожделению. Они еще не успели выехать из двора, как Андрей с Ларисой переплелись на заднем сидении в долгом поцелуе, предполагающем их полное отсутствие в окружающей действительности. Зачем тогда поехали? Михаил решил не смотреть в зеркало заднего

вида, но несколько озлобился, нога невольно придавила педаль газа. Лена на соседнем сидении ойкнула, но больше это походило не на испуг, а на подначку. Короткая юбка и телесного цвета колготки, подчеркивающие длину и стройность ног, падающие на них через верхний люк снежинки – куда ехать?! Приехали...

Улицы были пусты, как марсианские каналы. Переулки кончались, не успевая начаться. Дворники с трудом разгоняли снегопад на лобовом стекле. Красная японская пуля по имени «Celica», заправленная русским адреналином, «Сибирской короной», и смятением чувств, неслась к сердцу города, рассчитывая пробить его навылет, чтобы широкой аортой проспекта уйти в сторону окружающего жилые массивы леса. Эх, катались раньше на тройках да в санях, а тут режут под тобой сто девяносто лошадей, и уже как в анекдоте: «Я слишком быстро еду? Нет, вы слишком низко летите».

Ноги и глаза Лены, разрез джемпера, где глубоко и часто вздымалась аккуратная и красивая грудь, закручивающийся спиралями снег и растворяющийся в нем свет фонарей, мерцание приборной доски... И вышедшая

из рассветной мглы на дорогу фигура старушки – светло-серое в свете фонаря пальто и пуховый платок.

Михаил увидел ее слишком поздно. И снег, поднявшийся волной до самого бампера, не сократил самый длинный в жизни Михаила тормозной путь. Нажимая короткими движениями на тормоз, он осторожно выворачивал руль, выигрывая у пространства хоть какие-то сантиметры, но последние метры машина снижала скорость уже боком, шла к цели задним правым колесом.

А старушка, как замороженная, замерев с прижатой ко рту вязаной варежкой, ждала. Косоглазая, злая с виду «Toyota» пренебрежительно ударила пожилую женщину красным, дразнящим едущих за ним водителей задом, отбросив ее на несколько метров. Лена вскрикнула, на заднем сидении прервался без звука поцелуй. У Михаила подпрыгнуло и остановилось на мгновение сердце.

– Жми на газ! Дергаем отсюда! – крикнул с заднего сидения Андрей, на что Михаил только зло зыркнул в зеркало и дрожащей рукой открыл дверцу.

Как в триллере, в тихую ночь ворвался ветер, утробно загудел вдоль улиц и, разбрасывая рых-

лый белый прах, стал биться в темные глазницы окон, стекла витрин и двери подъездов.

Старушка была жива. Михаил опустился рядом с ней на колени и прерывающимся голосом позвал:

– Бабушка...

Она открыла глаза и стала шептать сквозь рваное, неровное дыхание.

– Ты не виноват, не виноват ты...

– Бабушка, простите меня...

– Господь простит. Ты не виноват, а то они ломают тебе жизнь-то. Я сама, дура старая, на дорогу выскочила. По сторонам не смотрела... Ты не говори им...

– Скорую! Вон автомат! – крикнул Михаил Лене, которая все же решилась выйти из машины и теперь стояла в нескольких шагах, боясь подойти ближе.

– Быстрее!!! – Михаил крикнул с такой силой, что замер даже ветер. Лена очнулась, бросилась к телефону-автомату.

Старушка то замолкала, то снова начинала шептать. Минуты неповоротливыми валунами падали одна на другую, секунды стучали в висках.

– Я-то пожила уже... А тебе жить надо... За меня и помолиться некому будет. Ой, больно чего-то в груди, дышать больно...

– Бабушка, вы молчите, силы берегите, я боюсь вас на своей машине в больницу везти, вдруг вас трогать нельзя, носилки надо.

Михаил стянул с себя «алюску» и укрыл женщину. Та шепотом запричитала:

– Чего ты?.. Простудишься сам...

Скорая «примчалась» минут через двадцать, из кабины вышел подчеркнуто нерасторопный доктор и, увидев лежащую на земле пожилую женщину, почему-то спросил:

– Милицию, ГАИ вызвали?

– Нет, – удивленно взглянул на него Михаил.

– Бабушка, ноги чувствуете, – соизволил наклониться к пострадавшей врач.

– Не знаю, сынок, не знаю... Ты вот что, главное, ты запомни и милиции обязательно подтверди, парень этот не виноват, я сама неосторожно на дорогу вышла.

– Щас, фельдшер носилки подаст...

– Да ты главное-то запомни, а то если я вдруг не смогу потом сказать, свидетелем будь. Парню-то чтоб жизнь не сломали!

– Хорошо, хорошо, бабушка, сейчас мы вас аккуратно на носилки положим, а потом в больничку поедем.

– Да уж лучше сразу на кладбище, мне уж пора давно... – и замолчала, дыхание становилось тише.

Рядом ударил колокол. В Никольской церкви. Гул первого удара словно стряхнул с неба последние снежинки. Снегопад прекратился. Замер ветер.

– К заутрене хотела... – прошептала старушка, когда носилки ставили в кабину «неотложки».

Под благовест гаишники пытались найти и измерить тормозной путь. Негромко и неуместно матерились. Михаил сидел на водительском сидении боком, свесив ноги на улицу: подбородок на кулаках, локти на коленях. В глазах – бездна пустоты. У него что-то спрашивали, он отвечал невпопад, гаишники злились, пытались его растормошить, Андрей с Ларисой извинились, по-тихому поймали такси и уехали, Лена мерзла где-то рядом, но он не ощущал ее присутствия. Низкое небо остановилось над перекрестком, кто-то сверху смотрел в этот бетонно-кирпичный прицел, в центре которого замерла красная машина, похожая на монстра из иностранного мультфильма.

Самым удивительным оказалось то, что тест на алкоголь был отрицательным.

* * *

Старушка умерла в больнице через неделю. За эти дни Михаил, носивший ей фрукты и соки, узнал, что звали ее Антонина Павловна, что мужа и двух сыновей она потеряла на Великой войне, что с тех пор жила одна, как перст, и последнее, что связывало ее с этим да и с тем миром была маленькая церковь.

До последнего своего дня, оставаясь в сознании, Антонина Павловна донимала докторов и приходивших к ней следователей упрямым враньем о невиновности Михаила. Ей никто не верил, задавали вопросы с подковырками, но старушка злилась, обижалась, требовала бумагу, чтобы парня «не замаяли», и периодически впадала в беспамятство, выходя из которого первым делом требовала: «Парня не трогайте! Сама перед его красной машиной, слепошарая, выскочила...» И парня не замаяли. А он часами сидел в коридоре все с тем же пустым взглядом, и легче ему не становилось. Хотел было напиться, но водка не пошла, почувствовал в ней какой-то сернистый привкус, будто кто добавил в нее сероводорода. Купил другую бутылку – то же самое. И вылил обе в унитаз.

Андрей с Ларисой на похороны не пошли. Были только несколько старушек из храма, что

шептали молитвы да косились, кто с неприязнью, а кто с пониманием, на молодого парня в джинсах и свитере, что сидел за поминальным столом, не решаясь притронуться к блинам или кутье. Лена пришла ненадолго, побыла для приличия, шепнула несколько слов ни о чем на ухо, повздыхала в тон старушкам, полистала альбом с фотографиями и удалилась, не рассчитывая вызволить за собой Михаила. Что тут скажешь: всем хочется быть подальше от смерти, потому как собственная кажется если и не невозможной, то, во всяком случае, маловероятной в данный проживаемый отрезок времени.

Одна из бабулек под села к Михаилу и тихо посоветовала:

– Ты, паря, сходи на исповедь к отцу Михаилу. К нам, в Никольскую. А то ведь поедом себя съешь. Нельзя так. Сходи-сходи. Ему все расскажи, и на душе увидишь как легче станет.

– Машину что ли разбить? – спросил пустоту Михаил.

– Нет, ты наперво сходи, батюшка наш, тезка твой, он душу читать умеет.

Дома Михаил прочитал в отцовских книгах об исповеди, об епитимьи. Он мог часами

лежать на кожаном диване, глядя в одну точку на потолке, и точка эта проецировалась куда-то в космическое пространство и витала там вопросом о смысле жизни, который, в свою очередь, распрямлялся в восклицательный знак, следующий за криком: «Жизнь – нелепость какая-то»! Никак не получалось хоть немного убедить себя в невинности, хоть часть вины свалить на свою кампанию, и не получалось это именно потому, что невинным его назвала сама Антонина Павловна. Грубый реализм ситуации дополнился тем, что в один из дней к Михаилу явился Андрей и попытался его «успокоить»: ничего, мол, страшного не произошло, есть такие перекрестки, на которых две прямые обязательно пересекутся, и радуйся, что не ребенок выскочил под машину, а бабуля, которой прогулы на кладбище ставили... «Она не выскочила, потому что бабуля», – ответил Михаил, отвернувшись к стене, – не нашел в себе сил послать друга подальше вместе с его демагогией. Тот же, в конце концов, успокаивать и сочувствовать пришел, облегчить страдания, подвести под научную основу оправдание ошибки.

Потом можно было продолжать жить дальше. Хочешь не хочешь, а двигаться во времени

приходится. Лежа, сидя, ползая или на бегу, разговаривая или пребывая в глубокомысленном молчании. Человек ко всему привыкает, и к чувству вины – тоже. Лена приходила, бродила по комнатам, как привидение, гладила его по голове, когда он лежал на диване, и больше между ними ничего не происходило. Так или иначе, она была рядом.

На исповедь у Михаила духу не хватило. Он несколько раз вставал в очередь к амвону, но какая-то сила выбрасывала его из храма, ему становилось душно и тяжело, происходящее вокруг казалось нелепым и ничего не решающим. Так ходил он несколько дней между бесами и Ангелами, что тянули его в разные стороны: одни в храм, другие из храма. И тогда Михаил сам на себя наложил епитимью. Каждый день после службы он подъезжал к храму и предлагал калекам, что просили милостыню у ворот, и старушкам, ковыляющим после службы домой, бесплатно их подвезти.

Первое время его чурались, отмахивались, не верили, что бесплатно, незаслуженно называли Михаила бандитом и машину бандитской. Но однажды из ворот Никольской церкви вышла та самая женщина, что уговаривала его на поминках пойти на исповедь.

– Ой, Миша, – обрадовалась она, – и правда подвезешь? Как раз у меня ноги чего-то болят.

И еще позвала с собой подругу.

С тех пор его не боялись, и машина всегда полная отъезжала от храма, чтобы петлять по узким улочкам старого города, а после «забрасывать дальних» в какой-нибудь из микрорайонов. Несколько раз подвозил опаздывающих на дом дьяконов, а один раз – даже благочинного.

Через месяц Михаил стал приезжать за полчаса, час до окончания службы, в зависимости от того, как позволяла работа. Теперь он без опаски и тяжести в душе входил в храм. Стоял на службе, подходил к иконе Святителя Николая и подолгу смотрел в его строгие, но добрые глаза. Отец Михаил подарил ему молитвослов, и по вечерам Михаил открывал его, чтобы прочитать сбивчивым шепотом несколько молитв, которые казались ему белыми стихами. Дошли руки и до Библии, правда, Ветхий Завет осилить не смог, а вот Евангелия и Деяния – прочитал несколько раз. Он сам не заметил, как в жизни появился совершенно новый смысл, правильнее сказать, не «новый смысл»,

а смысл вообще, ибо предыдущее существование представлялось ему теперь беспорядочной и глупой суетой. Друзья, которые, получалось, не были друзьями, постепенно отходили от него. Кой прок от человека, который не ходит на шумные вечеринки, не обсуждает новую серию «Властелина колец» или «Матрицы», не интересуется современным автомобилестроением и не волнуется за курс доллара? Рядом оставалась только Лена, и ее Михаил вдруг увидел совсем другими глазами. В один из теплых февральских дней она перестала быть просто объектом вожделения, слепой страсти, у чувства появилось совсем новое качество. Нет, страсть не улеглась совсем, не исчезла, просто обрамилась бережливой нежностью. Это когда женщин носят на руках не ради себя, а ради женщин.

В один из мартовских гололедных дней, перед Страстной неделей, к машине Михаила раньше старушек или священников подошел бритоголовый здоровяк в кожаном плаще.

– Брателла, до Воровского не подбросишь? – попросил он. – У меня товарищ где-то завяз, а у мобилы батареи сдохли.

– Садись, – кивнул Михаил, обет есть обет.

Попали в «красную полосу», и на каждом светофоре приходилось стоять. Пассажир явно нервничал.

– А быстрее-то нельзя? Машина – зверь!

– Я по городу больше шестидесяти не езжу.

– Че так?

– Правила такие.

– Да ты че, братан, правильный? Ты че – нерусский? Быструю езду не любишь?

– Люблю, но только на трассе Париж – Дакар.

– О как! – и замолчал с таким видом, точно сидеть рядом с таким водителем для него жуткое оскорбление.

На улице Воровского остановились у одной из многоэтажек. Пассажир деловито полез в бумажник.

– Скока лавэ, брат? Сотки хватит?

– Я денег от храма не беру.

– Слышь, я тоже ведь не урюк какой, специально в церковь ездил Николе свечку поставить. Этта мой святой. Поэтому ты меня не обижай, одного бензина скока сжег. Короче, вот... – и оставил на сидении сложенную пополам сторублевку.

Михаил посмотрел на нее так, будто она сейчас прожжет сидение. Но успокоился, по-

думал: «Отдам нищим», правда, с места рванул, как давно уже не делал. «Toyota» утробно рыкнула и понеслась.

Уже после Пасхи Михаила разыскал Андрей, который иногда выступал его менеджером на гонках регионального масштаба. Нашел он его вечером у храма.

– Ну, не надоело еще извозчиком у Господа Бога работать? – это он сказал вместо «здравствуй» или хотя бы «привет».

– Нормально, – бесцветно ответил Михаил.

– Есть предложение. Тут областная федерация проводит кольцевые гонки по грунтовке. Первый приз – три тысячи баксов, второй – две, третий – одна, участие – две-сти. Ну, разумеется, тотализатор, можно ой как накрутить. Заявки подают еще три дня. Я пока застолбил на нас местечко. Спонсором выступает банк «Коммерциал». Ну как?

Михаил закусил губу. Он не думал о соревнованиях уже несколько месяцев, упустил пару лестных предложений. В итоге – его могли вообще списать со счетов. В кровь плеснуло адреналина, сердце ёкнуло и припустило, вспотели ладони: прямо-таки почувствовал на своих руках беспалые кожаные перчатки.

– Ну?! Рожденный летать – не может ползать! – Андрей растянул улыбку, замечая, как загорелся подзабытой страстью взгляд Михаила.

– Я ж не большой специалист по кольцевым, – последняя капля сомнения покинула душу гонщика.

– Чепуха! Ты прирожденный пилот! Ты и вокруг столба смог бы.

Михаил грудью лег на руль. Тихая улочка от Никольской церкви упиралась впереди в центральный проезд. Там наступающие сумерки разноцветными пулями рвали иномарки. Еще недавно – от светофора до светофора – Михаил всегда был первым. Прошлое поманило его азартом и беспечностью. Ну не в монастырь же теперь уходить...

– Садись, – кивнул он на соседнее сиденье Андрею и повернул ключ зажигания.

Включил фары и вдруг...

Всего на пять-семь секунд в свете фар появилось видение: старушка в сером пальто и пуховом платке, испуганный взгляд, прижатая к губам вязаная варежка... Антонина Павловна! Как в ту злополучную ночь. Холодный пот выступил на лбу, ледяными горошинами прокатился по спине.

– Ты видел? – спросил Михаил Андрея, успевшего сесть рядом.

– Чего? Кого? – улыбался Андрей.

– Нет.

– Чего нет?

– Я не буду участвовать.

– Да ты что, Михаил?! Тебя же спишут!

– Пусть...

– Ты же ничего больше не умеешь. У тебя же дар от Бога!

– А я, как ты заметил, на Него и работаю...

– Шум трибун на церковный хор поменял.

Домой Михаил вернулся поздно. Лена ждала его, давно приготовила ужин. С тревогой посмотрела в глаза, знала, что Андрей разыскивал его.

– Мне тут работу предложили.

– Ну и?

– Благочинному водитель нужен, пока со своей машиной, потом «Ниву» купят. Платить будут неплохо, не хуже, чем в какой-нибудь коммерческой фирме.

– А ты?

– Согласился.

– Слава Богу.

— Батюшка обещал нас обвенчать.

Через некоторое время Михаил прочитал в газете, что на областных кольцевых гонках произошло несчастье. Несколько машин попали в свалку, трое гонщиков крепко покалечились, двое погибли.

В этот день Михаил заказал сорокоуст за упокой души рабы Божией Антонины.

ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ

Это была тяжелая школа. Человек, который остался в живых после встречи с русским солдатом и русским климатом, знает, что такое война. После этого ему незачем учиться воевать...

Генерал Вермахта Блюментрит

Старый, немного пьяный казах рассказал мне эту историю 9 мая на КПП №-ской части в 1985-м, где он ждал своего внука-солдата. И я ему поверил. Мой дядя, отстоявший Сталинград и оставивший свое имя на берлинских стенах, рассказывал не менее удивительные истории. В принципе, ничего для нас удивительного – верить в победу.

* * *

22 июня 1941 года в 3 часа 15 минут самолеты «Люфтваффе» вторглись в воздушное пространство СССР, чтобы обрушить смертоносный груз на спящие города и военные

аэродромы. 23 июня 1941 года в 15 часов 30 минут Андрей Нилов вышел из больницы с убийственным диагнозом: рак легких на последней стадии. Да еще и эти, как их? А! Многочисленные метастазы! «Два-три месяца – в лучшем случае, две-три недели – в худшем», – признался тихий интеллигентный доктор. Видать, «насобачился» уже беседовать со смертниками из онкологического отделения. В сущности, Нилова отпустили домой умирать, и он, стоя на крыльце с папиросой во рту, раздумывал, как это лучше сделать. Пойти на завод и напиться с ребятами? Не поймут, второй день идет война. Завалиться с девчонками в кабак да гульнуть последний раз? Не поймут, второй день – война. Пойти и удавиться? Не поймут, скажут – слабак. Страха особого перед смертью у Нилова уже не было. Ему санитарки еще месяц назад нашептали, что отнюдь не бронхит у него с осложнениями. Было время подумать. Правда, с одним-единственным вопросом так и не удалось разобраться: почему именно он, Андрей Нилов, двадцати восьми лет от роду, неженатый, комсомолец, передовик производства, награжденный за перевыполнение плана пиджаком фабрики «Большевичка» и прочая, и прочая? Почему? За что?

И как теперь со всем этим быть? Ни в Бога, ни в черта воспитанный в советском детдоме Нилов не верил. Вот и стоял он на крыльце больницы с давно потухшей папиросой в зубах, не имея ни малейшего желания идти в общежитие, где здоровые и шумные ребята собираются добровольцами на фронт. Еще бы, надо же успеть побить фашистов, пока они сами не убежали.

Очень хотелось обидеться на весь мир, но миру, похоже, было не до умирающего Нилова. Точнее, мира не было, была война. Понедельник – день тяжелый. Пожалел его в пятницу доктор. Пока санитарки и сестры шептали, вроде как надеялся еще. А теперь...

А теперь плыли по небу редкие, странные, замысловатые облака, похожие на застывшие взрывы и на испуганные мысли одновременно. Солнце палило так, будто протуберанцами чаяло дотянуться до земли и выжечь на ней всю мерзость и гадость. И – вот удивительно – ponad улицей плыл военный воздух. Именно военный. Он был разжижен слепополуденным зноем, по цвету имел странный темный оттенок, делающий его видимым, и весь насквозь был пронизан летящими отовсюду молекулами настороженного ожидания. Стоило вдохнуть

его, и всё – человек уже не тот, что был вчера, час назад, минутой раньше. Он становится человеком военного времени.

Но вот этот воздух содрогнулся.

Распевая «Прощанье славянки», по улице мимо больничного крыльца прошел отряд еще гражданских, но уже мобилизованных мужиков. Сопровождал их малорослый, осунувшийся от двух бессонных ночей кадровый офицер. Его припухшие глаза иссекали видимые даже на расстоянии кровавые прожилки. Он мельком, но очень красноречиво посмотрел на внешне праздного Андрея Нилова. За отрядом бежали и подстраивались под шаг взрослых мальчишки. Они тоже с весьма недетским недоумением осмотрели стоящего под больничной вывеской Нилова. Словно Нилов только что, перед самым боем, получил в больнице отсрочку, потому как в детстве переболел свинкой. И все вокруг об этом знают!

Постояв на крыльце еще какое-то время, Андрей решительно выплюнул папиросу и отправился обратно в кабинет тихого доктора. Тот без особого удивления встретил своего пациента и будто знал причину его возвращения:

– Нет, в ближайшее время лекарств изобретено не будет. Операция, как я уже сказал, вам не показана. Разве что – чудо...

– Да не-е, – равнодушно отмахнулся Нилов, – я про другое. Дайте мне справку, что я абсолютно здоров.

Вот теперь брови доктора взметнулись от удивления под самую челку. Он, покусывая губы, внимательно смотрел на пациента, вероятно, ожидая продолжения и объяснений. Руки чуть подрагивали.

– Война, – пояснил одним словом Нилов.

– Война, – согласился доктор.

– Дайте умереть с пользой! – занервничал от докторского непонимания Андрей.

Доктор покачал головой, все так же участливо, но весьма отстраненно глядя на Нилова. Целый рой мыслей разлетелся в его голове в разные стороны.

– Вариант эвтаназии?.. – сказал он сам себе.

– Чего? – не понял пациент.

– Да нет... Это я так... Война, я понимаю. Поэтому вы меня решили под трибунал подвести?

– Что вы, доктор! – Андрея прямо-таки скрутило от обиды. – Вы тут со мной столько

возились. Я же говорю, война! Я хоть умру с пользой! Неужели не понимаете?

– Да вы, может быть, завтра уже винтовку поднять не сможете!

– На войне до завтра еще дожить надо. Знаете, доктор, мне всего двадцать восемь лет. У меня девушка была, но замуж вышла за комсорга из нашего цеха. Родителей не помню, батя еще в Первую мировую сгинул, а мать – в гражданскую. И я, доктор, я это... В общем, нет у меня никого. Никто я! Вам не понять, наверное. Я думал, добьюсь в жизни всего сам. Обязательно добьюсь. А теперь жизни нет. Всё! Приехали! – Андрей даже порозовел лицом, отступила вглубь болезненная пепельная бледность. – И вы не хотите мне дать шанс уйти из этой жизни, может, и не героем, но хотя бы... Эх, да что я вам тут... Пирамидон, а не жись...

– Я вас понимаю, – вдруг очнулся от своих невеселых мыслей врач. – У меня отца красные убили, а мать – белые. Я дам вам то, что вы хотите.

Андрей Нилов замер с открытым ртом, пытаясь всмотреться в грустные серые глаза тихого доктора, которого еще минуту назад хотел обозвать «врагом народа». Достаточно

встретить соразмерное горе, чтобы не выпячивать свое.

– Вы тоже детдомовский? – только и спросил Андрей.

– Нет, меня бабушка воспитывала. Пока была жива. Но она тоже умерла. От рака...

– П-ппонятно...

Свою жизнь врач объяснил Нилову в двух словах.

Доктор же вспомнил сегодняшнее утро. Другого мужчину. Сытого, здорового и прилизанного, пытавшегося посредством перезрелой папилломы на ягодице получить отсрочку от призыва. Какие разные они были с Андреем Ниловым!..

* * *

Когда вам повезло в чем-то главном, то может абсолютно не идти в масть по мелочам, и наоборот, малые обстоятельства поворачиваются к вам лицом, а узловое, самое важное – проваливается, буксует или вообще остается недостижимым. Нилов считал, что в главном ему не повезло, зато остальное...

Уже в середине июля Андрей Нилов сражался под Смоленском. Первым вместе с командиром поднимался в атаку, а уже через

минуту шел на неприятельские окопы без командира, сраженного вражеской пулей. Быстро научился у воевавшего под Минском старшего сержанта делать бутылки с зажигательной смесью, которые следовало бросать на моторную часть танка. Главное, что понимал, – эта война надолго, а немцы умеют воевать – педантично и продуманно, и «трусливыми буржуями» их не назовешь. Главное, о чем думал, – лишь бы не скрутило до срока. А срок всё не наступал. Очень не хотелось подвести доктора. Болезнь покуда напоминала о себе только давящей болью где-то в средостении да чрезмерной потливостью и неожиданной слабостью после боя, которая буквально валила с ног. Но потели вокруг все. Кровь, грязь и пот – без этих трех составляющих войны не бывает. Пули и осколки предательски пролетали мимо, выкашивая вокруг Нилова целые роты молодых и здоровых ребят. Наград Андрею не давали, ибо командиров убивало раньше, чем они успевали представить его к награде вышестоящим начальникам, которые, в свою очередь, были жертвами ускоренной замены кадров.

В конце июля бои под Смоленском кончились. Унылые, поредевшие на две трети ко-

лонны в облаках пыли двигались для переформирования на Восток. Среди прочих шел избежавший смерти и окружения младший сержант Нилов. Немцы давили на пятки моторизованными дивизиями. Хоть и вынудили их под Смоленском перейти к обороне, не нашлось еще на всей Великой Руси необходимой силы, чтобы погнать тевтонов, не подтаял еще лед на Чудском озере, не раскисли еще проселки в подмосковных лесах да не выпал дружок-снежок.

О болезни в эти дни думалось меньше всего. Зато вспоминались детдомовские уроки истории. С какой болью в голосе седая и маленькая Ольга Александровна рассказывала о том, как соединившиеся под Смоленском русские армии отступали к Москве в 1812 году. И хуже того, как отступали после Бородино, не проиграв этого великого сражения... А потом покидали Москву. И не понимало сердце Андрюхи Нилова кутузовскую необходимость сдачи столицы, при всей гениальности тарутинского маневра.

Среди идущих в колонне никто предположений не делал, удержим ли Москву. Предпочитали молчать или обмениваться ничего не значащими фразами. Многие оставляли

за спиной свои города, поселки и деревни. Как там родные? И Нилов всё больше проникался всеобъемлющим, спаянным огненным июлем общим горем, на фоне которого свое личное казалось вообще несущественным. Никого из близких не оставалось у Андрея за спиной, никто не встречал впереди.

В октябре Нилов ждал смерти. Все сроки, определенные тихим доктором, прошли. Особых болевых ощущений по-прежнему не было, да и мнить их было некогда, смерть снаружи гуляла куда как проворнее. Действительно – тайфун. После 7 октября под Вязьмой было жарче, чем в июле под Смоленском. Новый командир батальона истребителей танков, в котором служил теперь Нилов, был лет на пять младше Андрея. Фамилия у него была Костиков. Он был щуплый, угловатый и весь из себя интеллигентный. Солдат называл на «вы» и будто бы стеснялся отдавать приказы, иногда сопровождая их волшебным словом «пожалуйста». «Нилов, смените, пожалуйста, Фролова...» Сразу видно, успел окончить институт. И вместе с высшим образованием и ускоренными курсами комсостава на его плечи легли офицерские погоны. Но именно за неумест-

ную вежливость бойцы полюбили лейтенанта Костикова.

Фрицы все отчаяннее сжимали кольцо окружения, а солдаты и командиры генерала Лыкова все отчаяннее сопротивлялись, не оставляя гитлеровцам шанса совершить увеселительную прогулку к Москве. Русская столица фон Боку выходила боком. До его отстранения оставалось чуть больше трех месяцев. Но об этом Нилов ничего не знал и не узнал значительно позже... Ему и фон Бок, и Гудериан, и сам Адольф были по боку. Мог бы достать – задушил бы, порвал на клочки голыми руками.

В середине октября стало особенно жарко. Остатки наших дивизий, сжатые в окровавленный кулак, предполагали прорываться на Восток. Туда, где невиданной донине стеной стоял русский дух, стяжавший в себя дух многих народов. Тех, которых нацистская Германия официально не считала за людей, а если и считала, то – за неполноценных. И вот эти неполноценные с последней гранатой устремлялись под танк, с именем тиранившего их Сталина поднимались в заведомо проигрышную атаку, бросались с голыми руками в рукопашную, когда у них кончались боеприпасы.

Костикова берегли. Еще и потому, что была у лейтенанта несоответствующая боевой обстановке особенность. Он мог прямо в пылу боя впасть в задумчивость, и немалых усилий стоило его привести в чувство. Но оборону батальона он строил продуманно и четко. Берег солдат. И солдаты берегли его. Назначенный батальонным командиром из-за нехватки старшего офицерского состава худосочный Костиков не только справлялся, но мог бы, похоже, командовать полком. Голова у него «варилась» лучше некоторых военачальников с лампасами.

Фрицы между тем озверели. Артобстрел и авианалеты прекращались только на обед, ужин и несколько часов, когда над полями сражений плыла дымная, наполненная удушливой гарью и сладким запахом разложения темнота. И вот наступило утро последней атаки. В это промозглое, уже с первыми заморозками утро остатки батальона, да и прибившиеся к нему бойцы из других подразделений должны были подняться на прорыв вслед за своим щуплым парнишкой. И поднялись. Но так уж вышло, что именно на этом направлении немцы приготовили свою очередную атаку. Поэтому сошлись в низком редковатом подлеске

сытый полк гитлеровцев при поддержке танкового батальона и голодные солдаты Костикова. Аккурат в этот момент, когда надо было принимать решение (а оно могло быть только одним – по одному и группами бежать в сторону, на соседний участок прорыва, ибо героизм тут был более чем неуместен), Костиков впал в задумчивость. В таком состоянии его застали одновременно два человека: страховавший умного командира Андрей Нилов и розоволицый немецкий фельдфебель в серой, даже не испачканной грязью шинели. Будто только что со склада или с парада. Немец поспешно направил свой карабин в грудь русского лейтенанта, а Нилов понял, что, наконец, пробил его час. И не час, а миг, который он, не раздумывая, использовал для броска наперерез траектории пули.

И он уже не видел, как очнувшийся лейтенант Костиков выпустил в опешившего фельдфебеля последние патроны из своего «ТТ», как откуда ни возьмись появились на этом участке партизаны, внеся полную сумятицу в планы не только германского командования, но и растерянных красноармейцев. Общей массой солдаты Костикова и разношерстная команда партизан просеялись

на восток. И Костиков приказал нести Нилова на растянутой между двумя жердями шинели. Все полагали: Нилов – не жилец, но никто не роптал, и Андрея несли, сменяя друг друга, несколько километров. Потом – короткий привал, потом – снова несли. Нарвались на второе кольцо окружения, почти по инерции пробились, потому не остановить уже было, даже если против каждого красноармейца по танку выставить. Потом третье, там немцы и сами уже не чаяли сражаться с окруженцами. И так – до Можайской линии обороны, где обошлось без униительных допросов СМЕРШа, ибо Костиков вывел свой батальон...

Нилов не умер. Не задела пуля жизненно важных сосудов. Но оставалась все это время там, внутри.

* * *

В осадном московском госпитале за Андрея взялся небритый широколицый хирург-казах. Он за последние сутки намахался скальпелем, как саблей, но, вняв мольбе Костикова, начал делать невозможное. В сущности, он делал это каждый день. Иногда получалось. Когда хирург уже подбирался к простреленному лег-

кому, над столом склонился еще один доктор. Тот, который пришел сменить его.

Внимательно посмотрев серыми глазами в землистое лицо Нилова, он несколько удивился, а своему коллеге тихо сказал:

– Зря работаешь, Нурик, у него опухоль.

– Ты что – рентген? – не обратил внимания на его слова хирург.

Тихий доктор пожал плечами и отошел в сторону. Операционная сестра только стрельнула в его сторону быстрыми глазами: мол, устал, товарищ военврач, бредишь уже. А военврач стоял немного в стороне, прикрыв рот ладонью, и размышлял о превратностях человеческой жизни.

– Как он? – заглянул в операционную другой интеллигент в лейтенантских погонах.

– Нармальна, да! – крикнул, не поворачивая головы, хирург.

– Он мне жизнь спас, товарищ военврач.

– Я понял, да-а-а! Не мешай, лейтенант. Сейчас извлекать буду! – Но потом замер на секунду. – Олег! Олег! Ты – рентген! Есть опухоль. Пуля прямо там. Ой, шайтан! Вот бы фотографию сделать... Вторая стадия, наверное, а он воевал.

– Четвертая, – поправил тихий доктор.

– Вторая, Олег, вторая! Или ты думаешь, только в Москве учат?! Или я меньше твоего видел? Метастазы нету еще! Даже регионально!

– Не может быть! Тогда – нету уже! Нурик, я сам... – и осекся.

– Ты что, Олег Игоревич? – остановился вдруг Нурсултан Бектимирович. – Это твой больной? – хитро прищурил монгольские глазки на операционных сестер: вы ничего не слышали. А те и не слышали: инструменты подают, расширители держат.

– Нурик, я потом тебе расскажу, не пове-
ришь.

– Не поверю, Олег? Да я теперь чему хочешь поверю. Ладно, будем удалять легкое, терять нечего. Крови он еще по дороге море потерял. Все равно – шансы мало, – помолчал некоторое время, собираясь с силами, подняв руки над головой, словно сдается в плен. – Тебя послушать, война лечит.

– Думаю, Нурик, она душу лечит, а душа – всё остальное.

– Ай-вай, Олег, чему нас материализм диалектически учит?! А?!

– Этот человек, помяни мое слово, Нурик, если вдруг выживет, попросит у тебя справку о том, что он здоров.

– Ты уже давал такую? – еще больше сузил глаза хирург, только бусинки-зрачки сверкнули, руки его между тем уже всю манипулировали. – Хороший человек, командира спас. Я бы такому пропуск в Кремль выписал, а не справку даже. Место в раю для него все равно забронировано, туда успеет еще...

– А я бы повременил удалять легкое, – загадочно сказал Олег Игоревич, – что-то мне подсказывает... Думаю, эта опухоль и так сосется. Хотя такого и не бывает.

– На войне?! На войне всё бывает! Может, ты тоже наденешь перчатки? Думать некогда! Думает он, понимаете! Ты хирург или философ?! Твоя смена, между прочим!

* * *

Сердце Нилова нашло свою пулю на Висле, когда Андрей Нилов уже передумал умирать... До победы оставались считанные месяцы. К этому времени он имел две нашивки за ранения и несколько наград. Может быть, и эта роковая пуля миновала бы старшину Нилова, но в сей ответственный момент Второй мировой войны пришлось ему поднимать в атаку бойцов раньше намеченного командованием срока. Недоукомплектованные полки

и дивизии двинулись на озлобленных поражениями, вгрызшихся в мерзлую землю и бетон фрицев. По просьбе премьер-министра Великобритании Уинстона, мать его, Черчилля. Пошли в наступление, возможно, даже раньше срока, который предполагался Там, где решаются судьбы людей и определяется ход истории человечества. Советские солдаты спасали своей кровью драгоценную кровь солдат туманного Альбиона; английских же солдат за всю войну погибнет чуть больше двухсот тысяч. А наших – в одной Польше шестьсот тысяч...

Пуля пробила не только сердце отважного старшины, но и письмо в нагрудном кармане гимнастерки, написанное неразборчивым, быстрым почерком доктора Олега Игоревича, химическим карандашом, испещренное какими-то странными медицинскими предположениями и терминами. Письмо это никто, кроме старшины Нилова, не читал. После войны Андрей Нилов хотел показать письмо своим близким, которые у него обязательно появятся. Но так получилось, что ближе детдомовских воспитателей, усталых солдат в холодном окопе и растерзанной родины у Нилова никого не было.

Тихий доктор Олег Игоревич так и не узнал дальнейшей судьбы своего пациента. При всем желании не смог бы. Он погиб под Сталинградом двумя годами раньше. Бомба попала в госпиталь. Ведь, говорят, бомбы, снаряды и пули – не выбирают. Как и Родину.

МОБИЛЬНАЯ НОВЕЛЛА

Александру Пивоварову,
который знает, как начинаются
такие истории...
и отцу Сергию, который знает
больше нас обоих...

– Почему ты шлешь мне каждый день эс-эмэски, если можно просто позвонить и поговорить? – спросила как-то у Олега Ксения.

– Это единственная возможность поддержать вымирающий эпистолярный жанр, и поверь мне, в письме, даже коротком, можно выразить мысль точнее и сказать то, на что язык порой и не разгонится.

Так и не разогнался сказать: «Выходи за меня замуж». Да и написать тоже...

Олег умер. Не зря подмечено, что сорок лет для мужчины критический возраст. Пик творчества и пропасть нездоровья. Нельзя нестись по миру, высунув язык, как борзая, догоняя сразу двух зайцев: деньги и славу. При этом выпивая на бегу несчитанные рюмки

коньяка за день, энное количество чашек кофе, выкуривая полторы-две пачки сигарет, не оставляя времени на нервный, неглубокий сон... Не оставляя времени на создание семьи.

За два дня до смертельного приступа Олега Ксения узнала и уверилась в его изменах. Целый день настраивалась на серьёзный, возможно, последний разговор с ним. Олег умер. И снова оставил ее ни с чем, как оставлял на протяжении всех десяти лет их отношений. И теперь она бродила по престижному фотосалону и находила всё новые и новые подтверждения его неверности. «Последней каплей» стал мобильный телефон. Не так раздражало разбросанное бельё и неграмотные записки моделей, что приходили в эту студию штурмовать обложки глянцевого журналов, а попутно заплатить натурой именитому фотохудожнику, сколько эта телефонная трубка. В бесстыдной памяти сотового выстроилась целая очередь: Альбина, Альмира, Анна, Барбара (даже такая!), Валерия, Валя 1, Валя 2, Варюша, Васса, Галина 1, Галина 2, Галина 3, Гелла, Дашута, Ева, Жанна, Зоя, Ира 1, Ира 2, Ира 3, Ира 4, Ира 5, Ира 6, Ира 7, Ира 8, Ира 9...

Сотовый? Теперь двухсотовый... «Груз-200» уже готов пересечь реку Стикс. Надо бросить

Харону этот мобильник вместо обола за переправу. Пусть сообщит о доставке.

После имени какой-то Ники Ксению стало воротить с души. Как он их не путал? Как мог отвечать впопад? Как удерживал в памяти тембры голосов, интонации? А вот имени самой Ксении в этом списке не было. Значит, всякий раз он набирал её номер по памяти... Или брал с набранных. Спасибо и на том, что не поставил в один ряд с этими утоп-моделями...

Вот ведь жизнь! Плакать бы, убиваться, хоть мало-мало пожалеть о нём, а внутри – пустота. Да такая глубокая, что каждый следующий день видится летящей в эту бездонную пропасть глыбой. Подкатится на край и ххнет беззвучно в пропасть ночи. А утром готов уже новый «сизифов камень». И нет такой мужской силы, что потянет его в гору. Да и не было!

А за окном – рукой подать до мая! И экая нынче весна, что душу рвёт в клочья. Ветер откуда-то с Адриатического побережья принес запахи моря и неуместное, непонятное, необъяснимое желание чего-то светлого и радостного. Жить хочется, а незачем! Сколько бы лет сейчас было их сыну? Первенца не уберегли, а второго Бог не дал.

Ксения бродила по мастерской, созданию которой Олег отдал всю свою жизнь, бессмысленно трогала вывешенные на стенах и уже давно состоявшиеся шедевры фотоискусства, трогала старые фотоаппараты, которые он коллекционировал, создавая с их помощью удивительный интерьер окружающего его мира. И ведь у него получалось. Всё получалось! Талантливый был.

Но теперь этот мир неспешно и с аппетитом поглощала пустота. Ну что, кроме цветов на могилу и значительного некролога в газету, сделают друзья? Будут регулярно поминать на богемных попойках? И что с того? Что-о-о-о? Бесчисленные менеджеры журналов и рекламных агентств уже носятся по городу, подыскивая ему адекватную замену. Может, на первых порах такого человека и не будет. Но обязательно придет другой. Обязательно. Пустых мест в этом мире не бывает. А вот в сердце бывает пусто. И потому больно.

Оставалось только бродить по умирающему миру одного человека и разговаривать с ним шёпотом, плача и упрекая, словно он мог услышать.

Ксения машинально бросила мобильник Олега в карман плаща, швырнула ключи от ма-

стерской на пол в прихожей и вышла на улицу, громко хлопнув дверью. Вот и всё! Десять лет, которые так потрясли её мир, закончились! И не осталось ничего, кроме последнего высохшего букета и нескольких фотографий юной Ксении, с которых начиналась эта нелепая, ничего не обещающая любовь. Они еще черно-белые, такие, каким, в сущности, является мир человека. А судьба – зебра. Главное не застрять, как зазевавшаяся блоха, в черной полосе. Хотя и в черном цвете можно найти плюсы, легче скрываться, особенно если ты безнадежная серость.

Через день Ксения силой заставила пойти себя на кладбище. Там, как и предполагала, было многолюдно. Пьяные соратники и лощеные заказчики произносили заученные и уже никому не нужные речи. А вот священника не было. Олег в гробу был похож на спящего. Никаких особых признаков смерти, кроме отсутствия дыхания. Воткнули между окаменевшими на груди пальцами свечу, похоже, даже не церковную, и пели осанну творчеству великого художника, произведения которого останутся в наследство человечеству. Вообще много было помпезного и ненужного. Несколько Татьян, Оль, Викто-

рий и безутешных Барбар театрально вытирали слёзы. «Собратья по объективу и объектам» пощелкивали затворами дорогих камер, целясь в напускной траур. Единственный настоящий друг Стас был пьян вдрызг и, казалось, вообще не понимает, где он находится и что вокруг происходит. В карманах провожающих в последний путь периодически пели свои песенки мобильники, и они точно нехотя, с деланной скорбью, давали краткие ответы. И уж совсем неожиданно и никчемно зазвучали аккорды хита группы Eagles в плаще Ксении. Несколько мгновений она стояла в растерянности, потом догадалась, вынула из кармана телефон Олега. Мобильный мир, мобильные похороны, вся жизнь, как суетливая техногенная катастрофа! На дисплее высветилась Ира 2. Ксения откинула раскладушку и с тихой ненавистью в голосе сообщила: «Олега нет и больше никогда не будет». Потом вдруг, следуя какому-то безумному порыву, захлопнула крышку, подошла к гробу и сунула телефон в боковой карман пиджака. Был мобильный – станет могильный. Богемная аудитория приняла этот жест за вариант оригинального прощания, кто-то даже надрывным шёпотом произнес: «Как трогательно».

После чего дальнейшие речи посчитали неуместными, и процедуру прощания быстренько свернули.

Первый удар обухом топора по крышке гроба заставил сердце Ксении содрогнуться. И когда гроб опускали, она всё-таки не выдержала и зашлась навзрыд. На этот случай оказался рядом вышедший «из штопора» Стас, он крепко сжал руку Ксении и плохо слушающимся языком произнёс: «Он любил тебя, Ксюха, как никого!» От слов его стало ещё горше. Действительно, любил как никого!

С поминок Ксения ушла после первых трех рюмок. Накрытый в шикарном кафе не менее шикарный стол показался ей полным сюрреализмом. Всё время мерещилось, что вот-вот зазвучит какая-нибудь попса и начнутся танцы. Тем более – первое мая на дворе. «Праздник мира и труда – ешь конфеты, детвора!» Топ-модели без кожаных плащей входили в «траурный» зал в миниюбках, а галантные джентльмены вовсю трещали по телефонам и обсуждали не терпящие похоронных отлагательств дела. Помянули первой, второй, а после третьей началась банальная пьянка, и только Стас мычал себе под нос, что Олежек был наголову выше всех, что у него в глазах диафрагма от Бога,

не взгляд, а широкоугольный объектив. А вот выдержки ему всегда не хватало. Всё! Закрылись шторы, захлопнулся затвор, теперь сколько ни проявляй пленку – только полная тьма в кадре! Он всё время останавливал мгновение и в конце концов остановил.

Потом остались только общий гул и посудный звон. Похороны – это, в их понимании, тоже тусовка, только вынужденно грустная.

И всё же Ксения была благодарна этим людям за то, что они полностью избавили её от забот и затрат на похороны гражданского мужа. Для них это было делом чести, а для неё – страданием с вопросительным знаком в начале текста.

* * *

Ночью Ксения часто просыпалась, тревожно смотрела в окно. За стеклом плыла белесая дымка, город был необычно тих. Её посещали нелепые короткие сны, точно клочки фантастических фильмов. Всё крутилось вокруг единственного вопроса: «Как дальше жить?», – но зацепиться ни мыслям, ни образам было, по сути, не за что. И только под утро, когда маленькая стрелка часов подползла к цифре «5», Ксения забылась настоящим сном.

Сон был похож на большой платяной шкаф, где она пряталась в детстве от любых страхов. Там было уютно, как в доброй сказке, пахло нафталином и семейными преданиями. Но стоило погрузиться в эту мягкую тишину, как реальность пропиликала с журнального стола короткой музыкальной фразой. Сотовый телефон Ксении сообщил о поступлении сообщения.

«Кому взбрело в голову отправлять эсэмэску в такую рань? Или чья-то запоздала?» – перевернулась на другой бок, но добрый сон был безвозвратно утерян. Тонкая последняя нить – едва уловимое детское ощущение защищенности – оборвалась вместе со скрипом старого дивана. А хотела было повернуться на другой бок: пусть шлют сообщения и рапорты, тут самое интересное начинается.

Начиналось...

И всё-таки поднялась: кому там ещё ночь не в ночь? Путающимися пальцами нашла папку сообщений в телефоне, открыла и обмерла: «Здравствуй, любимая. Олег». Почти как у Олега Митяева: «С добрым утром, любимая».

Шутка? Плохая шутка! Чья шутка? Какая-нибудь из смазливых глянцевого стерженька узнала номер телефона Ксении и решила напо-

следок плюнуть в душу? Недолго думая, удалила сообщение из телефона и буквально как тигрица прыгнула на диван, скомкав под головой подушку. Хотелось укунить то гадкое, что провалось сейчас к ней, но даже не получилось заплакать. Неожиданный, пусть и короткий, но глубокий сон не оставил ей шанса удивиться, что она снова смогла заснуть в эту ночь.

Утром за чашкой «Черной карты» Ксения просчитывала унылое будущее. Олега только что не стало, а ей почему-то мечталось о сказочном принце. «Плевать! Плевать! Плевать!» – даже не думала и даже не понимала, на что или кого плюет. Просто заклинание, не имеющее значения. Вчерашние похороны, казалось, были сто лет назад. В принципе в этом не было ничего предосудительного: одинокой (и при живом-то гражданском муже) женщине просто хотелось видеть утешителя, настоящего мужчину с привлекательной внешностью и благородным порывом в душе. Не русского пьяницу-интеллигента, вечно «самовыражающегося», не «импортного» денди с признаками женственного вырождения на лощеном лице, не креола, не мулата, не метиса, а именно сказочного – пусть и не принца, – но таких, видимо, не бывает. А может – и не было...

Телефон брякнул свои аккордики, извещая о новом сообщении. Ксения нехотя потянулась к трубке через стол. Глянула на дисплей и почувствовала, как в спину дождем воткнулись тысячи иголок.

«Я всегда любил только тебя одну. Просто не смог выбрать правильную экспозицию. Ты – единственный удачный кадр, и я его засветил».

Так мог говорить только Олег. Она буквально слышала его голос, который наслаивался в сознании на знаки. Она читала ещё и ещё, словно в трех коротких предложениях можно было найти больше, чем в них было сказано. Да уж, Олег всегда гнался за бездной смысла. Ну и какова она – бездна, родной?

Вдруг поняла, что уже не читает, – дрожала рука. В записной книжке нашла телефон оператора, набрала.

– Скажите, с какого номера мне сейчас поступило сообщение? Это крайне важно! Кодовое слово? Ах да...

Где-то усталая, но служебно вежливая девушка взирала на монитор компьютера и тоже удивлялась:

– Вам не было сообщений несколько дней.

– Не может быть, – настаивала Ксения, – посмотрите ещё раз, вы не перепутали номер?

– Нет, всё точно. Не верите, возьмите распечатку хоть за весь год, но это платная услуга. Можете прийти в наш офис по адресу...

– Обязательно приду, – оборвала Ксения и дала отбой.

Так же торопливо набрала другой номер. Долго никто не отвечал, и пришлось набирать второй раз. Наконец она услышала покорёженный похмельем голос Стаса.

– Ал-лё-ё... – показалось, что «ё» перейдет в «моё».

– Стас, мне плохо и страшно, приезжай, пожалуйста. Ты должен это видеть, потому что слышать нельзя. Нужен как свидетель!

– Ксения? Бр-р-р... Что стряслось? Ах, да... Но при чем тут свидетель? Тебя ограбили?

– Да нет же, просто ты мне сейчас нужен. На месте всё объясню.

– У тебя есть выпить, иначе – я куча скрипучих костей?

– Молдавский коньяк.

– Пойдёт, через полчаса буду. Ставь кофе.

– Уже готов.

* * *

Всё же Стас выглядел лучше, чем вчера. Полчаса он потратил на душ, побрился и даже отгладил свежую футболку. Вероятно, не пожалел денег на такси. И только глаза полупавшимися кровяными сосудами выдавали либо бессонные ночи, либо запой, либо и то и другое вместе.

После третьей рюмки Стас окончательно ожил и третий раз перечитывал сообщение, гипнотизируя дисплей телефона.

– Значит, операторам уже звонила?

– Да, нужно было не стирать первое сообщение.

– Нужно было. – Стас снова потянулся к бутылке. – Кому это надо? Зачем?

– Ты меня спрашиваешь?

– Скорее, себя. А ты не пробовала отвечать?

– Нет. Но это же бред! Если кто-то со мной играет, то я, получается, включусь в игру.

– И всё же я бы попробовал. Ну-ка... Как тут у тебя буковки набираются. Клавиатура русифицирована?

– Да.

– Надо придумать что-нибудь экстравагантное.

– Зачем?

– Навязать свои правила игры. Если это удастся, можно смело идти в милицию, искать телефонных хакеров.

– А если нет? Ты хоть помнишь, что вчера я бросила его мобильник в гроб?

– Не бросила, а любезно положила в карман моего покойного друга. Успокойся. Никакой «потусторонщины»! Проверь себя, набери номер Олега.

Несмотря на нелепость, Ксения набрала номер, чтобы слушать долгие гудки. Подумалось вдруг: «Значит, в пределах досягаемости». Но ответа, разумеется, не последовало. «Земля хорошо экранирует», – додумал за Ксению Стас.

Ксения выключила телефон, её передёрнуло от пяток и до макушки. Просто представила, как из-под земли на кладбище сейчас звучит Hotel California. Олег специально закачал эту мелодию в свой мобильник. Когда-то они танцевали под эту музыку в ресторане «Восьмое небо». Танец и стал их первым свиданием...

Насколько кощунственно могла звучать эта песня из могилы! Даже на английском. «Welcome to the hotel California. Such a lovely

рлассе...» Кто-нибудь, проходя мимо, может до смерти напугаться.

– Ну, убедилась? – вывел Ксению из замешательства голос Стаса.

– Что же это такое?

– Я всё-таки напишу. Что-нибудь типа, – Стас начал старательно давить на кнопки: – «Как там на том свете?»

– Думаешь, стоит ёрничать?

– Мы просто парируем удар. Вот и всё, отправил.

Они успели выпить по чашке кофе, а Стас к тому же осилил полбутылки «Белого аиста», когда трубка Ксении пропела о поступившем сообщении. Рука Стаса опередила руку Ксении, он поспешно откинул крышку и открыл текст. «Здравствуй, друг», – кратко гласило оно.

– Да, в отношении меня такое обращение еще действует. Может, кто-то наблюдает за нами в оптический прицел, отчего забавляться ему сподручнее? – Стас подошел к окну, выглянул на улицу, где вдохновенно и трепетно легким ветром дышал наступающий май. Теперь он уже не мог скрыть, что нервничает. Правила игры не менялись, да и была ли сама по себе игра?

– Я, пожалуй, всё же поеду в телефонную компанию, – решила Ксения и ушла в спальню переодеваться.

Стас в это время набрал еще одно послание: «Если ты – Олег, то ответь: что мы с тобой делали в среду вечером? Это тот свет?» Пока Ксения собиралась, ответа не последовало. Уверившись, что его не будет, Стас с кривой ухмылкой отбросил телефон на диван.

– Тут без бутылки точно не разберешься, – сказал он сам себе, наливая очередную рюмку.

– Ты со мной? – спросила Ксения, выйдя из спальни.

Одетая в обтягивающие джинсы и легкую белую блузку, даже после бессонной ночи она выглядела привлекательно.

– Чёрт! Ты такая красивая, Ксюша...

– Перебираешь, друг. Если уж я тебе начала нравиться, значит, ты уже выпил лишнего.

– Нет, я в норме. Я Олегу всегда завидовал. У него было хотя бы какое-то...

– «Подобие семьи», ты хотел сказать?

– М-м-мм...

– А по девкам вы с ним вместе ходили? Ну понятно, конечно, я такая квёлая красавица, а там длинноногие лани двадцати лет. – Ксе-

ния с укором посмотрела на Стаса, тот виновато молчал. – Ладно, сейчас важно другое, я не намерена мириться с тем, что кто-то ковыряется ржавым гвоздём в моей ране. Ты со мной?

– Если ты не возражаешь, я подожду тебя здесь, не очень-то хорошо я себя чувствую, и, подозреваю, ничего ты у операторов связи не добьешься.

– Как знаешь...

* * *

Стас оказался прав. Дойдя до самого старшего менеджера, а вместе с ним до заместителя директора филиала, Ксения ничего не добилась. Она показывала им сообщения, тыкала пальцем в дату и время, но на сервере компании было стерильно чисто. Единственный результат: замдиректора, хмурясь, пообещал поставить всех на уши, но докопаться, кто отравляет жизнь добропорядочным клиентам компании. А заодно – заблокировать номер Олега.

– Намертво, без малейшей возможности реанимировать на нашей станции эту цифровую комбинацию, – так и пообещал.

Когда Ксения вышла на улицу в сопровождении услужливого менеджера, провожавшего её, как важную гостью, до ворот, мо-

бильник снова спел свою поминальную песню. Менеджер любопытно застыл с открытым для прощания ртом. И Ксения удовлетворила его любопытство.

«В среду мы уже не были. Ты был один. Тот – это действительно свет. Как мудрость. Ищи ответы в “Книге мертвых”. В книге живых скоро не останется места. Тот ли это Трисмегист? Тот сосчитал мои дни, а этот?»

Ох и любил Олег загадки!

– Бред, – определил растерянный менеджер. – А количество знаков выше допустимого, – отметил профессионально. – Это точно не наша станция. Наша не пропустит. Да и к чему все эти препинания, знаки...

– Грамотность – как одна из характеристик. Тем более он ведет тут речь о египетском боге мудрости, которого звали Тот.

– Тот, этот... Всё равно бред. Меня еще в детстве эти полужвериные египетские боги пугали. Все эти мумии, фараоны... Может, вам номер поменять? Хотите? Бесплатно?

– Может быть, – задумалась Ксения.

– Вернёмся?

Ксения стояла в нерешительности. И тут менеджера осенила ещё одна полезная мысль.

– А вы отпевание заказывали?

– Нет.

– А надо. Если крещёный, обязательно надо. Моя бабушка всегда говорила: без отпевания – как в рай без пропуска!

– Без пропуска, говорите?

– Ну да...

– Как же я... Недотумкала! Обол – Харону, «Книгу мертвых» – Трисмегисту! Православному – отпевание... Привыкли водку на кладбище лить!

– А номер вы, на всякий случай, всё же поменяйте.

* * *

У ворот Богоявленской церкви Ксения остановилась в нерешительности. Женщины в платках и косынках, сосредоточенные мужчины, набожные старушки и агрессивные нищие... Ксения никак не вписывалась в этот живой пейзаж, особенно в обтягивающих джинсах и просвечивающей на свету блузке. Из храма вышел священник, троекратно размашисто перекрестился с поклоном, но направился не к воротам, а к хозяйственным постройкам. Надежда поговорить с кем-нибудь из клира за пределами церковной изгороди таяла.

В этот момент снова ожил телефон. На этот раз звонил тот самый менеджер телефонной компании.

– Ксения Андреевна? Я тут кое-что обнаружил.

– И?

– На сервере есть скрытые файлы, обычно они относятся к системным программам, которые таким образом защищены от случайного повреждения или удаления, так вот: среди этих файлов я нашел те, которые не имеют никакого отношения к системным. Там, среди сохранившихся сведений о звонках и сообщений, есть те, которые поступали на ваш номер.

– Что это значит? Сообщения всё-таки были? От кого?

– В том-то и дело, непонятно, почему они регистрируются в скрытых файлах и папках, а главное – они поступили с номера... В общем, с того телефона, который, по вашим словам, находится в гробу. Самое примечательное, что я почти сразу с вашим приходом заблокировал этот номер, но сообщение вам все-таки поступило. Тот философский бред на выходе. Вы поняли?

– Еще бы.

В тот момент, когда она захлопнула раскладушку мобильного, из церкви вышел ещё один священник. Высокий, стройный, молодой, с кучерявой русой бородой и добрыми голубыми глазами. Он сам заметил стоявшую у ворот рядом с нищими Ксению. И пока она собиралась с мыслями, приблизился к ней.

– У вас что-то случилось?

– Да... батюшка, – последнее слово выговорилось с трудом, ибо батюшка был моложе Ксении лет на десять.

– Вы стесняетесь в таком виде войти в церковь? И правильно. В чём ваша беда? Меня зовут отец Димитрий.

– Долгая история, отец Димитрий. Но если вы выслушаете меня, я буду вам очень признательна. Похоже, что в мою жизнь вторгается потусторонний мир...

Священник кивнул и указал ей в сторону соседней аллеи, где выстроились в ряд аккуратные лавочки под свежей кленовой зеленью.

– Давайте лучше там...

Пришлось начинать издалека. С «Восьмого неба»... Во время рассказа Ксения не сдержалась и заплакала. Слёзы текли будто бы сами по себе, но отец Димитрий не пытался её успокоить, а только внимательно слушал. Иногда нечто, как

озарение, вспыхивало в его ярко-голубых, без облачка глазах. Когда она закончила, раскрыв перед священником телефон с сообщениями, он только мельком взглянул на текст и неспешно заговорил, глядя в глаза Ксении.

– Отпевать нельзя, если повязан он, как путами, смертными грехами... Да и крещён ли он? – взгляд стал испытующе-вопросительным.

– Крещен. Точно. Мы с ним вместе уже в зрелом возрасте крестились, а до венчания дело так и не дошло, как и до загса.

– Значит, жили во блуде, – вздохнул отец Димитрий. – Но, первое и главное, – у Бога нет мертвых. Хотя, я полагаю, там, – он кивнул на телефон в руках Ксении, – это не он. Не ваш Олег. Хотя вы, вероятно, ждёте от меня объяснений, соотносимых с вашим разумением окружающего мира, а я боюсь умствовать, ибо есть видение мира верующим человеком и видение мира людьми, далекими от веры. Последние даже могут ходить в храм, соблюдать внешнюю обрядовость...

– Да, батюшка, я невоцерковленная, но верю, – скорее сама себе сказала Ксения задумчиво.

– И то уже хорошо...

– Но как же это не он, если даже мысли его высказываются?

– Чуть позже. Лучше скажите, как он умер?

– В тот вечер, точно знаю, работал. Не пьян был, не во блуде... Если честно, то не совсем он пропащий был. Как-то в Великий пост нашло на него просветление. Закрылся от всех, от заказчиков, от друзей, почти не ел ничего, читал Священное Писание и плакал. Потом вдруг утром поднял меня рано и повел в храм на исповедь. Мы тогда в первый раз причастились, и он пообещал священнику, что в ближайшее время обвенчаемся. Ещё и епитимью вместе исполняли. Да через какое-то время кончились деньги, и опять его затянуло в эту прорву. А вообще, он иногда, проходя мимо храма, останавливался, щедро подавал нищим, а порой заходил внутрь и подолгу стоял у Спаса Нерукотворного или у образа Богородицы.

– Значит, не совсем пропащий человек. Но я, к примеру, отпевать вашего Олега не решусь. Святитель Филарет так говорил: «Тщетна молитва за умерших в грехе смертном, смертью духовною, и в сем состоянии постигнутых смертью телесною, – за тех, которые внутренне отпали от духовного тела Церкви

Христовой и от жизни по вере своим неверием, нераскаянностью, решительным и конечным противлением благодати Божией». Но к сей проповеди прибавляет слово Иоанна Златоуста: «Аще и грешен отыде, елико возможно есть, помогати достоин: обаче не слезами, но молитвами, мольбами и милостынями и приношениями. Не просто бо сия умышлена быша, ниже всуе творим память о отшедших в Божественных тайнах и о них приступаем, молящися Агнцу лежащему, взявшему грех мира, но да отсюда будет им некая утеха... не ленимся убо отошедшим помогающе и приносяще о них молитвы. Ибо общее лежит вселенная очищение. И возможно есть отовсюду прощение им собрати, яко то от приносимых за них даров, от святых, с ними именуемых». Хотите, поясню?

– Нет, я всё поняла... Кроме одного. Кто шлёт сообщения?

– Бес. И сидит этот бес в телефоне, который вы неосмотрительно бросили в гроб. Кладбищенская земля священна, и он сидит там, заперт. Одна ему утеха – вас донимать. А задача его – довести вас до отчаяния, а лучше того, до полного самоуничтожения.

– Так я номер всё-таки поменяю.

– Значит, не совсем понимаете. Это не поможет. Молиться – это из жизни верующего. Швырять мобильные телефоны в гроб – это из жизни современного потребителя-материалиста. Лучше подумать, какие ваши поступки дали возможность этому бесу появиться и действовать.

– Мне кажется, я знаю, – потупилась Ксения, – я не простила Олега. И до сих пор не могу простить. Даже то, что он умер, не могу ему простить. Но уверена, что он меня любил... Может, эти его измены... Может, это наветы да воображение моё? – Ксения в первый раз за эти дни позволила себе усомниться. – Он и так мучился тем, что ему приходится зарабатывать на хлеб, работая на эти глянцевого журналы с похотливыми девицами на обложках...

– Это не оправдание, – заключил отец Дмитрий.

Какое-то время они молчали. Потом батюшка добавил:

– Попробуйте вымолить его. Большую силу имеет молитва любящего человека.

– А как я узнаю, что вымолила?

– Господь даст знак. Обязательно даст.

– А потом?

– А потом – жить. Ваша жизнь – ваша воля, ваша свобода, ваш выбор.

– А если сообщения будут продолжаться?

– Вряд ли... У меня тоже есть мобильный телефон, но это только телефон, понимаете? Когда я во сне вижу свою покойную мамушку, я не пугаюсь, а если увижу усопшего или действия его наяву, то для начала осеню себя крестным знамением, а затем и сам объект – именем Господа нашего Иисуса Христа. Имя Спасителя любому из бесовского отродья – как огонь испепеляющий. Главное – верить при этом не в себя, не в свои силы, а в помощь Божию, – и встал, чтобы уйти.

– Благословите, батюшка, – неожиданно для самой себя произнесла Ксения и сложила как положено руки, как будто делала это каждый день.

* * *

Стаса она застала спящим. Отрадно было увидеть, что коньяк он допивать не стал. Переделась и собралась уходить, намереваясь успеть к вечерней службе. Стас проснулся, немного испуганно вскочил с дивана.

– Ты куда?

– В Богоявленную.

– Я с тобой.

По дороге, в автобусе, пересказала разговор с отцом Дмитрием. Стас же читал последнее сообщение.

– Умный бес, получается, – рассудил старый друг, – в мифологии – как у себя дома. И хорошо ты его назвала, хоть и случайно, – «двухсотовый». Ибо имя им легион. Читал... Где-то...

– Стас, давай помолчим.

Тот кивнул.

За стеклом сквозь мутные разводы – следы первых дождей – неспешно плыла улица. Поток разнокалиберных машин, буквально расталкивающих друг друга, бравые зазывающие витрины магазинов и люди, у которых, по внешнему их весеннему настроению, кажется, всё только начинается и тысяча лет впереди, а не коротенькая, как у Олега, жизнь. Выбрось человека из этого муравейника в пустыню – что он будет собой представлять? Что отдаст за то, чтобы вернуться сюда и вновь денно и ночью поглощать эту жизнь? Вспомнилась вдруг картина Крамского «Христос в пустыне». Босоногий Сын Божий сидит на камне, сложив на коленях руки, и человеческая печаль отражается на его челе... Печаль всего человечества...

Мобильник в руках Стаса снова пиликнул. Тот озабоченно открыл его и вскинул брови. Потом повернул содержимое дисплея Ксении. «Это ты боишься забвения, а не я. У тебя есть окно, ты хочешь его закрыть?» Подумалось вдруг: этот черный квадрат дисплея – тоже окно, только куда? Закроешь окно, что потом? И зазвучал в памяти тихий, но уверенный голос отца Димитрия: «А потом – жить. Ваша жизнь – ваша воля, ваша свобода, ваш выбор».

В храме былолюдно и немного душно. Хорошо, что на входе для незнающих была прибита табличка: перечеркнутый красной линией мобильный телефон. В небольшом ларьке справа от входа принимали записочки. Туда и подошла.

– Скажите, где свечи усопшим ставят?

– Крещёный? Свидетельство о смерти есть? А то нынче взяли моду... А ещё будет хорошо, если пожертвуете на общую свечу. Не мне. Вон там ящичек.

В душе немного похолодело от такого обращения. Но ощущение это быстро прошло. Особенно когда увидела отца Димитрия. Он и начинал службу. Ксения в белой косынке возвышалась среди согбенных, часто кланяющихся

старушек. Стас встал где-то в стороне и, похоже, был погружен в себя.

Через полчаса, когда ноги стали неметь, за стенами началась сильная гроза. Молнии сверкали где-то у самой черты города, а вот гром раскатисто нёсся с крыши на крышу и долгим низким гулом отзывался на колокольне. Ксения пыталась сосредоточиться на словах священника, на голосах с клироса, и в какой-то момент это ей удалось, она целиком растворилась в общей молитве и даже перестала чувствовать непривычную усталость в ногах. Сердце вдруг наполнилось совершенно новым содержанием, именно сердце... А с недалекой иконы взирали на неё немного печальные глаза Спасителя.

Уже после проповеди подошла к образу со свечой. Заплакала. Слезы лились, будто из самого сердца, и унять их было невозможно. Мысли смешались, и только одна просьба устремлялась навстречу пронизывающему взгляду Христа: «Господи, прости нас, грешных, на что ещё уповать, кроме Твоего милосердия...» И в какой-то миг поняла и поверила одновременно, что немногословная молитва её услышана.

Из храма Ксения вышла уже с этим новым чувством. На душе стало легче, как если бы

избежала смертельной опасности. Да и улица встретила свежим ветром. Мир не казался ей суетливым, ярче и четче проступили его детали. Влажный, наполненный озоном после короткого ураганного дождя воздух, усиленный ароматами зелени, был похож на пробившееся сквозь фильтры туч дыхание неба. И лица людей воспринимались теперь по-иному: те, что выходили вместе с ней из храма, в большинстве своём были озарены внутренним сиянием или (у некоторых) смятением и печалью. Те же, что спешили мимо по улице, казались погруженными в скользкую ежедневную серость. Больше были похожи на маски, что одевают по случаю.

У ворот Ксению догнал Стас.

– Знаешь, я ещё ни разу в жизни не стоял целую службу, – признался он.

– Устал?

– Нет, но состояние ни с чем не сравнимо.

– Вот и давай побережём его...

* * *

Рано утром Ксения уже ехала на кладбище. Больше всего удивилась, когда на одной из остановок в автобус вошел Стас. Он был непривычно трезв и привычно задумчив.

– Я знал, что ты поедешь к нему. – Сел рядом и в этот раз молчал всю дорогу.

Кладбище мертвыми своими улицами буквально примыкало к живому городу. И автобус в какое-то неувловимое мгновение просто переехал эту едва заметную черту, разделяющую город живых и город мёртвых.

– Ему вчера памятник поставили. Плита такая темная, а на ней камера на треноге. Этакое ретро, – уже на выходе сообщил Стас.

– Не ретро, а сюрреализм какой-то. Есть такой дурацкий анекдот про смерть гинеколога...

– Знаю, – потупился Стас.

– Пойдём, тут ритуальное агентство есть, закажу крест, как и должно быть, кто бы под ним из православных не лежал: инженер, фотограф, писатель или врач... Вон, глянь: памятники бандитам, погибшим в перестрелках, самые высокие и помпезные, а толку? Кто они перед Богом?

– Ну, знаешь, помнишь, на Голгофе разбойник...

– Сравнил! – полыхнула гневом Ксения.

Подошли к вагончику, где располагался кладбищенский офис да стояли вокруг еще несколько хозяйственных построек. Ксения

начала с порога, ещё не зная, к кому обращается.

– Здравствуйте, там, на четырнадцатом участке, седьмая аллея, фотоаппарат над могилой взгромоздили, так вот, я бы хотела его убрать и поставить крест.

– Хорошо что пришли, – невысокий невзрачный мужичок в потертом костюме буквально выпрыгнул из-за стола, – а мы уж гадали, кому звонить. Нет больше вашего фотоаппарата.

– Что? Украли?

– Если б, – мужичок чуть ли не с улыбкой почесал лысеющую голову, – гроза вчера была, молния аккурат в фотокамеру ударила. Так вцепила, что расплавил до самого основания треноги и гранитную плиту пополам расколола.

Сердце Ксении испуганно ёкнуло.

– Да-да, – якобы успокоил женщину мужичок, – расплавил! Даже изгороди чугунной досталось, но там дело поправимое. Так что новый памятник так и так заказывать, потому как наша контора за природный вандализм ответственности не несёт.

– Вандализмом было поставить на могилу фотоаппарат на треноге, – голос Ксении снова

стал твердым и решительным. – Где я могу выбрать крест?

– Остаётся надеяться, что и чертов мобильник расплавил... – пробурчал Стас себе.

* * *

После кладбища поехала в храм. Стас потянулся следом. Снова выстояла службу и снова плакала. И выходя из храма, вдруг уловила в сердце удивительное и ни с чем не сравнимое чувство светлой надежды. На что? Откуда?

Дома выпила стакан чая и, обессиленная, легла спать. Сон пришёл быстро, и не было суетливой кутерьмы мыслей, маленьких бытовых задач и больших проблем. Был сон без видений и звуков, глубокий и тихий. Так спят выздоравливающие люди.

Но утром Ксению разбудил телефон. Он вновь пропел свою звонкую музыку о полученном сообщении. Правда, в этот раз, прежде чем открыть откидную крышку, Ксения была спокойна и уверена. Вздохнула, перекрестилась и лишь потом прочитала: «Ксюша, милая, жду тебя сегодня, 30 апреля, в восемь утра на Сретенской улице, дом 28, Олег. Вопрос жизни и смерти».

Что это? Ещё одна шутка? Недолго думая, набрала номер телефонной компании. Знакомый голос девушки сообщил, что на номер Ксении действительно поступило сообщение.

– А что вам не нравится? Заблокировать входящие с этого номера?

– Нет, ничего, извините... Может, оно задержалось на несколько дней?

– Хм... Минут пять назад его отправили или меньше.

– С-спасибо... Извините...

– Да нет проблем, кроме ваших.

Посмотрела на часы: половина восьмого. И торопливо стала собираться, судорожно вспоминая, где находится Сретенская улица. Убеждала себя, мол, всё равно надо посмотреть, куда это он ее приглашал. И таилось глубоко в душе непонятное предчувствие, а главное, ощущение того, что наступило какое-то необыкновенное утро. Странно, почему 30 апреля... В этот день она ходила по мастерской Олега, считала углы и считала измены, проклиная его. 29-го готова была порвать с ним раз и навсегда.

Сретенская оказалась небольшой улочкой, где еще сохранились частные дома, там же находилась маленькая, но красивая церковь. Она

и оказалась на этой улице под номером 28. У ворот стоял улыбающийся Олег с огромным букетом белых роз. Ксения начала терять сознание, когда он успел подхватить её, уронив цветы.

– Милая, что с тобой? Я ведь... Что делать-то? Ну-ну-ну... – испугался не на шутку, но она уже начала приходить в себя. – Ксюша, мне сегодня приснилось, что я тебя потерял, навсегда! Ты не представляешь, что я испытал в эту ночь, я словно умер! Мне Харон виделся. Этот жуткий перевозчик мертвецов. Я всегда думал, куда он их перевозил? Ведь смерть не была побеждена. Да о чём я? Ксюша, мне так плохо без тебя! Послушай, тут служит мой знакомый батюшка, он нас обвенчает. Самое интересное, загс – через дорогу! Представляешь? Мы сможем обвенчаться и расписаться... С чего начнем, если ты, конечно, согласна?

– Какое сегодня число, Олег, – с трудом выговорила Ксения.

– 30 апреля. Пятница. Тебя что-то беспокоит?

– Так не бывает, Олег.

– Не бывает, если так не делать, – Олег улыбался, буквально сиял.

– А мне, Олежек, сегодня тоже снился сон, очень долгий сон, жуткий и долгий, как сама вечная смерть... И во сне снились сны. Скажи мне, в памяти твоего телефона много женских имён? – насторожилась Ксения.

– Было достаточно. Я их все стёр еще вчера, чтоб не раздражали тебя. Но я не понял твоего ответа: ты согласна выйти за меня замуж? Или меня кто-то опередил?

– За десять лет могли и опередить, – вздохнула Ксения. – У меня есть условие.

– ?

– Ты с этого дня занимаешься только художественной фотографией...

– О чём-то таком, не поверишь, я подумал еще вчера. И сегодня в пять часов утра, когда проснулся. До шести я успел выбросить из мастерской всё, что связано с «шабашной» работой. Получилась внеплановая генеральная, нет, прямо-таки маршальская уборка. Там остались только старые камеры, против них ты ничего не имеешь?

– Нет. Ты мне писал в эти дни?

– Да, намеренно... Что-то типа: «Здравствуй, любимая».

Олег вдруг задумался, глядя на летящие над золотыми куполами белые облака.

– Господи! Хорошо-то как! Мне иногда кажется, что мы сами мешаем себе быть счастливыми... Вот только свидетель опаздывает. Я Стаса позвал... Не возражаешь?

– Свидетель? – спросила сама себя Ксения. – А священника твоего, случайно, не отец Димитрий зовут?

– Ты его тоже знаешь?

НИКИТА КОЖЕМЯКА

(Реальная версия)

Сыну Арсению

Ой, и жарким выдалось лето 992 года. Утренняя роса на травах по берегам Трубежа висела на листьях крупными жемчугами, а к полудню даже птицы не могли пересечь раскаленное небо. И только запах жареной конины или дичины плыл в знойном топленом марева.

Три дня уже изнывало от жары войско великого князя киевского Владимира на берегу, разметав вокруг шатров обжигающие кольчуги и шеломы, даже деревянные доспехи прятали в тень, дабы случайный огонь не превратил их в пепел, и только с мечами не расставались ратники, что бродили по лагерю по пояс голыми. Да истекали потными реками те, кому в полном облачении был черёд стоять в дозорах и на страже у княжеского шатра. В самом же шатре третий день беседовал

с печенежским ханом Владимир Красное Солнышко и таскали им сюда из прохладных вод реки бочонки с вином. Упредил князь набег, когда донесли ему сторожевые отряды о движении печенежских орд из-за Сулы. О чем спорили? Слышали только иной раз стражники, как похвалялся печенег три года воевать русскую землю, если не получит от Владимира большого откупа. Знал, что дружина устала после недавних битв с хорватами.

С другой стороны реки галдел печенежский лагерь. Тем, как чертям в аду, жара была в радость.

Знал хан Илдея, что устали русы после недавних войн, но знал, что на испуг их не возьмешь. Потому и беседовал, попивая с Владимиром кислое греческое вино, не напирая, но въедливо и монотонно.

— Откупысья, коняз, зачема тебе война? Мене зачема? Уйду назад степь. Малый откуп возьму...

Владимир, поглаживая себя по окладистой бороде, как молнией сверкнул глазом в сторону хана, но сохранил достойное самообладание, только приложился лишний раз к чаше с вином. Да уж! Пил киевский князь не помалу, пил да не пьянел. Только глаза наливались

мрачной поволокой. Но даже умный и хитрый язык не заплетался.

– Дань победителю платят, а ты кто?

– Знаешь, у меня в лагере есть одна отделанная серебром чаша... От отца досталась. Такой ум в этой чаше был!.. – подмигнул с намёком.

И теперь не вспылел Владимир, хотя понял, что речь идёт о слухах, по которым печенежский хан Куря сделал из черепа Святослава чашу и пил из неё, полагая, что передается ему сила великого воина. Да, скорее, просто похвалялся Куря. Если и пал на днепровских порогах отец, то шел туда сознательно, прикрывая основную дружину. Печенегам же казалось, что засада у них получилась. Свенельд между тем провел ополчение со всей добычей другим путём. И, скорее, предпочел Святослав утонуть в днепровской волне, но оставить свою голову на поругание – вряд ли. А уж византийский кесарь Цимисхий помог Куре возвеличить его победу. И про чашу, поди, вместе выдумали. Не мог простить византийский император многих своих поражений от малой дружины Святослава...

– Ну что ж, ежели есть такая чаша, пусть из неё пьёт тот, кто хочет иметь долгую память.

Мозгов и храбрости у него вряд ли прибавится. А вот память...

— Ну так как откуп? — нахмурился Илдея, который понимал, что слаб он спорить с Владимиром. — Будем биться?

* * *

Кегел, главный телохранитель хана, бесцельно слонялся по лагерю. От нечего делать задирали разомлевших от жары русичей. Бывало, удавалось вызвать кого-нибудь на поединок, который заканчивался веселой победой: подняв над собой противника, двухметровый Кегел с криком бросал его на землю. Уж если тот потом и поднимется, то надолго калека. Хотелось бы побиться на мечах, да великий хан строго наказал оружия пока не вынимать.

Досадовал на одно. Говорят, в стане русских был настоящий силач Ян Усмарь. Видом невзрачный, мужичонка да и только. Ростом и то не вышел. Какой богатырь? Разве что руки у него необычайно жилистые. Уж как только не крутился вокруг него Кегел! Хотел испытать силу Усмаря.

— Эй, Ян, а почему у тебя два имени? И Никитой тебя кличут, и Яном. Это, наверно, потому, что вас двое и один за другого прячется?

– Одно имя мне дали батюшка с матушкой, а другое – Господь Бог.

– Вот как! А почему твой Господь Бог с батюшкой и матушкой не посоветовался? – хитро прищурился Кегел, думая, что уж теперь точно зацепил молодца.

– Это они с ним не посоветовались, потому как света Христова тогда не знали. Сами крещены не были.

– Раньше, выходит, в темноте жили?

– Выходит, – спокойно соглашался Никита.

– А правду говорят, что когда ты разгневался, то шкуру бычью руками на две части порвал?

– Да я потом три дня в Десятинной церкви этот грех замаливал! На отца ведь осерчал, грех это большой! Батюшка Димитрий епитимью наложил. Тысячу поклонов Пресвятой Богородице и молитву читал...

Ох, и странные эти русские: и отца родного, и попов своих одинаково батюшками зовут, и Бог у них, говорят, Отец Небесный.

– Лоб не разбил? От поклонов?

– Не разбил. Только колени потом болели. Долго на коленях стоял.

– Вот мы вас, русов, побьём, будете тогда на коленях стоять.

– Может, и побьёте, но на коленях перед вами, агарянами, стоять не будем. – Ответил так невозмутимо, будто не о смертной битве речь шла, а об игре в кости.

– Не верю я, что ты шкуру порвал! – не выдержал Кегел, замотал головой, аж закрутилась серьга в ухе. – Сам пробовал, ничего не вышло! – сказал так, будто если у Кегела ничего не выйдет, то уж точно никто такую задачу не осилит.

– Не верь, кто неволит? Для этого сноровка нужна. Я кожу каждый день мну. Вечером рук совсем не чувствую.

Тут в поле зрения Кегела попал бык, что стоял рядом с повозкой у костра, на коем жарили конину. Оставив Никиту, Кегел, как бы между прочим, подошел к костру и сунул в него свой меч. Черным глазом одновременно прицеливал, куда понесется бык. Выходило – точно на круг, где сидел Усмарь. Вот и будет богатырская забава, пусть быка порвёт!

Раскаленным докрасна острием коснулся Кегел под хвостом у быка, предварительно разрезав стреножившую животное вервь. Дикий рёв пронесся над русским станом и эхом отозвался далеко за рекой, перекрыв шум обоих лагерей. Вырвав задними копытами огромные ку-

ски дёрна, обезумевший бык рванулся вперед и поскакал сначала именно в сторону Усмаря, но потом вдруг повернул и помчался, опустив огромную голову, на шатер князя, где, кроме Владимира, находился и повелитель Илдей! Кегел оторопел, но ничего уже не мог сделать. Стражники у шатра ошетинились навстречу зверю копьями, но было видно, что вот-вот брызнут в стороны.

С боевым кличем кинулся наперерез быку Кегел. И совсем не заметил, что с другой стороны опередил его малорослый Никита. Правда, в руках у последнего ничего не было. Не было булатного меча, даже кинжала или ножа не было. Бык замер перед стремительным броском, метая из-под копыт куски дёрна. Лагерь поднялся на ноги, заспешил к княжескому шатру. Кто-то бросил копье да промахнулся, закачалось древко прямо под брюхом обезумевшего гиганта.

Не успевал Кегел. Зато Никита был уже рядом. Но бык рванул, набирая скорость, и прыгнул ему навстречу младший киевский кожевенник, голыми руками цепляя за бок. И, о чудо! Огромный зверь упал на колени, бороздя землю, страшно закричал и завалился. А над ним стоял Никита, в руках которого

остался после броска большой кусок бычьей шкуры, вырванный вместе с ребрами и мышцами. Отбросив их в сторону, Усмарь навалился на шею, обхватывая её руками, и почти незаметно сдавил.

Из шатра на шум вышли князь и хан, оба встревоженные. От безделья ратники запросто могли начать биться не на шутку. Кегел вмиг оказался у ног господина.

– Прости, великий Илдей, я опоздал. Бык взбесился, но этот рус успел его остановить.

С другой стороны к ногам Владимира склонился седовласый ратник.

– Не гневайся, князь, это мой младший сын, пятый, я и брать не хотел его ныне в поход, так он тайком за дружиной ушел.

– А я и не гневаюсь, – улыбнулся Владимир, – пускай вон хан поглядит, как у нас молодцы быков живьём на куски рвут.

Илдей сыпнул злобными искрами на Кегела, что стоял, склонив колено и опустив покорно голову.

– Этот, я слышал, – продолжил киевский князь, кивнув на Кегела, – за три дня немало дружинников моих покалечил.

– Мой лучший воин, – тихо сказал хан, и Кегел с благодарностью приложил к груди руку.

– Его ещё никто не победил! – гордо добавил хан и велел подняться телохранителю во весь рост.

Действительно, все окружающие стали вокруг жалкими середнячками, Никита в том числе. И казалось, не найдется смельчака задирать такую силу, отлитую в смуглую грудку мышц и огромный костяк. Но заговорил вдруг отец Никиты:

– А с моим в посаде просто никто не связывается. Боятся и всё. Сам-то он добрый, мухи не обидит. Но посадские его стороной обходят. Жалко, что и девки. Смеются: обнимет, говорят, Усмарь до смерти. Так что над Никитой тоже ещё никто не брал верх. Старшие братья – и те побаиваются.

– А по виду и не скажешь, – прищурился Владимир.

– Если урус такой богатырь, пусть бьётся с Кегелом! – решил вдруг хан. – Пусть бьются голыми руками до самой смерти. Если ваш Никита... Кожемяка, – пренебрежительно сказал Илдей, – победит великого воина, мы уйдем в степи. Три года не буду Русь воевать.

Кегел высокомерно посмотрел на простоватого с виду Никиту. Стоит мужичок, переминается с ноги на ногу. Видать, ему даже неловко,

что все на него смотрят. То, что он руками шкуры рвет, ещё ничего не значит, в руках Кегела гнется булат!

– Если Никита победит, уедешь с Трубежа боярином, – молвил князь старику-отцу, а с Никитой никто и не разговаривал.

– Завтра, на рассвете, – решил хан.

– Завтра, на рассвете, – согласился Владимир, затем только посмотрел на Никиту: – Попробуешь, Никита?

– Отчего не спытать? – и потупил взгляд.

– За весь Киев ответ понесёшь! – хмуро предупредил князь.

Никита только вздохнул: чего, мол, говорить, надо – так понесу. На том и расстались.

* * *

Поутру, в густом предрассветном тумане, у Трубежского брода сошлись две рати уже в боевом облачении. Ржали кони, тревожно бряцал в утренней тишине металл, но воины с обеих сторон угрюмо молчали. Только немногие русские шептали молитвы. Варяги, как обычно перед битвой, подтягивались в центр. Вышел из шатра в сопровождении старшей дружины князь Владимир. Старик-отец Усмарь чего-то нашептывал задумчи-

вому Никите у самой реки, смурные братья стояли в стороне.

Всё началось, когда князь и хан встали на конях друг напротив друга по обеим берегам реки.

Илдей вскинул руку, и из печенежских рядов появился по пояс раздетый Кегел. Выйдя на центр брода, он, стоя в воде, вскинул к небу руки, сжав кулаки, и дико, подобно алчущему зверю, не закричал даже, а завыл, и крик его подхватили печенежские ряды, и умноженный эхом, он взметнулся к небу, чтобы потом заставить вибрировать русские щиты и доспехи. А главное – сердца. Это был победный клич. Кегел шел побеждать и был абсолютно уверен в победе. Когда между травами да вдоль по воде вновь навязла тревожная тишина, со стороны русских полков вышел Никита. Раздетый по пояс, он не казался былинным богатырём, но торс его был, как перевернутый колокол, да был рифлен натруженными тяжелой работой мышцами. Выйдя вперед, он не вскинул рук, не закричал, а поклонился в пояс сначала князю, а потом отцу. Широко перекрестился, но не на восток, а в сторону Киева.

Владимир засомневался: может, нужно было послать кого из старшей дружины? Эти ж

целыми днями военное дело мыкают. А тут – младший кожевенник. Сильно пожалел, что любимый Добрыня был в эту пору в Новгороде, где тоже было неспокойно. Уж он-то, хоть и немолод,дохнул бы печенегу на маковку. Эх, а помнится, в молодые годы, ещё до Крещения, когда Добрыня вел с молодым князем новгородскую дружину брать Киев, уж тогда забавлялся силою он своей богатырскою. Равного ему поединщика не было ни на Руси, ни в порубежных землях. Да что там поединщика! Добрыня мог один против пятерых выйти, а однажды против дюжины вышел. На пирах, правда, буен был, не унять, только держись подальше. Да и пить любил с голытьбой, кровь мужицкая в нем говорила. Зато после Корсуни вельми набожен стал. Богом дается таким людям сила, оттого и называют их богатырями. Будет ли ещё на Руси богатырь после Добрыни?

Меж тем поединщики сошлись. На середине брода, стоя по пояс в студеной утренней воде, обнялись они, будто родные братья. Кегел продолжал рычать, а Никита только молча сопел. Тишина среди ратников, только варяги меж собой лопочут, небось, ставят на победителя, да поднялась в первый солнечный луч

малая пичужка и неожиданно звонкой песней встретила новый день. Под эту песню и поднял над собой Никита своего врага. Поднял так, будто дуб с корнем вырвал. У Владимира отлегло на сердце...

– Ты его ручками, сынок, ручками чуть поддави... – услышал голос старого Усмара.

Видать, Никита и вправду «поддавил», потому как захрустели мощные ребра Кегела, и не рык уже вырвался из его уст, а предсмертное издыхание. Так и забился в судорогах в руках Никиты.

– Чё с ним делать-то, батя? – повернулся к отцу Никита.

– Так это... Пусти его в воду... Может, и удержит его Трубеж.

Трубеж удержал. Сначала проглотил, а потом-таки поднял искаженным лицом вверх и тихо понес по течению тело печенежского богатыря.

И уж тогда только закричали воины Владимира. Забили мечами в щиты варяги. И настоящий победный клич волной ударил по стоявшим напротив неровным рядам Илдея. Горячие степные кони заволновались, сами стали поворачивать голову, норовя развернуться всем крупом. Илдей только кивнул

князю Владимиру и даже взглядом не удостоил висящее поплавром тело Кегела, развернул коня и рысью поскакал в степь. За ним с диким, точно предупреждающим, гиканьем понеслись его лучшие отряды, а там уж и остальные, втоптывая траву в землю. Да, есть такое свойство у трав этих: как не гни, как не топчи, на следующее утро подымутся.

* * *

Как и обещал Владимир, род Усмаря по возвращении в Киев стал боярским. Ближним боярином стал старый кожевенник, вот только Никита отказался идти в старшую дружину, в княжеские покои, вернулся в Посад. И, говорят, нашел-таки девицу, что не испугалась его железных объятий.

Три года после того было спокойно на Руси. Хоть и коварны печенеги, хуже греков, но Илдей сдержал слово. А может, помнил стоявшего посередь Трубежа улыбающегося Никиту? Тело Кегела унесла река в порубежные земли, чтоб и там знали, как на Руси встречаются наглецов-гордецов. Чтоб знали, что остались ещё на Руси богатыри, пусть и не такие приметные, как почивший недавно Добрыня, про которого народ уже стал складывать

песни былинные. И про Никиту, как водится, сложит. И про стольного князя Владимира, прозванного Красным Солнышком, а позже просиявшего в лике святого, равноапостольного.

И потому еще, что жил в те времена в Посаде киевском Никита по прозвищу Кожемяка.

БЕЛОЧКИ-СОБАЧКИ

Двадцать шесть лет изо дня в день она приезжает сюда. В стужу и в зной, в дождь и в грозу, при социализме и при капитализме и при любом другом строе, который могут придумать люди, она приедет сюда, пока её сердце будет биться. Она приезжает на кладбище на могилу сына Коли, тело которого привезли в цинковом гробу в далёком 1980 году из далёкого Афганистана. Зовут её тётя Анфиса. Так уж повелось с тех пор, когда она работала санитаркой в областной больнице. Так её звали больные, так её зовут сослуживцы и друзья Коли, так её зовут кладбищенские работники и все, кто её тут знает. Так зовёт её даже бомж Василий, похмеляющийся на могилах поминальными стопками, хотя по возрасту он не младше. Никого из родных, кроме Коли, у неё никогда не было и теперь уже точно не будет. Тётя Анфиса – маленькая худая женщина в пуховом платке, старом синтепоновом плаще, а седой она стала ещё двадцать шесть лет

назад. Ранним утром она ежедневно приезжает на кладбище и к полудню уезжает.

Она настолько слилась с кладбищенским пейзажем, что стала своей для крикливых сорок, галок, мрачных ворон и суетливых белок. Особенно для белок. Когда она сидит на покосившейся скамеечке у могильного камня, две-три, а то и целых пять белок снуют вокруг неё по ближайшим веткам, по могильным оградкам и прямо по её рукам, которые щедро делятся с ними нехитрой снедью.

Прошлая зима была особенно суровой, несмотря на разговоры о глобальном потеплении. Мороз минус сорок держался больше двух недель, а чуть дальше на север – переваливал за отметку минус пятьдесят пять. И хотя несколько раз рейсы автобусов на кладбище отменяли из-за холодов, тётя Анфиса добиралась на попутках. И что согревало ее, когда она сидела там два-три часа, тогда как даже ко всему приспособившиеся бездомные дворняги, скуля, поджимали лапы?

На могилу Коли в эти мёрзлые дни вслед за тётей Анфисой слетались-сбегались птицы и звери со всей кладбищенской округи. А белки залазили прямо в сумку, с которой она неизменно приезжала. Тётя Анфиса не возражала,

не позволяла им лишь трогать орден Красной Звезды, который всякий раз привозила с собой и тоже выкладывала на стол. Орден осторожно обходили стороной даже падкие на всё яркое вороны. Ночью, если небо не было затянуто облаками и тучами, тётя Анфиса смотрела в окно на звёзды, пытаясь отыскать среди них Колину. А в другое время у нее всегда была с собой его Красная Звезда.

* * *

Помимо сорок, ворон, воробьёв, синиц, снегирей, белок притрусила в тот день вся кладбищенская собачья стая и расселась возле ограды, выжидательно виляя хвостами.

– Вот, Коля, сколько у тебя гостей, – приговаривала тётя Анфиса, раскладывая для них еду.

А Коля в тельняшке и десантном берете улыбался всем с фотографии на памятнике.

Но собаки, не дождавшись своей порции, вдруг опрометью рванули, петляя по узким проулкам мёртвого города. К могиле Коли приближались два мужичка в тёмных тулупах. У одного из них в руках было ружьё. Второй пьяно похохатывал, часто махая рукой в сторону тёти Анфисы. Оба они перебивались

случайными заработками в ритуальном сервисе, а в эту зиму подписали договор на отстрел бродячих собак. И хотя полагалось это делать ночью, потому как такую работу должны выполнять лишь специальные службы, им нравилось разудало бродить по кладбищу с оружием днём, тем более что в такие морозы, кроме тёти Анфисы, никого здесь не было.

– А белочек на целую шубу, – лопотал Пушинский, тот, что был без ружья.

– Всякая копейка в кассу, – соглашался Трокин, который был в этой команде за главного.

– Деньги и «пузырёк» надо с хозяйки взять. Вот я в перестройку дурак был, в свой завод ваучеры вложил, а он обанкротился. А хозяйка наша, проныра, в землю для мёртвых. Кто ж знал, что время такое урожайное будет, – кивнул Пушинский на бесконечную рябь могильных холмов.

– Тише, балабол, – рыкнул Трокин, – живность спугнёшь. Вон, собаки уже рванули. Чуют нас за километр, а мы всего-то штук пять подстрелили. Смотри на столике у неё сколько белок, дробью можно всех разом накрыть.

Подошли к оградке и остались в пяти шагах наблюдать, как снуют вокруг тёти Анфи-

сы юркие зверьки. Птицы же с разумной предосторожностью взлетели на ближайшие ветки, и только воробьи серыми пулями воровали со стола крошки.

– Так, бабка, сейчас ты тихо встанешь и свалишь отсюда, – глухо, но очень зло сказал Трокин.

– Только тихо, а то, белочки-собачки, мы и тебя тут убьём, – подражая напарнику, добавил Пушинский.

Тётя Анфиса посмотрела на них с мудрой печалью в глазах.

– Меня уж давно убили, – сказала она. – Но если вы хотите, я уйду.

– Давай-давай, – Пушинский глазами указал в сторону автобусной остановки.

– Нас на слезу не пробьёшь, – пояснил Трокин, – у самих жисть собачья, так что вали, бабка, но тихо, зверей своих не пугай.

Тётя Анфиса положила орден в сумку, что-то шепнула Коле и поднялась со скамейки. Белки, точно в недоумении, прекратили свою суету и на какое-то время замерли. А когда она сделала шаг за оградку, тут же рассыпались по ближайшим стволам, пушистыми комками уходя к вершинам сосен.

– Твою мать, – выругался Трокин.

– А твою? Твою мать это бы огорчило, – сказала ему тётя Анфиса.

– Пошла вон, ведьма старая, ты ещё будешь меня учить. Видать, своего плохо учила, раз теперь по кладбищу шарахаешься!

– Иди, бабка, пока мой напарник стрелять не начал, – подтолкнул её на тропинку Пушинский. – Знала ведь, старая, что разбегутся.

– Знала, – не стала скрывать тётя Анфиса, – но вы же мне уходить сказали... – и направилась в сторону остановки.

Трокин вслед ей грязно и многоэтажно выругался. Пушинский достал из-за пазухи чекушку.

– Слышь, Жень, ты когда-нибудь об опытах академика Павлова читал? – спросил он, сделав пару глотков и передавая бутылку напарнику.

– Какого ещё, на хрен, академика? – Трокина не отпускала злоба.

– Ну, белочки-собачки, он эксперименты над животными ставил, особенно над собачками. Так вот, эти эксперименты показали, что у всех тварей есть условные рефлексы. За столько лет, я думаю, и у наших белочек-собачек они выработались. Так что завтра

ты придёшь сюда без пяти девять, заляжешь вон за тем памятником, и пали в своё удовольствие.

– А ты? – подозрительно взглянул на товарища Трокин.

– А я пойду на остановку, задержу бабку, а то, если она сегодня не помрёт, завтра восьмичасовым снова здесь будет. Как тебе идея?

– Посмотрим, – отпил свою долю Трокин. – Если не получится, я тебя вместе с твоим академиком дробью нафарширую.

– Получится, ты только не нажирайся с вечера, а то руки трястись будут.

– Сам не наешься...

* * *

Переночевали в избушке у сторожа и в предвкушении завтрашней охоты не напились. Утром Трокин выдвинулся на позицию, а Пушкинский пошёл на остановку.

Подойдя к могиле Коли, Трокин оторопел. На месте тёти Анфисы сидел одетый полетнему солдат. Трокин не склонен был верить в мистику, скорее – в «белую горячку», но на всякий случай скользнул взглядом по фотографии на памятнике. «Нет, не тот», – отлегло от сердца.

– Э, боец, ты тут дуба не дашь? – Как можно развязнее спросил он. – Какого ты тут сидишь, сохнешь?

– Тебя жду, – спокойно ответил солдат, и Трокин с ужасом констатировал, что пар у него при этом изо рта не идёт.

– Ну и зачем? – скривился Трокин, нащупывая предохранитель.

– Поговорить надо, – услышал Трокин за своей спиной и, вскинув ствол, резко повернулся. Рядом стоял ещё один солдат. Он был постарше, лет тридцати, голова в бинтах, словно он только что пришёл из госпиталя. Да и форма его отличалась от той, что была на первом. Напоминала совсем о другой войне.

– О чём говорить-то? – прищурился Трокин, из последних сил сохраняя самообладание.

– О белочках-собачках, – эту фразу произнёс третий боец, который неожиданно появился рядом с первым. Он был в шинели и в... папахе с красной лентой наискосок.

– У вас, господин хороший, мама есть? – спросил неведомо как возникший четвёртый, одетый в форму штабс-капитана белой армии.

– А как, – выдавил Трокин, – родила же.

– Родила, к сожалению, – с издёвкой согласился штабс-капитан.

– Вы, мужики, наверное, ряженные, но у меня-то в руках ТОЗ, двенадцатый калибр, – неуверенно предупредил Трокин.

– В руках у тебя ружьё мы видим, в голове вот ничего не видим и в сердце, – сказал красноармеец.

– Ты же понимаешь, стрелять тут бесполезно, – снова заговорил первый.

Трокин начал отходить в сторону, стараясь всех четверых держать на прицеле.

– Вы мне тут хоть чё говорите, а крыша у меня на месте, и если вас эта бабка наняла, то номер не прошёл. Я всё равно сюда вернусь...

– Тро-ки-и-ин! – это крикнул запыхавшийся Пушинский, что бежал по кладбищенской аллее. – Дё!.. Дёргаем отсюда! С бабкой целый взвод ветеранов приехал! Эти!.. Афганцы, мать их!.. Она – мать их! Дёргаем!

– Ты чё, не врубаешься, меня тут тоже в кольцо взяли.

– Кто? – остановился Пушинский, который не видел никого, кроме пятящегося Трокина.

– Рефлексы твои, придурок!

– Это... Пошли, пошли отсюда от греха подальше, – потянул напарника за рукав Пушинский.

Так и пошли они в сторону нового кладбища, поочередно озираясь. На новом кладбище всегда можно было тяпнуть рюмку-другую в компании Василия. Трокин, смачно приправляя речь нецензурщиной, рассказывал, с кем ему довелось сейчас повстречаться, а Пушкинский с опаской поглядывал на товарища, сетуя на то, что в рукаве у него нет заветной чекушки. Когда скрип снега под их ногами и матерки Трокина растаяли в морозном воздухе, на столик у Колиной могилы соскользнули белки. Условный рефлекс был устойчив. А потом на аллее появилась тётя Анфиса, как всегда – абсолютно одна. Да и кто в такой мороз поедет на кладбище?..

* * *

Мы подобрали тётю Анфису на остановке. Что-то в этот день у автобусников не случилось. Рейсы задерживались. Мы же ездили проводить отца, бабушку и недавно убитого племянника Алёшу. В машине было свободное место, и мы позвали тётю Анфису к себе. Не привыкшая быть кому-то обузой, она долго отказывалась, но потом, узнав мою маму, всё-таки согласилась.

– Только до города меня подбросьте, а там я сама, – переживала она.

– Двадцать седьмой год на кладбище едешь? – уточнила моя мама, которая знала её ещё по работе в областной больнице.

– Да, вот новый начался... В этом-то году хоть тепло зимой. В прошлом страшные морозы были. Я одна на целый автобус как барыня ездила.

– Каждый день? – спросил я.

– Два дня не ездила. Болела сильно.

– А как твои белочки? – спросила мама.

– Нет белочек. В прошлом годе ещё не стало. Наверное, застрелили всё-таки те мужики... Я хоть просила Колю, чтоб он их поберег, но, видно, застрелили. Время такое, не только белочек убивают...

– У меня вот внука убили, – горько согласилась мама.

– Сколько годков-то было? – переключилась на чужое горе тётя Анфиса.

– Двадцать один... Зарезали на улице. Ничего не взяли, просто зарезали...

– Господи, что же делается-то...

Далее до города ехали молча. Мы высадили тётю Анфису прямо у дома. После долгих «спасиб» она вдруг наклонилась в салон и сказала:

– А тех двух мужиков потом нашли замёрзшими. Пьяные замёрзли. И ружьё при них.

– Она кто? – спросил водитель, который не знал историю тёти Анфисы.

– Мать солдата, – ответил я на все вопросы.

ПЕРВОЗВАННЫЙ (Ангелы плачут)

А всякий, кто слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот; и он упал, и было падение его великое.

Мф. 7, 26–27

Приносили к Нему и младенцев, чтобы Он прикоснулся к ним; ученики же, видя то, возбраняли им. Но Иисус, подозвав их, сказал: пустите детей приходить ко Мне и не возбраняйте им, ибо таковых есть Царствие Божие. Истинно говорю вам: кто не примет Царствия Божия, как дитя, тот не войдет в него.

Лк. 18, 15–17

1

А еще было небо. Серое, как мамины глаза. И у Андрейки они тоже были серые. А ещё были Ангелы. Андрейка видел Ангелов. Ангелы же

умильно радовались, что он не видит страшного рычащего сонма бесов, заполняющего пространство в поисках легкой добычи. Андрейку бесы боялись и держались в стороне, потому что, как и по возрасту, так и по состоянию души, мальчик был безгрешен. В свои пять лет Андрейка слыл в поселке «блаженным», обычно он смотрел на небо, наблюдая, как «работают», а правильнее сказать, служат Ангелы.

Одетый в вечное драное пальтишко, из-под которого торчала грязная изношенная футболка, – и не потому, что мать, Алевтина Сергеевна, не следила за сыном, просто ничего другого одевать он не хотел. Зимой и летом – в кедах и спортивных штанах. Стирала она ночами, украдкой, но менять одежду сын не хотел. Уж вырос давно из всего, но упрямо надевал прежнее. Сменить согласился только кеды.

– Давай обновы купим? – уговаривала мать.

– Зачем? – удивлялся мальчик с такой искренностью, что на глаза матери наворачивались слезы. Она отворачивалась, уходила, шепча: «Горе ты мое луковое или радость?»

Андрейка же выходил на крыльцо любоваться Ангелами, и ничего большего в жизни ему не хотелось, ничто не радовало.

– Эй, Андрейка – юродивый! – смеялись, пробегая мимо, ребята.

– Конечно, – соглашался мальчик, – меня же родили.

И слово «юродивый» теряло свой «уродливый» смысл. Что ему до смысла, если смысл происходящего больше абсурден, чем разумен. А вот Ангелы – они серьезную службу несут, как солдаты. Каждый на своем посту.

– А вон тот бережет колокольню старого храма. Надо ее отремонтировать, подновить, – говорил Андрейка окружающим, – а то Ангел печальный и плачет.

Мать, Алевтина Сергеевна, женщина лет сорока, но уже сломанная современной рыночно-райской жизнью и преждевременной смертью пившего последние годы мужа, удрученно вздыхала. Андрейку она наивно считала Божиим наказанием, точно Бог может и хочет кого-то наказывать. Она не ведала, что любовь Божия выше наказания, ибо и Своего Сына Он пожертвовал ради спасения людей. Зато Алевтина Сергеевна знала, что Андрейку надо вовремя забрать с улицы, накормить, защитить от насмешек часто черствых, а то и жестоких сверстников и особенно подростков. Потому что

в этом мире нельзя быть не как все... И нельзя видеть Ангелов. Во всяком случае, простому смертному.

Но всколыхнулся весь поселок, когда упала-таки заросшая травой колокольня. Услышали тогда в жуткой тишине Андрейкин лепет:

– Ангел всё равно остался, он плачет. Ему это место беречь надо.

И вспомнили вдруг, что не раз уже преждемалыш про колокольню, стали вспоминать, о чем ещё говорил.

Ангелы же печалились: не знал Андрейка, какой тяжелый дар ему достался. Святые от такого отмаливаются, просят Бога забрать его. А тут младенец невинный. Но и бесов Андрейке видеть случалось. Редко, но метко.

Как-то у вновь открытого сельского ларька Андрейка грыз леденец, подаренный сердобольной старушкой, и увидел, как подходит за очередной бутылкой водки сосед, что жил через улицу, Иван Петрович. Малыш даже отпрыгнул от него.

– Дядя Ваня, не ходи сюда, за тобой чёрт идет и радуется. Страшный такой.

– А как же твои Ангелы, чего они его не прогонят? – вполне добродушно ухмыльнулся пьяница.

– Не могут, вы же сами туда идёте, сейчас бутылку травленной водки купите и пойдете помирать. Ангел-то вон далеко идёт, плачет.

– Так уж и плачет.

– Так и плачет. Сильно. Как мама, говорит когда про папу, безутешно.

Иван Петрович вдруг остановился, задумался, красные глаза его заметно увлажнились. Он стал смотреть на грязные свои резиновые сапожищи. Крупные слезы оставляли на них заметные пятна.

– Не понимаешь ты, Андрейка, – в сердцах вскричал он, – душа просит! Рвет душу! Никакого житья! Одна-й только боль и осталась. И пустота поганая...

– А вы, дядя Ваня, Ангелов слушайте.

– Так это только ты у нас можешь. А я глухой, слуха у меня с детства нет. Даже под гармошку не могу...

Продавщица недовольно высунулась в окно:

– Эй, малец, ты мне клиентов не отбивай. Ваня и вчера эту водку брал, не помер, как видишь.

– Так это вчера было, тетя, а сегодня... Сегодня за ним сам черт идёт. Пойду я подальше, пахнет от него.

– Ещё бы не пахло, – по-своему поняла торговка, – уж какой день запоя у него.

А вечером Иван Петрович умер прямо на крыльце своего дома. Не дошёл за очередной дозой. Тут уж продавщица Антонина на весь околоток завопила, что смерть ему Андрейка «наговорил», «да и колокольню он уронил», стояла ведь сто лет, ну мало ли что коммунисты из неё клуб делали да забросили. Остановили Антонину благообразные старушки, что собирались вечерами в моельном доме, потому как ни храма, ни священника в посёлке не было.

– Уймись, оглашенная, – цыкнули на нее, – парень не в себе, но без зла он. Его слушать надо. Не купил бы Петрович твоего пойла – сейчас бы жил и здравствовал, а завтра его на деньги администрации зароят, и всё, никакого спасения. Как самоубийцу хоронить будем, мы уже письмо руководству написали. Неча ему делать в одной земле с православными христианами. На окраине зароем, и на том пусть радуется, что земле предадим.

Антонина смутилась.

– Да я ничего. Блаженный ваш Андрейка точно – блаженный. А водка, бабы, может,

и действительно паленая. Гасиф её неизвестно откуда везёт.

– То-то! – бабы отступили. – Пожгём ещё твоего Гасифа. А ты без работы не останешься. В собесе вон место есть, за стариками ухаживать. Уж и платить будут не меньше, и работа богоугодная.

2

Уходя на работу, Алевтина Сергеевна оставляла Андрейку именно на этих бабулек – «Божьих одуванчиков». И знала наверняка: если не в тепле (где ж Ангелов смотреть, как не на улице?), но накормлен.

– Андрюша, помолись с нами: – звали старушки.

Мальчик охотно шёл в молеальный дом и первым начинал молитвы, причём правильно и по канону, хотя кто его учил? Видимо-таки, Ангелы. Бабульки почти рыдали, подпевая «Ангеле Божий, хранителю мой святой...» Затем шел к иконе каждого святого, пропевая: «Моли Бога обо мне, святой угодниче Божий...»

Бабка Серафима всё его спрашивала:

– Андрюша, а какие они, Ангелы?

– Разные, – рассудительно отвечал мальчик.

– Светлые?

– Светлее солнца.

– Ой, чудно!

– А Михаила Архистратига ты видал? – акнула в конце.

– Ну вон же, на иконе, – с улыбкой кивал Андрейка.

– Так на иконе я и сама угляжу, а вот увидеть бы наяву.

– Нельзя.

– Отчего? Ты же можешь.

– Не-а... И я не могу. Очень он большой. Ему небо держать надо. Он по сторонам смотрит, как Илья Муромец. А вдруг враг откуда? Меч у него огненный... А то и копье, как у Георгия Победоносца.

– Ну вот, а ты баешь, что не видел.

– Целиком нет. Только частичку. Или меч, а то всего глаз один или крыло... Огромный он!

– А смотреть на них страшно?

– А ты, баба Фима, побоялась бы в зеркало на свои грехи смотреть? Скоких ты детишек заморила у докторов? Всё об этом переживаешь, маешься. Я твои мысли так слышу, не обижайся только, баб Фим.

Бабуля хваталась за сердце.

– Так исповедовала вроде этот грех я.

– Ага. Исповедовала. У Ангела вычеркнуто в книге. Исповедовала, но грехи всё равно видно. Ну, ты спросила, я ответил. Как в зеркало. Вот так и страшно. Но смотришь на них – так на душе светло, что и солнышку темно рядом. Знаешь, баб Фим, от них добром пахнет. Ну... Как ладаном, когда мы служим. Я вот только, когда Ангела вижу понимаю маму, кода она плачет и говорит, что меня любит.

После такой беседы Андрейка принимал домашнего изготовления просфору, а то и кусок пирога (ежели не было на тот момент поста) и убегал смотреть на своё любимое небо. Небо бледного цвета. Такое бывает только в русской глубинке. В один из непогожих осенних дней, когда небо над селом тянулось серее серого и ползло, цепляя макушки деревьев, словно обозлилось на грешную землю, Андрюшка выскочил в своих потрепанных кедиках на крыльцо и замер.

– Снег будет, – сказал он.

– Какой же снег, сентябрь на дворе, вон дожди почти каждый день льют, рано ещё снегу, какой снег? – подивилась баба Люда, вышедшая по хозяйственной надобности.

– Обычный снег. Ангелы будут землю чистить.

И точно. В жёлто-красную кипу листвы ударил сначала резкий северный ветер, а потом полетели первые снежинки.

– Свят! Свят! Свят! – истоиво перекрестилась баба Люда.

– Ничего, – спокойно сообщил Андрейка, – сугробов насыплет, а потом оттаёт всё. Измаралась земля, вот и надо её почистить.

– Ты бы в дом шёл, пророк-младенец, – ругнулась она вдруг на него, будто тот был виноват в разбушевавшейся непогоде, – ноги-то в тапках околеют.

– Да я привык.

– Ишь, привык, а нам перед матерью ответ держать. Вдруг простынешь... – и сама себя поймала на мысли: за пять с лишним лет своей короткой жизни Андрейка ни разу не хворал. Не жаловалась Алевтина...

– Ну, так ить всё равно пойдём от греха подальше, – добрее позвала старушка.

– Так от греха не уйдёшь, – улыбнулся мальчик.

– Кто бы подумал, – бурчала баба Люда, уходя в сени, – сын алкоголика, а умён

не по годам. Хоть сейчас проповеди за ним записывай.

— А знаешь, баба Люда, нехороший человек в посёлок идёт. Вот вы сегодня за Ивана Петровича молебен читать не стали, а за него и некому было. Он больной был. Его знаешь какой черт мучил! Я сам видел!!! Я за него всё равно молитовку прочитаю...

Баба Люда уронила в сенях таз, хотела выругаться, но села в беспомощности на лавку. Малец был прав.

Бывший тракторист Иван Петрович Малев пить начал в самый разгар антиалкогольной кампании. Сам варил самогон. А до того был первый на селе механизатор. Дак ведь и пить-то начал вместе с отцом Андрейкиным, который тоже в лодырях не ходил. Кончилась нормальная водка — запили сивуху. Сначала умер Андрейкин отец Василий, потом жена Ивана Наталья, а вот теперь сам Иван... И не казался он теперь почему-то бабе Люде виноватым в своей слабости, в пьяном пристрастии своём. Стояла над посёлком уже ставшая привычной густая безысходность, не пройти её, точно туман... Русский мужик чем силен: пахать и воевать... Ещё ладно, если избу отладить может, забор подравнять... Ну не

умеет русский мужик от этой жизни ломтями рвать. Для другого что ли его Бог создал? Если, конечно, о русском мужике идет речь, а не о «новом русском». «Новый русский» – это особая порода, бульдогов, что ли? Так действительно считала баба Люда. И теперь села на лавку, уронив таз, ощущая эту, пусть давно уж известную, правду Андрейки. «А ведь прав парень, отпеть Ивана – не велик труд», – подумала и уже пошла кумекать со старухами. А снег повалил мокрыми хлопьями, заваливая белыми куполами ещё неотзеленевшие кроны деревьев, цветы и неубраный урожай в огородах.

Ну и что с того? Да на Руси снег не страшен. Даже в июле. Чем больше снега – тем чище. У всех балканских народов, да и у многих других, есть легенда, что когда Бог раздавал земли, то он (болгарин, грек, серб) работал в поле и опоздал к раздаче. Узнав об этом, Бог пожалел труженика и поселил его в рай. На Руси такой легенды нет... Зато есть снег. Много снега.

– Плохой человек идёт, – повторил Андрейка, глядя в небо. – Ангелы волнуются.

Мать забрала его прямо из молельного дома.

– Хоть поснедал чего? Ел, спрашиваю?

– Зачем? – удивительный этот ответ сразу заставлял Алевтину Сергеевну жмуриться, чтобы не заплакать.

Но тут подросла баба Фима.

– Он у нас и не хочет, а накормим. Пирог, молоко, картошку отварную в мундирах. Только он всё равно ест чудно. Будто мимо рта проносит и всё в окно смотрит.

– Ангелов своих зрит.

– Наших, – поправила Серафима Ивановна. – Ничто тебе жалко. Ребёнок другими глазами видит. Ты не ропщи, а привыкай.

– Вам, Серафима Ивановна, легко говорить. За то, что он Ангелов видит, ему оценки в школе ставить не будут, да и зарплату платить потом. Я же о будущем его думаю.

– Да где оно, твоё будущее? У всей страны нет, а у тебя быть должно! У меня вон, на стене, одно прошлое в черно-белом исполнении. Сама знаешь: муж уже отлетался, сын по пьяни под трактор лег, а дочь где-то по городам маракует. Шалава. И-их... Может, выпьешь с устатку?

– Да не, Серафима Ивановна, вы же сами знаете, я после смерти Василия никакой алкоголь на дух не переносу. Пойдём мы, спасибо за Андрейку, в садик-то не берут... Ему

особый – для детей с девиантным поведением надо.

– Каким? – переспросила старуха.

– Ну, типа, где головой больные.

– Сами они головой больные. И задницей – тоже, козлы! Скоро последнюю школу в селе закроют, тогда у них всех девиант... – сбилась от нового слова, но быстро нашлась: – все дебилы будут. Специально, как рабочий скот. Андрейка-то Божий человек. Это они пузом жирные, а душой хилые. Ну да ладно, идите с Богом. – И перекрестила на крыльце.

– С Ним и пойдём, – улыбнулся в наступающую мглу Андрейка.

3

Ходить и говорить Андрейка начал поздно. Зато с самого младенчества так смотрел по сторонам, а потом и в окно, что, казалось, понимает много больше взрослых. Такое про многих младенцев сказать можно, но Андрейка действительно смотрел по-особому. После смерти отца не плакал, не звал его, будто и не было папы у него. Алевтина переживала, что ребенок отстаёт в развитии, возила его в райцентр к врачам и психологам. Те умудрённо кивали: да, мол,

так и есть, тесты разные проводили, называли какое-то странное слово «аутизм», прописывали всякие тренинги... И чаще всего такие консультации заканчивались намеками на необходимые затраты. Да какой у доярки «тренинг»? Выйди в пять утра на работу и тренируйся до полного «не могу». А дома малыш, который нуждается в особом уходе. И огород, с которого мало-мальски, да кормишься. И десять соток картошки каждое лето, а осень – поди-ка накопай. И на своём горбу в погреб.

Да уж, «особого ухода»... Однажды ушёл так, что искали всей деревней. А он сидел себе на берегу и смотрел на воду. Сколько ему тогда было? Четыре? Другие уже лопочут всю, играют, даже компьютеры осваивают, ну хотя бы железяки какие... А этот? Для Андрейки окружающий мир точно отсутствовал. Даже кормить его приходилось с ложки, в то время когда другие малыши уже «сникерсы» сами разворачивали и «несквики» кланчили вместо манной каши. Единственное, что Андрейка делал сам – умывался по утрам и ходил в туалет, одевался и выходил на крыльцо, а то и в поле, чтобы сесть, на что подвернется, и смотреть в небо...

Баба Люда и надоумила Алевтину везти сына в районный центр. В храм. Крестить.

– Хуже не будет, – напутствовала, – а вдруг да будет чего... Там отец Герман служит, очень хороший священник. К нему со всей России запойных алкашей везут, и ведь помогает. Без кодировок всяких. Подолгу люди не пьют, а то и совсем прекращают. А ещё, говорят, он одержимых отчитывает. Наша Фима-то такого там насмотрелась!.. Привезли одну, а та мужским басом верещит: не ты сажил, ни тебе выгонять! Упала, слюной брызжет, трясун её колотит...

– Да ведь не одержимый он у меня! – всколыхнулась Алевтина, нежно прижимая соломенную головушку сына к животу.

– Тьфу! Нет, конечно! Он некрещёный! Разумеешь? Говорю же, хуже не будет...

С тем и поехали.

Седовласый отец Герман с интересом посмотрел на Андрейку. Попытался с ним заговорить, но тот лишь блаженно улыбался священнику. Чудо произошло чуть позже. Во время таинства, когда задал вопрос отец Герман к крещаемым: «Отрицаетесь ли от сатаны?» – Андрейка произнес первое слово в своей жизни: «Отрицаюсь»! Да прямо выкрикнул!

После таинства отец Герман причастил младенцев, прочёл проповедь, а к Алевтине подошёл отдельно, хотя прихожане толпились вокруг него и даже зазывали в гости, отметить радостное событие.

– Необычный у вас мальчик.

– Да уж, доктора и психологи мне наговорили.

– Ни те ни другие здесь не сильны. Не сведуши – так, пожалуй, сказать правильнее. Что они могут знать о детской душе? Они ведь души не ведают. Знаете, есть одна поучительная история. На одном из официальных государственных приемов, в конце 50-х, по-моему, к известному хирургу и пастырю, а ныне святому и, кстати, лауреату Сталинской премии, архиепископу Луке Войно-Ясенецкому, прошедшему и лагерь, и войну, подошёл один из членов правительства. Он надменно сообщил владыке, что летавшие недавно в космос советские спутники Бога там не обнаружили. Как, мол, вы это объясните? Владыка ответил вдумчиво и серьезно: «Будучи хирургом, я неоднократно делал трепанацию черепа, но ума там тоже не обнаружил».

Алевтина улыбнулась доступной мудрости святого. Но спросила:

– К чему вы мне, батюшка, это рассказываете? Я ни в космос, ни в хирургию не собираюсь...

– Я к тому, Алевтина Сергеевна, что сын ваш видит больше, чем мы. Может, и слышит. Дар у него. И не нам судить, отчего и почему такой дар младенцу дан. Вот ведь знаете, наверное, что имя у него, как у апостола Андрея Первозванного. «Первозванного» – слышите, как звучит? Господь его первым призвал и в свои ученики, и к служению.

– Мама! Мама! Ангелов вокруг много-много! Они радуются и такие красивые песни поют! – воскликнул вдруг Андрейка.

Алевтина испуганно стала озираться по сторонам, потом увидела голубей на паперти и успокоилась. Видать, голубей за Ангелов принял.

– Ты правда видишь Ангелов? – присел на корточки отец Герман.

– Правда. Некоторые маленькие, как голуби, а некоторые большие. И все поют.

– А что поют? Бога славят?

– Да! И за людей радуются, что сегодня в церковь пришли.

– Господи, – прижимала руки к груди Алевтина, – он же до сегодняшнего дня ни словом ни обмолвился.

Его в эти... Как их? Аутисты записали. А теперь лопочет, да ещё как! Неужто и правда чудо Господне?

– Думаю, – поднялся во весь рост священник, – мальчик просто пришёл туда, куда должен был прийти. А чудо тут совсем в другом. Если он действительно видит Ангелов... Такого немногие святые сподобились.

– А что, батюшка, Ангелы действительно вокруг бывают? – спросила Алевтина.

– Святые отцы учат, что в небе куда как теснее, чем на земле. И отрадно видеть Ангелов, хотя простому смертному лучше никаких видений не желать, опасно, прельстить могут, а вот, говорят, если видеть бесов, то от ужаса можно сойти с ума.

– Ойеньки! – прижала к себе Андрейку Алевтина, но он вырвался и побежал на середину церковной площади, чтобы, задрав голову, смотреть на колокольню, где на звоннице сочным баритоном понеслись в городское небо первые удары благовеста.

– Ангелы качаются! – закричал Андрейка.

– Да, чудный дар, удивительный... – задумчиво сказал отец Герман, прислоняя ладонь ко лбу, пытаясь рассмотреть в крестообразном протуберанце солнечных лучей то, что видел

там мальчик. – И не может он лгать младенчеством своим.

– А что дальше с этим Андреем Первозванным? – Алевтина и радовалась, и боялась происходящего.

– С апостолом? – отозвался священник. – Он позвал следовать за Христом своего брата Симона Петра. До того он был учеником Иоанна Крестителя, а родом из Галилеи. После Вознесения Господня он много проповедовал в разных землях, был в Скифии и, по преданию, пришёл на киевские холмы и пообещал, что на них воссияет благодать Божия. А в конце жизни он принял мученическую смерть во славу Божию. Был распят где-то в Ахее на особом кресте, который теперь и называется Андреевским. На военных кораблях флаги видели?

– Распят? – задумалась совсем о другом Алевтина, с нескрываемым ужасом глядя на сына.

– Сегодня у христиан другие мучения, – уловил её состояние батюшка, – тысячи искушений, насмешки, преследования за веру, непонимание окружающих, живущих только суетой этого мира...

– А я вообще не хочу никаких мучений! – всплакнула Алевтина. – Мне уже хватило!

Муж от пьянки угорел, сама на работе здоровье потеряла, и теперь вот ещё Андрюша... Мучения. За что мне, батюшка?!

– Господь каждому даёт крест по силам его. Можно, конечно, попытаться найти себе полегче, а можно вообще сбросить... Роптать на Бога. Он же чего нам дал: ну жизнь, ну прекрасный окружающий мир, ну свободу, которая только у Самого Бога и есть... А забыл, оказывается, построить для каждого дворец, пару автомобилей на семью подогнать, счет в банке открыть, чтоб и потомкам хватило. Да ещё бы и не трудиться вовсе, валяться на пляже или на диване. А как помирать вздумаем в полном здравии и безо всяких тебе болезненных страданий, так сразу Господь, или на худой случай апостол Пётр, должны нас у ворот рая встретить. Чего уж! Всё оплачено. Сын Его за это принял мучительную смерть на кресте...

– Да я, отец Герман... – смутилась Алевтина, – я не ропщу. Больно, вот и ною. Мне уж старушки наши разъяснили, отчего Бог не сделал всех разом счастливыми и добрыми. Потому как главное было бы нарушено – свобода. Ох, и долго они мне эту свободу растолковывали. Я ж до этого думала,

что свобода – это как в демократии, на улицах орать. Митинговать. А то, оказывается, стадность, а не свобода.

– Стадность? Интересное слово вы, Алевтина, для демократических институтов подобрали.

– Да это у меня профессиональное.

– Можно я теперь им буду пользоваться? Это ведь как хорошо сравнить можно: с одной стороны – стадность, с другой стороны – соборность. Выбирай, человек...

– Пользуйтесь, батюшка.

– А вы приезжайте почаще... Андрюшу причащать. Да и вам надо. И уж если видит он Ангелов, значит, они его любят. А можно ли желать лучших друзей и защитников?

Следуя за мыслью священника, Алевтина просветлела лицом и успокоилась. На сердце стало легче, и она вдруг осенила себя широким крестом и поклонилась на собор.

– Прости, Господи, меня, грешную.

Но снова заплакала, правда, слёзы эти были теперь совсем другие. Не из глаз, а прямо из сердца.

4

Село Гатово стояло на левом низком берегу реки Тосьвы, которая в этом месте делала крутой изгиб, выстроив на правом берегу забор густой тайги, а на левом оставив заливные луга, и от полного затопления Гатово спасала только дамба, построенная ещё в 1970 году заезжей комсомольской бригадой с Украины. С тех пор дамбу только слегка подновляли. Районное начальство щедро подгоняло каждое лето пару грузовиков с песком и грейдер. Между тем Тосьва год от года во время разливов пыталась изменить угол своего изгиба. С правого, крутого берега осыпались мощные стволы сосен и кедров, облетал, как трава, осинник, а вокруг Гатово появлялось озеро, и гатовский остров стоял лишь потому, что Тосьве не хватало то полметра, а то и нескольких сантиметров, чтобы перешагнуть и смыть дамбу.

Возможно, Гатово получило своё название в те времена, когда дамбы не было и река то и дело заливала село, превращая его в буквальном смысле в гать. А может, и по какому другому поводу. Но сельчане упрямо не покидали опасное место более трехсот лет. Именно на этом изгибе Тосьва щедро делилась муксуном, нельмой, а уж про язей и прочую чебачью ме-

лочь говорить не приходится. Шла изгибом и благородная стерлядь, случались осётры. Заливные же луга выкосить не могли за всё лето целым селом. Поэтому, когда вместе с перестройкой и приватизацией пошло в развал сельское хозяйство – совхоз растащили по дворам – и остался только частный коровник, где и работала Алевтина, большинство сельчан ушли на реку, где вели позиционную войну с рыбнадзором, отстаивая своё свободное право на рыбный промысел в местах исконного проживания. И только назначенный в администрацию эмчезовец Александр Семёнович тревожно выходил каждую весну и осень на дамбу, делал только ему понятные замеры и чего-то докладывал начальству. Двести гатовских семей поочередно спрашивали у него, прорвет или нет, на что он отвечал неопределённо и уклончиво.

В сущности, если бы дамбу снесло, на месте села образовалось бы нерукотворное, но вполне приличное по размерам озеро.

Осень в этом году выдалась на редкость унылая и дождливая. Сельчане почти не выходили из отсыревших, разбухших от небесной воды домов. Мужики хмуро глушили самогон, собираясь в сараях и подсобках,

а женщины безучастно смотрели бесконечные сериалы. Дети вообще не знали, куда себя деть. Грибной и ягодный сезон отсырел и выгнил на корню. Только бессмертные и бессменные вороны кликали с ближайших макушек беду да бездомные псы грустно смотрели с размытых дорог на дворы, ожидая подачек от сердобольных гатовцев. Лишь рыбаки настырно и упрямо и днем и ночью тралили провязами реку, чтобы потом вывезти в город и отдать улов за полцены коммерсантам. Но и то были деньги. Каждый день головастый «уазик» уходил по покореженной бетонке, загруженный мешками с сортированной рыбой. А на мешках маркером выводили фамилии да килограммы. Водитель с каждой ходки имел свой доход, а вообще-то приставлен он был к коммунальной службе, которая ютилась в вагончике как раз у дамбы. Правда, всё больше и всё чаще деньги за рыбу и ягоды превращались в водку и закуску, привозимые тем же «уазиком» из города, а сельчане чем дальше, тем больше привыкали жить на подачки от нового «демократического капиталистического» государства. Поэтому жизнь, казалось, и текла размеренно, да только не было жизни, как почти не бы-

ло работы. Дикоросы, коровник, река и пособия – вот и вся жизнь.

Да выходил на главный объект своих опасений Александр Семёнович. Замерял поднявшийся от бесконечных дождей уровень воды в Тосьве. Но до весенних тревог было ещё далеко, поэтому, выкурив дежурную сигарету, работник МЧС втапывал окурочек в дамбу и уходил в сторону ЛЭП, близость которой к лесу представляла собой ещё одну зону опасности. Жил Александр Семёнович в селе бобылём. Поговаривали, что где-то на Камчатке во время землетрясения он потерял всю семью и после этого переучился из инженеров в спасатели, но оставаться там не смог. Уехал в Сибирь, где его направили на гатовскую дамбу и даже дали жильё – особняком стоявшую на окраине покосившуюся избу, жильцы которой несколько лет назад подались в город. Говорили о нелюдимом спасателе много, но сам он ничего не рассказывал, даже если попадал в компании. Даже если за бутылкой. Либо оттого, что пил мало, либо потому что рассказывать больно. Но во взгляде его читалась спрятанная под внешней строгостью и серьёзностью глубоко запавшая тоска.

Так и тянулись бы эти бесконечные дни до первых заморозков, чтобы потом нырнуть в мягкие пушистые сугробы, пустить из них дымы и благоухать на всю лесную округу сибирским уютом.

Но в один из дождливых сентябрьских дней уже после снежной бури к причалу у той же дамбы лихо подкатил шикарный импортный катер. Приехал уроженец Гатово, а теперь удачливый городской бизнесмен Пётр Комков. С борта своего быстроходного чуда он спустился уже нетрезвый. Вместе с ним на гатовскую землю десантировались такие же нетрезвые гости, две беспричинно хохочущие, но зато очень смазливые девицы и его напарник по бизнесу, которого звали Али. Сначала вся бригада направилась с пакетами, в которых позвякивали бутылки, к дому Комковых, где предполагалась теплая встреча с родственниками и совместный поход в баню. По дороге Пётр Васильевич обещал друзьям обалденную ночную рыбалку с фейерверками. Такую, что рыбу руками брать будут, а потом тут же под водочку стерлядочку с солью, а то и уху из муксуна.

— Щас всю деревню на уши поставим! — щедро обещал Комков. — Мужики «смирновки»

лет сто не пили. С моего прошлого приезда. Хорошо, что я три ящика закинул.

– А нам? – хохотнула вопросом одна из девиц.

– Лиза, шампанское не кончится! У меня на катере специальный краник есть!

Вслед им настороженно смотрел Александр Семёнович, который именно в этот утренний час делал свои замеры на дамбе. Словно почувствовав его взгляд, Комков оглянулся и приветственно крикнул:

– Семёныч! Заходи на огонёк, а вечером – добро пожаловать в трюм. Я ж на родину приехал, отрываться будем!..

Александр Семёнович неопределенно кивнул и привычным движением втоптал окурок в горб дамбы. Шагнул было в сторону ЛЭП, но тут у него под ногами вырос Андрейка, что, хватаясь руками за траву, вскарабкался на вал.

– Ты опять один, без мамы, на реку пришёл? – строго спросил Александр Семёнович.

Человек он был крупный, голос – густой бас, потому маленький Андрейка чуть не упал вниз, испугавшись служебного напора, но был подхвачен за воротник тренированной рукой спасателя.

– Я, дядя Саша, на воду пришёл посмотреть, – доложил Андрейка. – Ангелы волнуются.

– Вода в порядке, – в свою очередь доложил Александр Семёнович, – всё пока в норме, бояться нечего.

– А я не боюсь, – успокоил его мальчик, – это Ангелы волнуются.

– Ну так скажи им, чтобы не волновались. Мы свою службу знаем.

– И всё равно, вон и ваш Ангел волнуется, – Андрейка кивнул куда-то за спину спасателя, отчего тот невольно обернулся.

– Гм-м... – Александр Семёнович знал об Андрейке, как и всё село, потому ругаться на увиденную за спиной пустоту не стал. – Ну ничего... Ничего...

Между тем к обеду в доме Комковых собралось уже полсела. Головастый «уазик» привез с катера водку, шампанское и деликатесы мешками. Во главе стола сидел Василий Иванович Комков-отец – щедушный, небольшого роста старик, которому было за семьдесят. Мать суетилась, подавая закуски. Разговор уже давно, как это водится в пьяных компаниях, сбился с общей темы, с общего ритма, стоял гулкий, притупляющий

движение любой мысли галдёж, в котором можно было угадать всё: от предсказаний погоды до внешней политики. И только время от времени Василий Иванович неожиданно громким тенором перекрикивал общий гвалт, поднимая рюмку со «смирновкой», чтобы напомнить землякам:

– А посмотрите, какой у меня сын! Во как поднялся! Сам! Во как работать надо! Это вам не чебаками торговать! Шесть магазинов у ево!

– Семь, батя, и кафе ещё, – поправлял Пётр Васильевич, сидевший по правому плечу, – ещё вот завод с Али покупаем. Будем консервы делать.

– Да! А вот напарник моего сына – Али, прошу любить и жаловать! – указывал Комков-старший на горбоносого кавказца, который при этом почтительно вставал и чокался краем своей рюмки под низ рюмки старика, оказывая тем самым ему почтение. – Вот у них дружба! Они всё и всем продают, а друг друга – нет! Во как дружить надо! Так выпьем за то, чтобы все мы так жили! – провозглашал Василий Иванович, после чего над столом рассыпался нестройный бокало-рюмочный звон и снова начинался гвалт.

Гостей не удалось выпроводить до позднего вечера. Многие, собственно, уже спали, уткнувшись в стол или прямо на холодной земле у крыльца, куда вышли на перекур, поэтому Петр Васильевич, Али и девицы просто удалились в протопленную заранее баню, оставив командовать застольем Василия Ивановича, который и сам уже периодически клевал, пытался в очередной раз произнести главный тост, но путался в количестве магазинов, кафе и заводов. Следует заметить, что местная ферма, на которой работала Алевтина Сергеевна, принадлежала Василию Ивановичу, любезно выкупленная специально для отца заботливым сыном. И с реализацией молочной продукции сын оказывал отцу в городе посильную помощь. Домашней сметаной с успехом торговали на рынке земляки Али, имея от этого солидный процент. Кроме того, каждое утро проходил через село на выпас табун лошадей. Это было увлечение Василия Ивановича, и хоть Петр Васильевич считал его бестолковым и дохода не приносящим, отцу претензий не высказывал. Поговаривали также, что Комковы позарились купить брусничные уголья, от которых пи-

талось всё село. Но пока это были только разговоры. Вообще, Комковых за их торговую жилку и успешность недолюбливали, но всякий раз, когда проводились подобные застолья, к ним собиралось полсела. Рыбаки даже не выходили на реку. И не оттого, что можно было упиться дармовой и к тому же хорошей водкой, а потому что другого повода и места собраться у сельчан не было. Разместив в храме клуб во времена перестройки, довели его до полного разрушения, завершившегося тем самым падением колокольни внутрь обветшавшего здания. Администрация же находилась в обычной избе с вывеской в центре посёлка, крышу которой венчал застиранный дождями и размахрённый ветрами триколор. Женщины ещё могли собраться потолковать в магазине у Гасифа или хоть у его же ларька, если позволяла погода. Комков свои магазины в селе закрыл из-за незначительной прибыли. Намного выгоднее было скупать у земляков рыбу.

Выгнав добрым паром и нырянием в искусственный пруд часть хмеля, комковская компания обрела способность к дальнейшему передвижению и желание новых развлечений.

Наступило время обещанной рыбалки. Пётр Васильевич потянул гостей на берег, за ними увязалась пара местных рыбаков, пытался подняться из-за стола участковый, что был одноклассником Петра, но не смог. «Смирновка» так надавила на майорские погоны, что он лишь поднял голову, промычал нечто несвязное об общественном порядке и тут же уснул, отвалившись к стене.

На реке было темно и сыро, пустое чёрное небо давило из себя стылую морось.

– Щас мы это поправим, – оценил окружающую обстановку Пётр Комков.

Через пару минут нежно заурчал импортный мотор, и с катера вдоль Тосьвы ударили два мощных прожектора.

– На провяз будем али на удочки, ради потехи? – поинтересовались нетрезвые, но профессиональные гатовские рыбаки.

– У меня тут такие удочки! – гордо крикнул Комков, вытягивая на борт тяжёлый зелёный ящик.

Откинул стальные щеколды-замки и открыл ящик, предоставляя на обзор компании содержимое в виде боевых гранат. Овальные обтекаемые зелёные корпуса лежали один к одному в опилках с уже вложенными запалами.

– РГД-5! – радостно пояснил Пётр Васильевич. – Рыба клюёт оптом и кверху пузом. Пара штук – и уха вёдрами! Мне тут один зампотыл задолжал, так вот рассчитался.

При виде грозного оружия даже внешне хладнокровный и подчёркнуто храбрый Али заволновался:

– Петя, а что скажет участковый? Всё село переполошится.

– А чё он скажет? Ничё он не скажет, он со мной за одной партой сидел. Подарю ему парочку для оперативной работы, этим и обойдётся. Я не понял, вы что – на измене? Испугались, что ли? – Петр Васильевич с прищуром смотрел на рыбаков, которые явно не одобряли подобного браконьерства.

– Короче, – решил за всех Комков, – кинем парочку с дамбы, соберём рыбку, разведём костерок. Всё будет пучком. Я в армии знаете сколько гранат швырнул? Я – первый гранадёр на деревне, – вспомнил нужную боевую единицу коммерсант.

– А, ну если ты такой боевой, Петя, то давай, швирай свои РГД, только подальше. А то осколки, понимаешь. Дэвушки бояться. – Но потом уже прежним гордецом повернулся к притихшим красавицам: – Дэвушки, сейчас

Петя будет делать маленький бух, а потом мы будем делать большую уху. Петя, стёрлядь вспиливёт?

– Вспиливёт, – передразнил-пообещал Комков. – Осколки недалеко летят, потому что граната наступательная, специально для дураков сделана, которые бросать не умеют.

– А тогда бросай хоть водородную бомбу, – разрешил Али. – Я Лизу и Олю отведу чуть подальше. Дэвышек надо нэжно берэчь. Пони-маешь, Петя?

– Да полезайте в катер, рыбу-то потом собирать надо. Там у меня сачки специально приготовлены. Так что объявляем рыбе войну. Рыба, выходи!

– Осторожнее только, Петруха, – косились на гранаты рыбаки.

– Да не ссыте в реку, мужики, – успокоил их Комков, выходя с двумя гранатами на край дамбы, при этом на глазах у немногочисленной, но изумленной публики он браво выдернул кольца-щеки зубами, приведя гранаты в боевое положение.

С криком «ловись, рыбка, большая и малая» Петр Комков швырнул гранаты в реку. Сначала только два всплеска были ответом на атаку Петра Васильевича. Но через три-четыре

секунды со дна поднялись два водяных столба, сопровождаемые гулками взрывами. Пётр Васильевич даже не пригнулся, победно рассматривая в свете прожекторов всплывающий улов. По мере того как кверху брюхом всплывала рыба, лицо его принимало неудовлетворённый вид. Одна крупная щука, несколько язей, может, один-два муксуна и несметное количество мелочёвки, включая мелкую стерлядь, что в народе метко называют «гвоздями».

– Н-не-е-е, – потянул Комков, – так не пойдёт. Это чё – улов? Щ-щас, ребята, мы это дело поправим.

Он снова спустился на катер, порылся в заветном ящике, глубоко запуская руку в опилки, и достал со дна огромную, похожую на стекавшую с ручки каплю гранату.

– Вот! РПГ-6! Раритет! Во время войны такими немецкие «тигры» подбивали. Так что не то что рыбу, железное зверьё ловить можно. Берёт броню в сто двадцать миллиметров. Щас мы всю нельму со дна подыдем!

– Петя, а атомная бомба у тебя тоже в этом ящике? – спросил Али.

– Пока нет, веду переговоры с «Росвооружением», – то ли пошутил, то ли всерьёз ответил Комков.

– Петя, осторожнее, такая бандура! – попросила Лиза, всматриваясь во внушительную РПГ-6.

– Не дрейфь, девочка, я Герой Советского Союза по метанию гранат. Щ-щас, золотую рыбку выудим. Загадывай, Лизок, желание.

Он снова вышел на край дамбы. Там он вытащил предохранительный шплинт и попытался было размахнуться во всё плечо. Когда рука Комкова проходила апогей, кисть предательски дрогнула, и граната полетела на дамбу. В долю секунды, не раздумывая, незадачливый коммерсант нырнул в холодную сентябрьскую воду, и почти сразу последовал оглушительный взрыв, который поднял в ночное небо кусок дамбы, превратив его в песочные брызги. От взрыва подпрыгнул на волнах комковский катер, девушки упали на палубу, зажимая в ужасе уши. В скачущем луче прожектора лицом вниз всплыло, покачиваясь, тело Петра Васильевича. Али кинулся к рычагам управления, чтобы подогнать катер ближе и вытащить друга. Тосьва уверенно влилась грязной волной в огромную воронку, только маленький перешеек отделял её от шага в село. Перешеек этот таял на глазах...

5

После первого взрыва Андрейку прямо-таки подкинуло на кровати. Он побежал в другую комнату и начал тормошить мать, на ходу натягивая спортивные штаны.

– Мама! Мама! Буди всех! Сейчас всё потопит, всех зальёт! Буди, мама! Пусть все на чердаки лезут. Вода, мама, большие Ангелы уже здесь...

Алевтина Сергеевна после случая с колокольней ничего спрашивать не стала, только вскрикнула один раз, прижимая руку к сердцу, и бросилась к одежде. Андрейка, уже одетый, выскочил на крыльцо, она следом.

– Ты куда, сынок? – голос проваливался, словно не хватало дыхания.

– Я на реку, не бойся, я немного удержу воду... Недолго, мама. Пусть дядя Саша зовёт на помощь своих дяденек.

Как раз в это время ухнул самый большой взрыв, так, что в домах с незакрытыми ставнями вздрогнули стекла. Залились, переходя на одичалый вой, собаки. Кое-где люди сами вышли во дворы, тревожно прислушиваясь сквозь морось к недалёкой реке.

Алевтина Сергеевна кинулась было за сыном. Ну куда такого малыша одного отпускать?!

Потом вдруг вспомнила: года два назад ещё не говоривший Андрейка, когда они шли из магазина, вдруг потянул её за руку на другую сторону улицы. Там не было деревянного тротуара, и Алевтина попыталась сопротивляться, мол, чего Андрюша балуешь, не надо нам туда. Но он продолжал тянуть с такой силой и таким отчаянием в глазах, что сердце дрогнуло, и невольно потянулась за ним. Только отошли в сторону, как из-за поворота выскочил «Газ-53» – молоковоз – и на полной скорости врезался в забор, как раз в том месте, где они только что стояли. Дверца машины открылась, оттуда выпал на разломанный тротуар «в зюзю» пьяный водитель Пашка Водопьянов, чтобы, достигнув земли, тут же и уснуть мертвецким сном. Задави он мать с сыном, даже и не понял бы, что совершил смертный грех. У Алевтины добавилось седых волос, Андрюшка же уже через минуту зашагал дальше как ни в чём не бывало.

Вспомнив этот случай, Алевтина через материнский страх уверилась, что её пятилеток-сын в чём-то мудрее многих взрослых и надо делать именно то, что он сказал. И побежала вдоль улицы, стуча в окна и крича: дамбу прорвало, все на крыши! Где не верили, там срабатывало, как выстрел: «Андрейка сказал!»

Первым увидел это Александр Семёнович. Увидел и остолбенел, хоть заранее принял уже добрый десяток решений на подобный случай. То, как Али втаскивал на борт катера тело контуженного Комкова, он не замечал, а вот как хлынувшая в пробоину в дамбе Тосьва остановилась у ног маленького мальчика – видел. И «поражённый» застыл в нелепом положении бегущего человека.

Андрейка стоял, раскинув руки так, будто держал за руки с обеих сторон двух взрослых. Вал воды, только что смывший тонкий перешеек, как верный пёс замер у самых ног малыша, только лизнув его смешные старые кеды.

В селе между тем будил друг друга народ. Пронесся по центральной улице выпущенный очнувшимся Василием Ивановичем табун, поднял похмельную голову участковый и ринулся вслед за Алевтиной поднимать людей. Кое-кто из рыбаков, наперекор предсказанной угрозе, бежал к реке, к своим лодкам. Там они тоже замирали в полном исступлении, увидев, как Андрейка удерживает реку. Бабульки, охая и причитая, успели собраться в молельном доме, точнее на его чердаке, поочередно выглядывая на улицу, читая в голос то девяностый псалом, то молитву Кресту. Глава

администрации метался из стороны в сторону, выкрикивая угрозы и просьбы в радиотелефон, с которым не расставался ни на минуту. Водитель головастого «уазика», не раздумывая, рванул на бетонку – в сторону районного центра. В какой-то момент Алевтина вспомнила про своих подопечных, на ватных ногах побежала к коровнику на окраину села, но ещё издалека заметила, что напарницы уже выпустили ревущее в диком животном инстинктивном предчувствии стадо. Ну всё. Пусть теперь спасаются сами. Дорогу из низины знают. Алевтина, убедившись, что все до последнего глухого старика разбужены, метнулась к реке, к сыну. За ней по инерции, хватая похмельной глоткой воздух, побежал участковый.

Окаменевшие от чудного небывалого видения фигуры на берегу медленно, но начали двигаться, переваливаясь через борта лодок и катеров. Так же медленно под Андрейку подтекала Тосьва. Именно подтекала, ибо он оставался стоять, недвижим, поднимаясь вместе с уровнем и над уровнем воды. Вот уже остались видны только макушки негустого ивняка, томившегося без воды по ту сторону дамбы, – теперь напьётся; уже Алевтина и участковый оказались в катере спасателя,

вместе с Александром Семёновичем, который пытался завести мотор и одновременно расшевелить служебную рацию, что шуршала мёртвым эфиром; уже бултыхали вёслами рыбаки, и Али с ужасом и уважением смотрел на Андрейку, шепча свои мусульманские молитвы, а малыш всё стоял, теперь уже на поверхности бегущей под ним реки, раскинув руки. Казалось, шагни он, и помутневшая от поглощённой земли Тосьва проглотит его, как только что на глазах у всех проглотила брошенный на лугу трактор «Беларусь», но мальчик шагнул, и ничего не произошло. Он шёл по воде. Повернулся спиной к напивавшему потоку и спокойно шёл в сторону дома...

Тосьва грязной волной прошла по улицам села, уравнившись с верхней частью оконных рам, и сама себе потянула руку за поворот через заливные луга. Народ на чердаках облегчённо вздохнул: дальше не поднимется. Всё-таки осень – не весна.

С одной стороны Андрейку держал за руку Архангел Уриил, в другой руке Архангела полыхал негаснущий огонь, с другой – Архангел Салафиил. И парил над всей троицей Архангел Рафаил. Никто не видел сии мощные Божии Силы, для всех смертных малыш просто

шёл по воде. Тем более никто не замечал Ангела Хранителя, что почтительно отступил в сторону перед столь высшими Силами. Некоторым, правда, казалось, что малыш о чём-то с кем-то разговаривает. Но чего ещё ожидать от блаженного? Да и в первый ли раз Андрейка шёл, разговаривая сам с собой... Разница лишь в том, что теперь он шёл по воде.

– Ты видел то, чего никто не видел. Теперь ты можешь открыть себе знания через книги. Открыть и без боязни читать любую, – говорил Андрюше Архангел Уриил.

– Читать книги святые, те, которые славят Бога, – учил Салафиил.

– Но ведь мне всего пять лет? – напоминал Андрейка.

– Не люди ведают сроки, – вещал сверху Рафаил. – Теперь ты не будешь бояться людей, – продолжил Архангел-целитель и коснулся Андрейкиного плеча пером, что держал в руке.

В хмуре мареве наступающего рассвета появился оранжевый вертолёт МЧС, с которого ушлый журналист пытался снимать жуткое и удивительное зрелище – мальчика, идущего по несущемуся вдоль села потоку. Но в самый неподходящий момент у журналиста закли-

нило камеру, и он только беспомощно тыкал пальцем в сторону дивного зрелища, которое теперь не принесёт ему известности и положенных дивидендов, пока его не оттолкнули от дверного проёма хмурые спасатели: «Не мешай работать...»

Андрейка вошёл в свой дом и первым делом бережно собрал в красном углу иконы – вода к ним не поднялась, хоть стояла почти под потолком, – вытащил намокшую Библию, доставшуюся матери ещё от бабушки, изданную до революции, и только потом поднялся на чердак.

Катер Александра Семёновича подрулил к дому Алевтины, причалив к крыше. Алевтина юркнула в достаточно большое слуховое окно и обняла Андрейку, который сидел над раскрытой книгой.

– Что же теперь с селом будет? – всплакнула мать.

У Андрейки книга случайным образом была открыта на Третьей книге Ездры, где Архангел Уриил учил пророка, как постигнуть путь Всевышнего. И Андрейка, словно в ответ матери, прочитал:

– «...Чем больше будешь испытывать, тем больше будешь удивляться; потому что

быстро спешит век сей к своему исходу и не может вместить того, что обещано праведным в будущие времена, потому что век сей исполнен неправдою и немощами. А о том, о чем ты спрашивал меня, скажу тебе: посеяно зло, а ещё не пришло время искоренения его. Посему, доколе посеянное не исторгнется, и место, на котором насеяно зло, не упразднится, – не придёт место, на котором всеяно добро...»

Читал Андрейка чуть нараспев, но складно и не прерываясь. Мать перестала его тискать и села рядом на доски, чтобы слушать. Ей уже не приходило в ум спросить, правда ли он сам читает. Ангел Уриил одобрительно кивнул прочитанному и, взмахнув крылами, исчез в других мирах.

И дальше читал Андрейка из книги пророка Ездры:

– «...Вот, настанут дни, в которые многие из живущих на земле, обладающие ведением, будут восхищены, и путь истины сокроется, и вселенная оскудеет верою, и умножится неправда, которую теперь ты видишь и о которой издавна слышал. И будет, что страна, которую ты теперь видишь господствующею, подвергнется опустошению. А если Всевыш-

ний даст тебе дожить, то увидишь, что после третьей трубы внезапно воссияет среди ночи солнце и луна трижды в день; и с дерева будет капать кровь, камень даст голос свой, и народы поколеблются. Тогда будет царствовать тот, которого живущие на земле не ожидают, и птицы перелетят на другие места. Море Содомское извергнет рыб, будет издавать ночью голос, неведомый для многих; однако же все услышат голос его. Будет смятение во многих местах, часто будет посылаем с неба огонь; дикие звери переменят места свои, и нечистые женщины будут рождать чудовищ. Сладкие воды сделаются солёными, и все друзья ополчатся друг против друга; тогда сократится ум, и разум удалится в своё хранилище...»

Не выдержавшая ужасного пророчества о последних временах, Алевтина Сергеевна остановила сына.

– Сынок! Андрюша! Ты мне лучше про апостола Андрея Первозванного прочитаешь, а сейчас пойдем в лодку, дядя Саша всех малых ребят на сухое вывезет. Мало ли что ещё Тосьва выкинет. Рыбу вон, как в книге, уже исторгла... Пойдём, милый.

И когда катер с детьми отдалялся от Гатова, Андрейка всё смотрел на торчавшую из воды

обезглавленную колокольню. Смотрел и вдруг горько навзрыд заплакал.

– Ангел остался над этим местом... Он не может уйти... Он плачет... – пояснил малыш обеспокоенному Александру Семёновичу.

Александр Семёнович промолчал. Он уже знал, что мальчик не лжёт, не придумывает. Сам он боялся смотреть в сторону удаляющегося села, будто в страшном бедствии была его и только его вина...

6

Готово восстановлению в ближайшее время не подлежало. Об уходе воды можно было бы говорить только летом. Но до лета зимняя стужа и весенний разлив Тосьвы доделают свою работу – от жилья ничего не останется. По сути, предстояло либо отстраивать село заново, либо расселить его жителей в районном центре, предоставив им жильё и работу. Районное начальство пошло по второму пути. Начальство губернское, в свою очередь, выдало пострадавшим какие-никакие компенсации. Расплачиваться предстояло и Комкову-младшему, но он после контузии пребывал не только в больнице, но и в коме, а верный Али предпочёл исчезнуть с той частью денег, которую только смог

извлечь наличными из общего бизнеса. Правда, медперсоналу дал щедрые «чёрные» гонорары, дабы за его другом ухаживали, как полагается. Многие гатовцы, получив компенсацию, рванули в большие города к родственникам, а другие просто пропили её по инерции, как пропивали всю наличность, которая попадала им в руки. Да и оправдание было старорусское: с горя! Да с какого! Но некоторые всё же смиренно начали жизнь с нуля...

Алевтину Сергеевну и Андрейку поселили в общежитии. Ей предоставили работу на молокозаводе, ему – садик. В старшей группе тихий Андрейка прижился удивительно быстро. Бойкие сверстники его, на удивление, не обижали, а иногда подходили к нему с книгами и просили почитать в слух. Воспитатели же радоваться не могли: спокойный, тихий, исполнительный мальчик, да ещё и книжки для всех читает. Таких бы целую группу!

В лавке при храме Алевтина Сергеевна купила Андрейке детскую Библию с цветными картинками. Там её и заметил отец Герман, стремительно, разбрасывая широким шагом полы рясы, подошёл. Алевтина сложила руки под благословление, как учили деревенские старушки. После того священник сообщил ей:

– Алевтина Сергеевна, я тут собрал целую подборку рассказов и свидетельств, как Ангелы приходили к детям и помогали им. Сам удивился, как их много. Мария Ивановна, дайте книги, которые я собрал, – обратился он к женщине за прилавком.

Та достала приличную пачку тонких брошюр и увесистых томов, где предусмотрительно были вложены закладки.

– Есть просто удивительные, настолько тревожащие сердце случаи... Вот, например, как Ангел спас сына стрелочника ещё до революции. – Отец Герман торопливо раскрыл один из томов и начал читать: – «В 1885 году помощник начальника московского Октябрьского вокзала Ф. И. Соколов сообщил такой случай. У него был знакомый железнодорожный служащий – стрелочник, который служил на одной из ближайших к Москве станций Октябрьской железной дороги. Однажды при исполнении своих служебных обязанностей на линии ему пришлось пережить ужасные минуты. Из Петрограда в Москву шел курьерский поезд. Стрелочник вышел ему навстречу, чтобы перевести стрелку и направить его на свободный путь. Смотрит, далеко впереди уже виднеется дымок и слышен свисток паровоза.

Оглянувшись назад, он видит: по полотну навстречу поезду бежит его трехлетний сынишка и что-то держит в руках. Бросить стрелку и бежать навстречу сыну, чтобы увести его с полотна, было уже поздно. Что делать? А поезд между тем приближался и минуты через две, если он не перевел бы стрелку, состав должен был промчаться по другому пути, занятому, и потерпеть крушение, что привело бы к сотням человеческих жертв. Тогда всем сердцем он воззвал к Богу: "Да будет воля Твоя святая", – перекрестился, закрыл глаза и повернул стрелку. Мгновение – и поезд промчался уже по полотну, по которому только что бежал его маленький сын. Когда поезд скрылся из виду и пыль немного улеглась, стрелочник бегом направился к тому месту, где был его сын, думая найти хотя бы останки трупика. И что же он видит: мальчик, сложив ручки на груди, лежит ниц на земле. Отец закричал ему: "Сын мой, ты жив?" – "Я жив, жив", – весело отвечал он, поднялся на ножки, продолжая прижимать к своей груди воронёнка. В глазах его не было и следа страха. Отец спросил его: "Как же ты догадался лечь на землю?" А мальчик ответил: "Какой-то светлый, красивый, добрый юноша с крыльями склонился надо мной и пригнул

к земле". Стрелочник понял, что когда он воззвал к Господу, Божий Ангел чудесно спас его ребенка...» Ну, – перевел дыхание отец Герман, – дальше сами прочитаете. Меня этот случай очень сильно задел за живое.

Он закрыл книгу, и Алевтина успела прочитать название «Невидимый мир Ангелов».

– Спасибо, батюшка, – поблагодарила, принимая книги и укладывая их аккуратно в пакет.

– Значит, по воде в Гатово Андрюша ходил? – и вроде не спросил, а сам себе подтвердил отец Герман.

– Он, – опустила глаза Алевтина. – Но теперь он всё больше грустный. Хотя много читает. Ещё ведь не сказала вам, сам открыл книгу и начал читать вслух. Библию на чердаке, именно в тот момент, когда вода на улицах растекалась. Сейчас вот в садике воспитатели его хвалят за поведение.

– Ну вот, а вы переживали, в девиантные следом за врачами его записать хотели. Грустный он, может быть, потому, что родной дом затонул, село под водой.

– Да нет, с этим смирился. Говорит, что скоро уже не будет видеть Ангелов, а без них ему, как без лучших друзей.

– На всё воля Божья, – напомнил отец Герман. – А вы нашли себе место работы?

– Да, городские власти на молокозавод направили.

– И жильё дали?

– Комнату нам с Андрейкой на двоих...

– Значит, сможете чаще приходить в храм.

– По выходным, батюшка, по праздникам, – кивнула Алевтина.

Детскую Библию Андрюша осилил в три дня. Потом почитал некоторые книги из тех, что мать принесла от отца Германа. И снова взялся за большую Библию. Правда, Алевтине Сергеевне пришлось раскошелиться и купить современную, дабы мальчик не сбивался на дореволюционных «ятях». Подбрасывала ему и русские сказки, которые он тоже читал с интересом. А вот от комиксов с современными супергероями отказывался.

Однажды вечером по телевизору, который-таки купила с зарплаты Алевтина, в местных новостях рассказывали о наводнении в Гатово. Показывали нынешний вид с вертолѐта, и Андрейка снова печально смотрел на остатки колокольни, возвышавшиеся над изменившимся течением Тосьвы.

– Ангела нет... Или через телевизор его не видно, – заметил он.

Между тем на экране появился тот самый журналист, что летел в то утро со спасателями, клял свою сломавшуюся камеру и клялся зрителям, что он своими глазами видел идущего по воде мальчика. И ещё несколько га-товцев, которых он нашёл в городе, кивали и рассказывали про Андрейку, про то, как он предупреждал о падении колокольни. Потом на экране появился бородатый профессор и начал рассуждать об экстрасенсорных способностях мальчика, о том, что родители должны позаботиться о том, чтобы исследовать их в лабораторных условиях, а не прятать мальчика от людей, что эти способности надо развивать...

– Дурак, – сказала в сторону профессора Алевтина.

Андрейка же смотрел в сторону экрана так, будто там было пустое место.

– Неужели нам и отсюда придётся уезжать? – сама себя озадачила мать.

– Зачем? – как обычно спросил малыш. – Скоро мне в школу. В шесть лет уже можно. Рафаил говорил, что мне теперь не нужно бояться людей. Ничего они мне не сделают.

Мам, я тут Ангелов почти не вижу. Может, они в городах не живут? Или у меня с глазами что-то происходит. Только у храма, даже если не вижу, то точно знаю, они рядом.

– А мы не будем ждать воскресенья. Я в четверг с работы пораньше отпрошусь, пойдем в храм. Праздник. Я по календарю смотрела. Рождество Пресвятой Богородицы.

– Ты бы знала, мама, как Её Ангелы любят...

Алевтина Сергеевна задумалась, глядя в окно, за которым неслись по улице иностранные машины, рекламные щиты обещали и навязывали чего-то, а из соседнего открытого окна доносилась музыка. Песня. Современная и популярная, но абсолютно дурацкая, с несуразным текстом. В этот миг Алевтина испытала искушение и с опаской спросила у сына:

– Андрюша, а с этим городом ничего такого не будет? Как с нашим селом?

Мальчик, не глядя на мать, раскрыл Библию и сразу начал читать вслух Евангелие от Луки:

– «А другие, искушая, требовали от Него знамения с неба.

Но Он, зная помышления их, сказал им: всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет, и дом, разделившийся сам в себе, падет;

если же и сатана разделится сам в себе, то как устоит царство его?..»

Алевтина смутилась.

– Надо мне самой всё прочитать, да я не всё понимаю. Старушки, правда, говорили, что чего умом не возьмёшь, возьмёшь сердцем.

Вечером мать и сын сидели за книгами. Алевтина читала «Невидимый мир Ангелов» и дивилась, Андрейка же разучивал нараспев новую молитву:

– «Ангеле Христов, хранителю мой святой и покровителю души и тела моего, вся ми прости...»

Он ещё надеялся увидеть Ангелов, но они и так были рядом. По крайней мере, два.

Завтра к Алевтине Сергеевне придёт Александр Семёнович и предложит ей выйти за него замуж. Андрейка отнесётся к этому спокойно, у взрослых своя жизнь. Попросит только всем вместе молиться за папу...

СОДЕРЖАНИЕ

Повесть

Скинъкеды	5

Рассказы

Последний фантастический рассказ ...	145
Отвергнутые	159
Назад к свету	175
Самый неизвестный солдат	200
Человек друга	222
Дежурный Ангел	226
Мама-Маша	241
Возвращение	259
Ночь перед вечностью	280
Крест перекрестка	289
История болезни	309
Мобильная новелла	328
Никита Кожемяка	365
Белочки-собачки	380
Первозванный	392

Литературно-художественное издание

Козлов Сергей Сергеевич

ДЕЖУРНЫЙ АНГЕЛ
Рассказы

Редактор Крылова Г.А.

Корректоры Крылова Г.А., Грецова О.В.

Верстка Буданова А.С.

Сибирская Благовонница

Подписано в печать 25.04.11. Формат 70x100/32.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ. л. 14.

Тираж 7000 экз. Заказ 5288.

Адрес издательства:

109012, г. Москва, ул. Никольская, д. 7/9, строение 6,

E-mail: syb-blag@yandex.ru, www.blagozvon.ru.

Отдел оптовых продаж:

109202, г. Москва, шоссе Фрезер, д. 17а,

телефон/факс: 8(495) 363-45-10.

Отпечатано с электронных носителей издательства:

ОАО «Тверской полиграфический комбинат».

170024, г. Тверь, пр-т Ленина, д. 5.

Телефон: +7(4822) 44-52-03, 44-50-34, телефон/факс +7(4822) 44-42-11

E-mail: tpk@tverpk.ru; sales@tverpk.ru.

Сергей
Козлов

дежурный ангел

В книге сибирского писателя Сергея Козлова «Дежурный Ангел» – истории о былинных богатырях Древней Руси, о людях сегодняшней России, то слабых и ошибающихся, то умеющих проявить себя в борьбе с несправедливостью и злом. В небольших рассказах нашла отражение наша современная жизнь с ее печальями и радостями, встречами и расставаниями, отчаянием, надеждой и верой в милосердие Божие.

